КАК НАЧИНАЛАСЬ СОЛИДАРНОСТЬ

HOW SOLIDARITY WAS BORN

Compiled, translated and annotated by

L. SHATUNOV

OVERSEAS
PUBLICATIONS
INTERCHANGE LTD
LONDON 1981

КАК НАЧИНАЛАСЬ СОЛИДАРНОСТЬ

Составление, перевод и примечания

Л. ШАТУНОВА

OVERSEAS
PUBLICATIONS
INTERCHANGE LTD
LONDON 1981

KAK NACHINALAS' SOLIDARNOST'

First published in Russian in 1981
by Overseas Publications Interchange Ltd
40 Elsham Road, London W14 8HB, England

© Overseas Publications Interchange Ltd, 1981

All rights reserved
ISBN 0 903868 39 3

Cover and prelims by Andrzej Krauze

Printed in Great Britain
by A. Wheaton and Company, Hennock Road, Exeter

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Историческое значение движения протеста в Польше летом 1980 г. не исчерпывается тем фактом, что августовская забастовка на Балтийском побережье представляла собой, по мнению специалистов, „крупнейшую забастовку в европейской истории".

Исключительная важность победы польских рабочих состоит еще и в том, что она полностью преобразила лицо страны, оставив прочный след во всех без исключения областях жизни общества. Это было достигнуто только благодаря несгибаемой воле и решимости трудящихся закрепить достигнутый успех, превратить то, что могло бы быть временной уступкой властей, в официально зафиксированные о б я з а т е л ь с т в а правителей перед народом. После Августа 1980 произошли столь глубокие изменения не столько в формальной структуре власти, сколько в соотношении сил между нею и всеми остальными слоями общества – рабочим классом, крестьянством, интеллигенцией – что теперь все большее число наблюдателей (не говоря уже о самих поляках) называет начавшийся в августе 1980 г. процесс – р е в о л ю ц и е й.

Третья особенность польской революции заключается в том, что она была и до сегодняшнего дня остается революцией, осуществляемой мирным путем. Дело не только в том, что за все время августовских событий не было разбито ни одной витрины; вообще за полтора года острейшего,

общенационального конфликта не было отмечено н и о д н о г о акта насилия, приведшего к человеческим жертвам.

Все это – неоспоримые исторические факты, и их значение очевидно. Однако, у польской революции есть еще одна особенность, значение которой пока еще трудно осознать до конца. Дело в том, что гарантом, символом и движущей силой происходящих в Польше перемен стало профсоюзное объединение „Солидарность" – первое независимое объединение работников, возникшее в социалистической стране, где единственным работодателем является государство. В таких условиях любой локальный, местный конфликт между работниками и работодателем в большей или меньшей степени ущемляет монополию власти и рискует перейти в столкновение более широкого (вплоть до общенационального) масштаба – между трудящимися и государством. Ясно поэтому, что в своей деятельности „Солидарность", являющаяся фактически представителем всего трудящегося населения, не в состоянии ограничиться чисто „профсоюзными" проблемами и неизбежно затрагивает (это вынуждены признавать и сами руководители „Солидарности", поначалу вовсе к этому не стремившиеся) и политические вопросы.

Может быть, этого и не было бы, если бы со стороны властей было проявлено больше доброй воли и понимания потребностей простых людей – сказать трудно. Да так ли уж сложно при желании понять эти потребности? Сам Валенса описывал их так: „Чтоб мы знали, за что работаем, на кого работаем, что с нашими деньгами происходит, за чем мы стоим в очередях, почему зачастую производим сами не знаем что и с какой целью. И еще речь идет о том, чтобы мы всегда могли сказать, что думаем, чтобы всегда были собой, чтобы никто у нас не отнимал нашего „я", того, что есть в наших сердцах". Казалось бы, немного – однако конца конфликту в Польше пока не видно. Поэтому и трудно сейчас сказать, каково может быть историческое значение опыта борьбы польских рабочих для трудящихся в социалистических странах и во всем мире.

Ясно одно: „Солидарность" – это явление абсолютно по-

вое, ни на что не похожее и обладающее уже своей собственной историей (тщательно скрываемой или фальсифицируемой в одних странах, а в других – остающееся непонятым несмотря на видимое обилие информации). Поэтому историю становления и развития „Солидарности" – от момента появления над проходной №2 Гданьской судоверфи лозунга „Пролетарии всех предприятий, соединяйтесь!" и до сегодняшней повседневной деятельности профсоюзного объединения, насчитывающего 9,5 млн. членов – нужно изучать из первых рук, „по первоисточникам".

С этой целью и составлен настоящий сборник, предназначенный для русского читателя. Мы стремились предоставить ему возможность ознакомиться с подлинными документами и материалами, чтобы он мог сам, а не под влиянием газет, радио или досужих вымыслов, узнать о том, как начиналась „Солидарность". Поэтому мы сознательно свели к минимуму любые комментарии, за исключением исторических справок или пояснений, необходимых для понимания событий и фактов. В сборник включены исключительно документы, опубликованные в официальной польской печати. Сюда вошли „Требования бастующих коллективов", текст Гданьских соглашений и магнитофонная запись хода заседаний Межзаводского Забастовочного Комитета на Гданьской судоверфи им. Ленина в августе 1980 г., опубликованная в гданьском журнале „Пункт" №12 за 1980 г. В качестве приложения помещена беседа с Анной Валентинович, появившаяся в краковской газете „Тыгодник Повшехны" от 11.01.1981 (это тоже своего рода документ, и, быть может, наиболее близкий и понятный русскому читателю – судьбы миллионов советских женщин слишком похожи на судьбу „пани Ани"). Если учесть, что эта беседа также представляет собой обработку магнитофонной записи, то мы придем к выводу, что основой для практически всего сборника послужили магнитофонные ленты. Это не случайно.

Дело в этом, что в истории польской революции портативные магнитофоны сыграли (и продолжают играть) выдающуюся роль. В августе 1980 г. делегаты МЗК на Гдань-

ской судоверфи записывали на магнитофоны все, что говорилось на заседаниях МЗК, а потом привозили кассеты и пленки на свои предприятия. Рабочие слушали – и знали: здесь все, как оно было на самом деле. Эта картина повторялась впоследствии на тысячах рабочих собраний по всей Польше, и через год – на первый съезд „Солидарности" – делегаты вновь приехали с магнитофонами, чтобы затем вернуться с записями на свои заводы и фабрики (съезд проходил в два этапа – именно с той целью, чтобы делегаты могли вернуться обратно и узнать, что думают и как считают нужным поступать их товарищи по работе).

Так польские рабочие решили две важнейшие проблемы – гласности и достоверности информации. Если вспомнить, что в августе 1980 г. на стенах бастующих предприятий рабочие писали „Пресса лжет", а теперь по всей стране пишут „Телевидение лжет" (просто потому, что за это время у „Солидарности" уже появилась своя независимая печать) то придется признать, что „магнитофонное" решение было в этих условиях простым и радикальным. В XX веке уже не булыжник, а магнитофон стал оружием пролетариата, инструментом объединения, сплочения, солидарности людей, давно уже отвыкших верить кому бы то ни было, кроме самих себя.

20 октября 1980 г. на встрече с шахтерами в Ястшембе Лех Валенса сказал: „Мы уже разным людям верили – и что из этого вышло? Так не верьте никому, и Леху тоже не верьте. Верьте себе".

Пусть же наш привыкший никому и ничему не верить читатель прочтет эту книгу с теми же чувствами, с какими польские рабочие в горячие августовские дни вслушивались в те же самые, звучащие на магнитофоне тексты.

Пусть он верит только себе и сам решает, где правда и где ложь. Но пусть он помнит: Здесь все, как оно было на самом деле.

Ноябрь 1981 года

КРАТКИЙ КАЛЕНДАРЬ СОБЫТИЙ

июнь 1956 года
Забастовки и уличные демонстрации рабочих Познани, подавленные с применением орудия милицией и войсками. Непосредственным поводом протеста было повышение цен на продукты питания и повышение норм выработки на производственных предприятиях без увеличения зарплаты. Июньские события стали началом процесса, получившего название „польского Октября", когда распространившаяся по всей стране волна протеста смела предыдущее руководство и в октябре 1956 г. привела к власти недавно выпущенного из тюрьмы Владислава Гомулку. Отметим, что восстание в Венгрии в 1956 г. началось с митинга солидарности с „польским Октябрем". Приход к власти Гомулки был встречен населением с неподдельным энтузиазмом, однако период „оттепели" оказался непродолжительным.

март 1968 года
Забастовки и демонстрации протеста варшавских студентов, силой подавленные милицией. Студенческие волнения 1968 г. были если не спровоцированы, то во всяком случае использованы Гомулкой в его борьбе со своими политическими противниками в высшем партийном руководстве.

декабрь 1970 года
Забастовки и уличные демонстрации рабочих Балтийского побережья. Непосредственный повод – резкое повышение цен на мясо и другие продукты питания. Волнения были подавлены с помощью оружия, причем точное число убитых и раненых неизвестно до настоящего времени. Декабрьские события привели к свержению Гомулки. К власти пришел Эдвард Герек, пообещавший, что никогда больше „поляки не будут стрелять в поляков". Повышение цен было отменено, и стремившийся к завоеванию популярности Герек пообещал также наказать виновных в декабрьских расстрелах

и обеспечить участие рабочих в управлении деятельностью предприятий. Эти обещания никогда не были выполнены.

июнь 1976 года
В связи с новой попыткой резкого повышения цен на продукты питания вспыхивают рабочие волнения в Радоме и Урсусе под Варшавой, подавленные с применением силы. Спокойствие в стране удается восстановить только после отмены решения о повышении цен.

октябрь 1978 года
Событием года становится избрание главой католической церкви архиепископа Краковского кардинала Кароля Войтылы, известного своей стойкой политикой по отношению к властям. Новый папа принимает имя Иоанна-Павла II.

июнь 1979 года
Визит в Польшу папы Иоанна-Павла II. Вся страна живет в атмосфере праздничного подъема. Миллионные толпы людей встречают „своего папу". Улицы и площади в разных городах запружены людьми, но милиции не видно – служба порядка организована церковными властями и включает в себя также добровольцев из населения, чаще всего студентов. В такой обстановке люди впервые столь наглядно ощущают, что они – вместе, что они – едины, и осознают ту огромную силу, которую дает это единство.

лето 1980 года

1 июля Правительство принимает решение о резком повышении цен на мясо, продаваемое непосредственно на предприятиях (в обычных магазинах мясо уже давно становится найти все труднее и труднее). На автотракторном заводе „Урсус" близ Варшавы вспыхивает забастовка. Рабочие создают комиссию из своих представителей, требуют отмены повышения цен и повышения зарплаты в качестве компенсации роста стоимости жизни.

2 июля Начинается забастовка в Тчеве.

3 июля Движение протеста распространяется по всей стране: поступают сведения о кратковременных забастовках, митингах протеста, но уличных демонстраций нет – рабочие остаются на предприятиях.

4 июля Правительство реагирует беспорядочно: в некоторых областях новые цены вводятся в действие, в некоторых – нет. Однако повсюду требования рабочих о повышении зарплаты удовлетворяются в течение двух-трех дней.

7 июля Повышение цен постепенно аннулируется. Первая волна забастовок спадает.

9 июля Власти объявляют о предстоящем повышении зарплаты наиболее низкооплачиваемым категориям работников, и в связи с этим предпринимают повторную попытку повысить цены. Это дает начало новой, более мощной, волне забастовок.

10 июля Начинается забастовка 20 тысяч рабочих на Варшавском автомобильном заводе. Бастуют еще 30 предприятий по всей стране, в том числе лодзинские ткачихи и люблинские железнодорожники, требующие создания свободных профсоюзов и повышения заработной платы.

16 июля Люблин охвачен всеобщей забастовкой.

18 июля Политбюро призывает люблинских рабочих к дисциплине. На переговоры в город прибывает заместитель премьер-министра. Власти идут на уступки, удовлетворяя экономические требования бастующих.

23 июля После краткой передышки забастовки вспыхивают в нескольких городах, в том числе в Познани.

29 июля Сообщается о первых забастовках на Балтийском побережье.

31 июля Забастовками охвачено около ста предприятий по всей стране.

7 августа Начало недельной забастовки мусорщиков Варшавы.

11 августа Забастовка городского транспорта в Варшаве. С начала июля забастовки отмечаются на 150 предприятиях страны. При этом тактика властей, состоящая в повышении зарплаты работникам бастующих предприятий с целью скорейшего прекращения забастовки, приводит к тому, что забастовки начинаются на других, ранее не бастовавших предприятиях.

14 августа Резкое обострение кризисной ситуации, ознаменованное началом забастовки 17-тысячного коллектива Гданьской судоверфи им. Ленина. В 8.00 утра на верфи начинается стихийный митинг. Рабочие выдвигают следующие требования: вернуть на работу несправедливо уволенную крановщицу Анну Валентинович, повысить зарплату на 1000 злотых и ввести компенсацию роста стоимости жизни. На территории верфи появляется Лех Валенса, электромонтер, уволенный с судоверфи за участие в организации забастовки 1970 г. Он становится во главе забастовки судостроителей. Возникает Забастовочный Комитет, выдвигающий требования о возвращении на работу А. Валентинович и Леха Валенсы, сооружении памятника жертвам Декабря 1970 г., гарантии неприкосновенности и отсутствия репрессий по отношению к бастующим, повышения заработной платы на 2000 злотых и повышения размеров пособия на членов семьи до уровня соответствующих пособий, выплачиваемых сотрудникам милиции и органов госбезопасности. Дирекция согласна удовлетворить первые три требования, но рабочим этого недостаточно: они преисполнены

решимости продолжать бороться. Какие формы примет эта борьба? Урок, извлеченный из опыта прошлых лет, ясен: никто не выйдет за проходную, не будет никаких уличных шествий или демонстраций – только забастовка с занятием помещений и территории предприятия. Образуется рабочая охрана, не впускающая на территорию верфи посторонних и следящая за соблюдением объявленного Забастовочным Комитетом „сухого закона". Обнаруженные на проходной бутылки с водкой и пивом просто разбивают. Теперь со стороны бастующих сделано все, чтобы предотвратить возможные провокации или прямое столкновение с отрядами милиции либо даже, что многие не исключают, армейских подразделений; кроме того, это позволяет избежать возможных арестов. Рабочие остаются на верфи на ночь.

15 августа К забастовке присоединяются новые предприятия Балтийского побережья: судоверфь им. Парижской Коммуны в Гдыне, Гданьская ремонтная судоверфь, другие судоверфи, порты, городской транспорт. Прервана телефонная связь с остальной частью страны. Э. Герек срочно возвращается из Крыма, где начиная с 31 июля он находился на отдыхе. На судоверфи им. Ленина продолжаются переговоры Забастовочного Комитета с дирекцией.

16 августа (суббота) К полудню на Гданьской судоверфи достигнуто соглашение с дирекцией по всем пяти требованиям. В 15.00 объявляется об окончании забастовки. Рабочие начинают расходиться по домам. В этот момент в зале заседаний и в толпе, направляющейся к выходу, раздаются голоса, упрекающие забастовщиков в предательстве, в нарушении рабочей солидарности. Вспыхивают ожесточенные споры, дискуссия переносится на стихийный митинг возле проходной №2, где представители различных бастующих предприятий Гданьска убеждают судостроителей, что без участия Гданьской судоверфи забастовки на менее крупных предприятиях будут задушены, и рабочие не получат никаких гарантий удовлетворения своих требований. Они призывают

к продолжению забастовки. Наступает важнейший, переломный момент в истории рабочего протеста на Балтийском побережье – судостроители решают остаться и продолжать забастовку, которая превращается в забастовку солидарности. Проходные вновь закрываются, но несколько тысяч человек уже успело разойтись. Ночью формируется Городской Забастовочный Комитет, позднее преобразующийся в Межзаводской Забастовочный Комитет.

17 августа (воскресенье) На заседании МЗК, объединяющего 28 предприятий, разрабатывается список 21 требования. Объявляется, что МЗК представляет собой единственный орган, уполномоченный вести переговоры с властями. МЗК обращается с призывом запретить продажу в городе спиртных напитков и решает, что все службы и предприятия, необходимые для поддержания нормальной жизни населения, должны продолжать работать. Среди населения начинается сбор денег на питание для бастующих.

18 августа (понедельник) Ночью и в течение всего дня на судоверфь возвращаются практически все покинувшие ее в субботу. К 14.00 в МЗК входят делегаты уже более 100 предприятий. Находящаяся в Гданьске Правительственная Комиссия во главе с вице-премьером Т. Пыкой отказывается иметь дело с МЗК и принимает представителей бастующих предприятий поодиночке. Многие предприятия отказываются участвовать в таких встречах. Э. Герек отменяет свою поездку в ФРГ и вечером выступает по телевидению. Он объявляет о повышении зарплаты, но отказывается принять прочие требования бастующих. Призывы вернуться на работу и неудачные попытки найти виновных в создавшейся ситуации не находят отклика среди рабочих. Кредит доверия исчерпан. К полуночи в МЗК входит уже 156 предприятий. В магазинах города прекращена продажа спиртных напитков. МЗК взял в свои руки организацию работы всех городских служб. В городе милиция задерживает машины с бело-красными государственными флажками: МЗК призывает

подчиняться органам порядка, не вступать с ними ни в какие конфликты.

19 августа Начинаются забастовки в портовом городе Щецине и Тарнове, близ Кракова. В МЗК в Гданьске вступают предприятия из близлежащих городов: к концу дня в нем состоит уже 263 предприятия. Поступают неофициальные сообщения о состоявшемся ночью пленуме Воеводского комитета партии, на котором, в частности, выступил командующий флотом адмирал Л. Янчишин и член Политбюро Ст. Каня. Сообщается, что адмирал Янчишин заявил, что флот ни при каких условиях не будет участвовать в подавлении „справедливого народного протеста". По слухам, таковы же настроения среди высшего командного состава армии. Тем не менее, обстановка продолжает оставаться напряженной. Исход кризиса никто не может предсказать.

20 августа Забастовочное движение охватывает огромный металлургический комбинат им. Ленина в Новой Гуте, медеплавильный комбинат в Глогове (Нижняя Силезия). В Щецине создан МЗК, включающий в себя 40 предприятий. Арестованы 18 членов Комитета защиты рабочих КОР, помогающего забастовщикам. Впервые с 1973 года в СССР начинается глушение передач западных радиостанций на русском языке.

21 августа По ходатайству Воеводского комитета партии в Гданьске Т. Пыка смещен с поста председателя Правительственной Комиссии. Его заменяет вице-премьер М. Ягельский, продолжающий тактику переговоров с представителями бастующих предприятий в обход МЗК. В состав МЗК входит уже более 350 предприятий. Проведены новые аресты участников оппозиции. Со стороны МЗК – по-прежнему никакой реакции. Усилены наряды милиции вокруг Судоверфи.

22 августа Подтверждено сообщение из Щецина о начале переговоров МЗК с Правительственной Комиссией, во главе которой стоит вице-премьер К. Барчиковский. Л. Валенса

выступает с заявлением, опровергающим утверждения властей об участии деятелей оппозиции в руководстве забастовкой. Однако, заявляет далее Валенса, они нам помогают, и если их не выпустят, не будет никаких переговоров. М. Ягельский принимает трех представителей Президиума МЗК. Достигнута договоренность о начале переговоров на территории Судоверфи. Бастующие встречают новость всеобщим ликованием.

23 августа Начинаются переговоры с Правительственной Комиссией по поводу первых четырех пунктов требований. Камень преткновения – невыполнение предварительного условия о восстановлении телефонной связи. Первая встреча заканчивается в 22.45. В состав МЗК входит уже 388 предприятий.

24 августа В Варшаве проходит Пленум ЦК ПОРП. Смещен премьер-министр, из руководства партии удалены наиболее „твердолобые" и скомпрометировавшие себя представители аппарата. В своем выступлении Э. Герек обещает изменить экономическую политику и допустить свободу выборов в профсоюзные органы, но по-прежнему отвергает идею независимых профсоюзов.

25 августа На Судоверфи царит спокойствие и выжидательное настроение. В 21.00 поступает сообщение о восстановлении телефонной связи с Варшавой. В 0.30 достигнута договоренность о проведении следующей встречи с Правительственной Комиссией завтра, в 11.00. В сообщениях о забастовках по национальному телевидению появляется новый тон, в местной прессе впервые упоминается имя руководителя забастовки Л. Валенсы.

26 августа Продолжаются переговоры по первым пунктам списка требований. Власти соглашаются на предоставление права на забастовку. Смещен со своего поста председатель ЦСПС. По телевидению член ЦК, журналист Р. Война недву-

смысленно намекает на возможность прекращения государственного существования и нового раздела Польши. В своем выступлении по телевидению примас Польши, кардинал Стефан Вышинский призывает забастовщиков к сдержанности.

27 августа Весь день на Судоверфи продолжаются переговоры между группами экспертов обеих сторон. В выступлении по гданьскому радио и телевидению М. Ягельский вновь настаивает на необходимости сохранить прежнюю структуру профсоюзов. Поступает встреченное взрывом негодования сообщение о том, что телевизионное выступление кардинала Вышинского подверглось цензурной „обработке". Забастовки распространяются на Вроцлав, где МЗК объединяет 38 предприятий, и на автозавод на Жерани в Варшаве. В Гданьске бастует более 500 предприятий; МЗК чисто технически не в состоянии принимать на территории судоверфи новых делегатов. В пресс-бюро МЗК аккредитовано уже более 50 групп журналистов западной прессы, радио и телевидения.

28 августа Забастовки распространяются на Лодзь и шахты в Силезии. Во Вроцлаве бастуют 43 предприятия: требования рабочих те же, что и в Гданьске. Продолжаются переговоры с Правительственной Комиссией и МЗК на Гданьской судоверфи. По-прежнему все упирается в пункт №1. В МЗК входит теперь более 600 предприятий.

29 августа Ситуация без изменений. Идут консультации „на высшем уровне" в Варшаве. До глубокой ночи продолжаются совещания экспертов. На памятник жертвам Декабря 1970 г. со всей страны поступило более 5 млн. злотых. Прибывший на Судоверфь А. Вайда делится своими первыми впечатлениями: „Это прежде всего впечатление спокойствия, уверенности в себе, впечатление чего-то праздничного, возвышенного и необычайного. Я чувствую, что у меня на глазах пишется одна из глав нашей истории".

HSWB - B

30 августа В Щецине заключено соглашение по всем пунктам требований. Со стороны Правительственной Комиссии его подписывает вице-премьер К. Барчиковский, со стороны МЗК, объединяющего к этому моменту около 300 предприятий, его председатель Мариан Юрчик. Город весь увешан бело-красными флагами. В Гданьске начинается решающая фаза переговоров. Власти уступают: достигнута предварительная договоренность о подписании пунктов 1 и 2 требований бастующих. М. Ягельский заявляет: „Я с глубоким удовлетворением констатирую, что МЗК недвусмысленно высказался за то, что новые профессиональные союзы будут исходить из принципа общественной собственности на средства производства и признают руководящую роль ПОРП и существующую систему /международных/ союзов. Это значит, что они основываются на конституции ПНР". В качестве названия новых профсоюзов принимается формулировка „Независимые Самоуправляемые Профессиональные Союзы". Слово „свободные" оказалось абсолютно неприемлемым для властей. МЗК еще раз категорически настаивает на своем последнем требовании – об освобождении арестованных деятелей демократической оппозиции и политических заключенных. Переговоры заканчиваются пением национального гимна. Торжествующие судостроители на руках несут Валенсу к проходной №2, где он обращается к собравшимся: „Вы слышали, о чем мы говорили. Главное – позади. От полного успеха нас отделяет один шаг. К нашим требованиям мы добавляем пункт №22". Позже, на заседании МЗК, он добавит: „Люди сидят, людей нужно выпустить. Мы людей защищаем, а не КОР и тому подобное. Нас на эту удочку не поймают". М. Ягельский вылетает в Варшаву, где собирается Пленум ЦК, который должен одобрить достигнутый компромисс.

31 августа Третье воскресенье со дня начала забастовки. Перед проходной начинается торжественное богослужение, в котором участвует около 15 тысяч человек. Все убеждены, что забастовка должна закончиться сегодня. Прибывает Пра-

вительственная Комиссия; начинается трансляция заключительного заседания. Ягельский сообщает: „Я считаю, что по 21 пункту мы договорились". К 16.30 поступает сообщение о том, что все арестованные будут освобождены 1 сентября до 12.00. Лех Валенса обращается к собравшимся: „Дорогие мои! Мы возвращаемся на работу 1 сентября. Все мы знаем, что этот день нам напоминает.[1] И о чем мы в этот день думаем. О родине, о нашем общенациональном деле, об общих интересах семьи, которая зовется Польшей. Мы много об этом думали во время нашей забастовки. И именно об этом мы думаем, заканчивая эту забастовку. Добились ли мы всего, чего хотели, к чему мы стремимся, о чем мечтаем? Я всегда говорю открыто и откровенно то, что думаю. И сейчас скажу откровенно – не всего, но мы все знаем, что мы добились очень многого. Вы мне доверяли все это время, и теперь поверьте в то, что я скажу. Мы получили все, что в теперешней ситуации могли получить. Остальное тоже получим, потому что у нас есть самое важное – наши независимые, самоуправляемые профсоюзы. Это наша гарантия на будущее. Мы боролись не только для себя, за свои собственные интересы – но и ради всей страны. Все мы знаем, как велика была солидарность трудящихся. Мы благодарим всех, кто нас поддержал. Мы были вместе, мы боролись также для вас. В этой борьбе мы добились права на забастовку, получили полные гражданские гарантии, и что самое важное – добились права на независимые профсоюзы. Все работающие имеют теперь гарантированное право добровольно объединяться в таких профсоюзах. А теперь с такой же самой солидарностью и решительностью, как мы бастовали, примемся за работу. С завтрашнего дня начинается жизнь наших новых профсоюзов. Будем же заботиться о том, чтобы они навсегда остались самоуправляемыми, работающими для всех нас, для блага всей страны, для Польши. Объявляю забастовку законченной". В 16.40 члены Правительственной Комиссии и Президиума МЗК переходят в забитый до отказа большой зал, чтобы торжественно подписать соглашение. Посредине сцены, за длинным столом, висит массивный де-

ревянный крест, с краю – бюст Ленина. С краткими речами выступают Л. Валенса и М. Ягельский, после чего наступает момент подписания. Валенса подписывает текст соглашения огромной, полуметровой авторучкой – это сувенир о визите в Польшу папы Иоанна-Павла II. Все встают, у многих на глазах слезы. Бурная овация. Вечером, когда по национальному телевидению будут транслироваться фрагменты торжественной церемонии подписания соглашений в Гданьске и Щецине, эта сцена повторится в миллионах польских домов. Приникшие к телевизорам, не верящие своим глазам люди, как один, поднимаются со своих мест при звуках национального гимна, который поют все – и представители власти, и рабочие. В этот вечер почти все верят, что это общая победа, и все без исключения чувствуют, что на их глазах была перевернута страница Истории.

1 сентября На всем Балтийском побережье возобновляется нормальная работа. Освобождены тридцать деятелей оппозиции, в течение 10 дней находившихся под арестом. Продолжается забастовка силезских шахтеров, требующих, в частности, ухода в отставку первого секретаря воеводского обкома партии.

2 сентября Центральная пресса публикует текст Гданьских соглашений, помещая в кавычках выражения „политические заключенные", „цензура", „привилегии членов партии" и „независимые издательства". Начинаются переговоры с шахтерами Силезии.

3 сентября На шахте „Июльский Манифест" в Ястшембе подписано соглашение между правительством и представителями 350 000 забастовщиков 27 предприятий и 31 шахты Верхней Силезии. Это соглашение, аналогичное Гданьскому и Щецинскому, включает в себя, помимо этого, еще 20 пунктов требований местного значения, затрагивающих, в частности, улучшение условий труда и безопасности на производстве.

6 сентября Э. Герек, согласно официальному сообщению помещенный в больницу в связи с сердечным приступом, заменен на посту первого секретаря ЦК ПОРП Станиславом Каней. Ст. Каня заверяет, что власти будут выполнять заключенные ими соглашения и что первоочередной задачей сейчас является восстановление доверия населения к партии.

7 сентября Несмотря на то, что в крупных городах возобновилась нормальная работа, в Бялостоке, Тарнове и Плоцке начинается новая волна забастовок. Рабочие требуют немедленного удовлетворения их требований, гарантированных Соглашениями.

8 сентября Начинается забастовка в Мельце, на авиационном заводе, где работают 18 000 человек.

10 сентября Забастовки продолжаются. В Кельцах милиция предпринимает попытку подавить забастовку силой.

13 сентября Подписано соглашение между правительством и МЗК металлургов комбината „Катовице", объединяющего 75 предприятий. Выпущен на свободу последний из трех политических заключенных, освобождения которых добивались рабочие Гданьска.

15 сентября Власти подтверждают, что Гданьские соглашения относятся ко всей стране. Объявляется также о проведении чистки среди работников партийного аппарата, замешанных в коррупции.

17 сентября Около 500 представителей новых независимых профсоюзов со всей страны собираются на конференции в Гданьске. Ставится вопрос о необходимости создания единой общенациональной федерации. Выступающие обвиняют власти в том, что те препятствуют реализации достигнутых соглашений в некоторых регионах, и прессу – в кампании дезинформации.

19 сентября Кое-где все еще продолжаются забастовки. В частности, бастуют работники городского транспорта в Катовице. Правительство обращается с призывом к спокойствию и дисциплине. Сняты со своих постов первые секретари воеводских комитетов партии в Познани и Катовице.

22 сентября Впервые после 1-го июля в Польше нет ни одной забастовки. Делегаты тридцати шести независимых профсоюзов, собравшиеся в Гданьске, голосуют за принятие устава их союза, имеющего характер федерации семнадцати региональных объединений. Каждое из них будет функционировать автономно и иметь своих представителей в Национальной Комиссии, постоянно работающей в Гданьске. Вторая половина членов Комиссии будет избираться на съезде, созывающемся раз в два года. Новое профсоюзное объединение получает название „Солидарность". Что бы ни произошло дальше, отныне это понятие навсегда будет связано с историческим подвигом польских рабочих летом 1980 года.

Некоторые вехи первого года существования „Солидарности"

10 ноября 1980 года
Решением Верховного Суда, отменившего предыдущее решение суда воеводской инстанции, официально зарегистрирован Устав профсоюзного объединения „Солидарность" во всей его полноте, без произвольных изменений, внесенных 24.10.80 Варшавским городским судом. Решение Верховного Суда было принято после кампании протеста во всей стране и объявлении о готовности к всеобщей забастовке.

16 декабря 1980 года
В десятую годовщину декабрьских событий на Балтийском побережье торжественно открывается памятник жертвам Декабря 1970 г., сооруженный возле проходной №2 Гданьской судоверфи им. Ленина, где пали первые убитые. На

открытии присутствуют представители партии, правительства и церкви. Памятник представляет собой три гигантские креста, на которых укреплены три искореженных якоря – символы надежды. Три креста с „распятыми" якорями символизируют три вспышки рабочего протеста – в 1956, 1970 и 1976 гг.

15 февраля 1981 года
В Лодзи подписано соглашение между представителями властей и бастующих студентов Лодзинского университета и других высших учебных заведений, объявивших забастовку солидарности. Соглашение предусматривает значительное расширение прав высших учебных заведений, в том числе их независимость в научных, педагогических и внутриорганизационных вопросах.

18 февраля 1981 года
В Жешуве заключено соглашение между Правительственной Комиссией и Забастовочным Комитетом, действующим от имени Общепольского учредительного комитета профсоюза „Солидарность" крестьян-единоличников. 20 февраля аналогичное соглашение заключено в Устшиках Дольных. Так рождается крестьянская „Солидарность", во главе которой становится Ян Кулай.

19 марта 1981 года
Первая попытка властей применить силу против активистов „Солидарности". В Быдгоще, после заседания местного Совета с участием делегации „Солидарности", милиция врывается в помещение, где еще находятся несколько десятков депутатов и оказываются жестоко избитыми трое руководителей „Солидарности", в том числе один член Национальной Комиссии. По всей стране ширится движение протеста против быдгощской провокации. 30 марта, после проведения предупредительной забастовки и в канун общенациональной забастовки, представители правительства и „Солидарности" подписывают так называемое Варшавское соглашение, в ко-

тором власти выражают сожаление в связи с быдгощскими событиями и обещают найти и наказать виновных в соответствии с законом. Однако через несколько месяцев оттяжек и проволочек власти заявляют, что выполнить это обещание они не в состоянии.

5 сентября 1981 года

В зале гданьского Дворца спорта „Оливия" открывается общенациональный съезд „Солидарности". В съезде участвуют 892 делегата, представляющих 9 447 тыс. членов профсоюзного объединения. Съезд принимает Декларацию, которая провозглашает: „Основополагающей целью Независимого самоуправляемого профсоюзного объединения „Солидарность" является создание достойных условий жизни в экономически и политически суверенной Польше. Мы имеем в виду жизнь, свободную от бедности, эксплуатации, страха и лжи, в обществе, организованном на принципах демократии и правозаконности". Съезд принимает также „Послание к трудящимся Восточной Европы", полный текст которого гласит: „Будучи первым независимым профсоюзом в нашей послевоенной истории, мы глубоко ощущаем общность наших судеб. Заверяем вас, что вопреки лживым утверждениям, распространяемым в ваших странах, мы являемся подлинной, 10-миллионной организацией работников, возникшей в результате рабочих забастовок. Нашей целью является борьба за улучшение условий жизни всех трудящихся. Мы поддерживаем тех из вас, кто решился вступить на трудный путь борьбы за свободное профсоюзное движение. Мы верим, что уже в ближайшем будущем ваши и наши представители смогут встретиться с целью обмена профсоюзным опытом". Съезд принимает Программу и избирает руководящие органы Объединения. Среди четырех кандидатов на пост председателя Национальной Комиссии абсолютное большинство голосов получает Лех Валенса. Программа деятельности „Солидарности" на ближайшие период определяется в Декларации съезда следующим образом:
„Сегодня народ ожидает:

1. *улучшения снабжения продуктами питания* – через установление контроля над их производством, распределением и ценами, в сотрудничестве с „Солидарностью крестьян-единоличников".

2. *экономической реформы* – путем создания системы подлинного рабочего самоуправления и ликвидации партийной номенклатуры, а также внедрения эффективных экономических механизмов.

3. *правды* – через общественный контроль средств массовой информации и очищение от лжи польской школы и культуры.

4. *демократии* – через проведение свободных выборов в Сейм и Народные Советы.

5. *правосудия* – через обеспечение равенства всех граждан перед законом, освобождение тех, кто находится в заключении за свои убеждения, и защиту преследуемых за издательскую, профсоюзную и политическую деятельность.

6. *спасения находящегося под угрозой здоровья нации* – через защиту окружающей среды от загрязнения, повышение расходов на здравоохранение и обеспечение /полностью или частично/ утратившим трудоспособность членам общества надлежащих им прав.

7. *угля для населения и промышленности* – через гарантирование шахтерам соответствующих условий труда и жизни.

Эти цели будут нами достигнуты в условиях единства нашего Объединения и солидарности его членов. Действия различных сил, создающих ощущение грозящей нам извне опасности, не лишат нас воли к борьбе за идеалы Августа 1980 года, за претворение в жизнь соглашений, подписанных в Гданьске, Щецине и Ястшембе".

(Составлено по материалам польских газет и журналов „Пункт" №12, 1980 и „Альтернатива" №7, 1980)

ЗАБАСТОВОЧНЫЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

ТРЕБОВАНИЯ БАСТУЮЩИХ КОЛЛЕКТИВОВ ПРЕДПРИЯТИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ представляемых Межзаводским Забастовочным Комитетом

Межзаводской Забастовочный Комитет представляет также коллективы работников предприятий и учреждений, функционирование которых является общественно необходимым. Упомянутый Комитет ставит своей целью начать переговоры, которые осуществят ожидания бастующих коллективов.

Одним из первоочередных условий начала переговоров является введение в строй всех отключенных телефонных линий.

Требования бастующих коллективов, представляемых Межзаводским Забастовочным Комитетом, таковы:

1. Признание независимых от партии и работодателей свободных профессиональных союзов, вытекающее из ратифицированной ПНР Конвенции № 87 Международной Организации Труда, касающейся профсоюзных свобод.
2. Гарантия права на забастовку, а также гарантия безопасности бастующих и содействующих им лиц.
3. Соблюдать гарантированную Конституцией ПНР свободу слова, печати и публикаций, в связи с чем не подвергать преследованиям независимые издательства, а также предоставить доступ к средствам массовой информации представителям всех вероисповеданий.
4. а. Восстановить в правах:

– лиц, уволенных с работы после забастовок 1970 и 1976 гг.

студентов, исключенных из учебных заведений за их убеждения.

б. Освободить всех политических заключенных (в том числе Эдмунда Задрожинского, Яна Козловского и Марка Козловского).[1]

в. Прекратить преследования за убеждения.

5. Сообщить в средствах массовой информации о создании Межзаводского Забастовочного Комитета и опубликовать его требования.
6. Предпринять конкретные действия, направленные на выведение страны из кризисной ситуации, посредством:
   а. публичного обнародования полной информации о социально-экономическом положении,
   б. предоставления возможности участвовать в обсуждении программы реформ всем слоям общества и группам населения.
7. Выплатить всем участвующим в забастовке работникам вознаграждение за период забастовки как за очередной отпуск из фондов ЦСПС.
8. Повысить заработную плату каждого работника на 2000 злотых в месяц[2] в качестве компенсации за рост цен.
9. Гарантировать автоматическое повышение заработной платы с ростом цен и падением покупательной силы денег.
10. Обеспечить полное снабжение внутреннего рынка продовольственными товарами, а экспортировать только излишки.
11. Упразднить коммерческие цены и продажу товаров на валюту[3] в рамках так называемого внутреннего экспорта.
12. Ввести систему подбора руководящих кадров по принципу их квалификации, а не партийной принадлежности, а также упразднить привилегии сотрудников милиции, органов госбезопасности и партийного аппарата путем:
   – уравнивания размеров пособий на находящихся на иждивении членов семьи,

– ликвидации специальных видов продажи, снабжения и т. п.

13. Ввести продовольственные карточки на мясо и мясные изделия вплоть до стабилизации положения на рынке.
14. Понизить возраст, дающий право ухода на пенсию по старости, для женщин – до 50 лет, и для мужчин – до 55 лет, или же, вне зависимости от возраста, при наличии трудового стажа в ПНР для женщин – 30 лет, и для мужчин – 35 лет.[4]
15. Повысить размер пенсий по старости или нетрудоспособности, начисляемых по старой системе, до уровня выплачиваемых в настоящее время по новой системе.
16. Улучшить условия труда работников системы здравоохранения, что обеспечит полноценное медицинское обслуживание всех трудящихся.
17. Обеспечить необходимое количество мест в яслях и детских садах для детей работающих женщин.
18. Ввести оплачиваемый отпуск по материнству сроком на 3 года для воспитания ребенка.
19. Уменьшить срок ожидания в очереди на получение квартиры.
20. Повысить размер командировочных с 40 до 100 злотых в сутки плюс надбавка за пребывание вне дома.
21. Объявить все субботы нерабочими днями. Работающим на предприятиях с непрерывным производственным процессом, или же по 4-бригадной системе со скользящим графиком, скомпенсировать отсутствующие выходные субботние дни путем добавления дополнительных дней к очередному отпуску или предоставления других оплачиваемых выходных дней.

Межзаводской Забастовочный Комитет
Гданьск, 20.08.1980

МАГНИТОФОННАЯ ЗАПИСЬ ХОДА ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЙ МЕЖЗАВОДСКОГО ЗАБАСТОВОЧНОГО КОМИТЕТА НА ГДАНЬСКОЙ СУДОВЕРФИ

... Эта запись многоголосна – ее составные части разделены и расчленены не именами очередных ораторов, а просто пробелом между строчками. Это соответствует принципу, который был принят на Верфи. Говорящие почти всегда начинали свои выступления словами: „Я – делегат...", как бы отодвигая в тень свои имя и фамилию. Лишь иногда – под нажимом норм „хорошего тона" – выступавший называл свою фамилию („Собешек моя фамилия – все-таки представиться-то надо..."). Иногда она даже повторялась несколько раз и произносилась по слогам (*из зала*: Как его фамилия? – Председательствующий: Мар-хи-ле-вич). В таких случаях фамилия попадала в запись. Факт отсутствия имен, как нам кажется, не особенно важен. Почти каждый из говорящих только один раз вставал перед микрофоном, произносил свое сообщение и вновь становился живо реагирующим слушателем. Только некоторые выступали по нескольку раз, и только их высказывания – чтобы их можно было объединить между собой – отмечены здесь фамилией. Как легко догадаться, это были поочередно ведущие собрание члены Президиума МЗК. Однако, если они не говорили ничего существенного, а просто выполняли роль Председательствующих, то в таких случаях фамилия в записи заменена знаком■.

... Наконец, эта запись ограничена двояким образом. Стремясь документировать речь и язык августовской забастовки, она выбирает лишь те слова, которые были произнесены на Гданьской судоверфи, в зале техники безопасности во время заседаний МЗК и первой встречи с Правительственной Комиссией, лишь те слова, которые попали в микрофон и лишь

те, которые с самого начала были записаны на магнитофонную ленту. Кроме этого, запись ограничена во времени двумя датами: 21 августа, 16.20 и 23 августа, 23.00. Разрывы и пробелы в записи не означают, разумеется, что люди переставали говорить. Эти пробелы в тексте обозначены двумя способами: /.../ означает молчание радиоузла или перерыв в магнитофонной записи, а (...) – недостаточно разборчивый фрагмент записи. Слова, которые иногда появляются в таких скобках, были реконструированы впоследствии.

Из предисловия Станислава Росека, ноябрь 1980 года

„...Я – ПРЕДСТАВИТЕЛЬ..."

/.../ а в лесу что ни дерево – то милиционер. Буквально, так директор сказал. Еще они сказали, что 20-го – а сегодня у нас 21-е – что 20-го в 12.00 наше предприятие будет расформировано. Нас всех увольняют, а оборудование будто бы будет разослано по всем другим предприятиям, которые продолжают работать – а представители этих предприятий все здесь перед вами сидят. Ну, и в связи со всеми этими угрозами рабочие, конечно, подняли директора на смех, вообще не стали принимать во внимание эти /угрозы/. Как я вижу, что стало уже традицией рассказывать анекдоты, которые появились в связи с этой, значит, ситуацией, то у нас тоже такой анекдот получился. В конце концов директор видит, что угрозами ничего не добьется, и начинает просить и говорит водителям: „Давайте, ребята, выезжайте-ка с территории предприятия и езжайте хотя бы в лес, хоть куда – только чтоб здесь вас не было". Ну, тут один из водителей отзывается и говорит: „Пан директор, вы ж сами сказали, что лес уже занят". Это, разумеется, директора в ярость привело, просто в жуткую ярость, так что он даже обзываться стал. Вы, говорит, подстрекатели, сопляки, говорит, и еще такое, что мне не хотелось бы здесь эти слова приводить. Ну и в результате чего он, само собой, единогласно утратил в глазах коллектива свой окончательный авторитет. Попросту говоря, это человек некомпетентный и безответственный в глазах нашего коллектива. Спасибо. (*аплодисменты*)

Кроме того, что нам тут товарищ осветил – что мы, скажем, окружены – так я еще получше могу сказать: что будто в центре нашего забастовочного комитета, комитета... Гданьской судоверфи, высадился десант на территории верфи и засел в поликлинике. Вот такие глупости болтают. (*аплодисменты*)

HSWB - C

Что до меня, то я, извините уж, ничем вас развеселить не сумею: просто я от имени нашего коллектива, немногочисленного, Фабрики электронно-вычислительной техники в Гдыне хотел бы объявить о нашем участии в движении солидарности с МЗК.[1] Мы, работники Фабрики электронно-вычислительной техники, солидаризируемся с МЗК, представляющим бастующих рабочих /Балтийского/ побережья. Мы хотели бы своим выступлением выразить поддержку требованиям МЗК. Своим выступлением мы выражаем поддержку дальнейшему социалистическому развитию ПНР. Одновременно мы выдвигаем на рассмотрение дополнительные требования; поскольку они специфичны для нашей отрасли, я не буду вам ими надоедать. Во всяком случае, в общем, я хотел бы заявить, что наше предприятие исключительно солидаризируется... символизирует замечательное единство, так как в нашем сегодняшнем собрании, в результате которого мы выдвинули эти требования, принял участие весь коллектив вместе с парторганизацией и дирекцией. Может, это характерно, может – знаменательно, но во всяком случае так у нас выглядит ситуация. Большое спасибо. (*аплодисменты*)

Я являюсь представителем Забастовочного комитета предприятия морских услуг „Порт-Сервис" в Гдыне. И вот сейчас я услышал о трудностях с питьевой водой на судах на рейде, когда я на проходной был, а поскольку я прибыл, в частности, чтобы этот вопрос решить... Так вот, мы вместе с Управлением порта в Гдыне, хотели бы получить ваше согласие на выход в море нашей водоналивной баржи и доставку пресной воды на рейд. Наш забастовочный комитет еще просит – это еще два вопроса – у нас в складских помещениях лежит груз яиц для снабжения рынка, и мы просим также забастовочный комитет Управления порта Гдыня, чтобы он тоже позволил нам загрузить их и вывезти в магазины. И еще у нас такое дело к забастовочному комитету в Рыбачьем порту. На одном из судов находится 100 тонн рыбы, а горючего у них только на 20 часов, так что придется

выключать холодильный агрегат. Так вот, мы просим также выразить согласие на перегрузку горючего с другого судна на то, где оно кончается, чтобы рыба не испортилась. Спасибо. (*аплодисменты*)

Я – представитель Фабрики судового радиооборудования „Радмор". Мы у нас ведем забастовку типа итальянской, но зато помогаем вам денежками. Вот здесь для МЗК 3301 (...)

■ Внимание! Есть сообщение. Вот от населения крест. (*аплодисменты*)

ЛЕХ ВАЛЕНСА: (...) потом повесим его на крест, который мы поставили возле (...) А может, мал будет? Посмотрим (...) очень хорошо, что освященный. (...) Мы просим все делегации, чтобы они как можно чаще были в контакте с предприятиями. Потому что, в общем и целом... на самом деле очень быстро происходят разные вещи, и иногда нужно вмешаться, иногда – помочь. У нас есть специально подготовленные люди, чтоб в случае чего помочь там, где какие-нибудь непонятные ситуации возникают. Так что мы должны все в точности знать, чтоб не было неожиданностей. Мы не можем позволить застать себя врасплох.

Я – представитель Молочного комбината Гданьск-Мачьки. Сегодня в 14.00 мы провели общее собрание всего коллектива ввиду того, что у нас наметился раскол своего рода, представляющий с одной стороны дирекцию и администрацию, а с другой – производственный коллектив. После прочтения всех требований, после ознакомления... после подробного ознакомления коллектива с требованиями, выдвинутыми МЗК, а также после ответов на многочисленные вопросы, вся дирекция единодушно одобрила требования и велела передать, что мы все, весь коллектив – вместе с вами. (*аплодисменты*) Разумеется, производство идет повышенными темпами. Мы получаем помощь от „Инсталя",[2] и здесь я хотел бы поблагодарить за то, что каждый день, на

каждую смену, к нам приезжают пять-шесть работников из „Инсталя", которые помогают нам в производстве молока. (*аплодисменты*) У меня еще такая просьба была бы, потому что у нас на комбинате просили передать, чтобы газовщики... чтобы газ в баллонах привозили в Прущ Гданьский, потому что там тоже люди живут, а пользуются только газом в баллонах. Если можно помочь, то мы бы очень просили. (*аплодисменты*)

Здравствуйте, друзья! Я хотел бы... Я являюсь представителем Горпроекта. Разумеется, всем сердцем, душой и телом мы с вами. Я вам сообщаю только что полученное известие, что наше проектно-исследовательское бюро получило на сегодняшний день выходной. Хорошо было бы знать, сколько... все ли предприятия получили выходной. я считаю, что следовало бы – попросту говоря – повысить бдительность. Не дать себя спровоцировать. Даже если бы это и обошлось нам в какие-то потери. Вот такое сообщение я хотел передать коллективу Гданьской судоверфи. Спасибо. (*аплодисменты*)

■ Внимание, в зале находятся делегации, которые уже вели переговоры с заместителем /премьер-/министра Пыкой, то есть это значит – вели переговоры, но по-прежнему продолжают бастовать и считают, что МЗК является их представителем. Мы их просим подойти к столу Президиума. Есть в зале железнодорожная станция Заспа Товарная?

Я работаю на Гданьском бумажном комбинате. Наши предприятия разбросаны по трем воеводствам, так что у нас нет контакта со всеми работниками. Предприятия наши выпускают, как известно, школьные товары. Как и везде, производство у нас остановилось, но женщины обещали – дело в том, что у нас почти одни только женщины работают– так вот, женщины обещали, что когда занятия в школе начнутся, то у детишек тетради наверняка будут. Сегодня

у нас произошел инцидент – хоть это еще не до конца подтвердилось – набор в административном порядке в перерабатывающем цеху на улице Лонковой. А ночью будто бы кто-то из военной типографии донимал нас с вопросами, были уже переговоры или нет. От нас пока что никто не вел с Правительственной комиссией переговоров. Если что и обсуждают, так только директор, а он потом нам сообщает, а из комиссии еще никого не было. Завтра директор будто бы снова должен перед комиссией выступать, но он туда один едет, и как получит какие-никакие сведения, то нам сообщит, и мы тогда сможем вас проинформировать. Наши женщины, что работают на улице Грюнвальдской, потому как я сказала уже, что предприятия у нас по разным местам разбросаны, собрали 2300 злотых на памятник.[3] (*аплодисменты*)

■ А где Судоремонтная верфь? Судоремонтная верфь присутствует?... Нету... А Гданьский порт? Тоже нету.

ЛЕХ ВАЛЕНСА: (...) что вообще-то присутствуют, но нужен /такой-то и такой-то/. Так это все надо объяснять. А то ведь кто-то может подумать, что нет Судоремонтной верфи. А верфь с нами. Мы здесь все вместе. Все здесь заодно, а сейчас у них свое отдельное совещание. Пожалуйста, прошу вас.

Мы – представители Государственного дома книги, и от имени нашего коллектива...

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА: Громче! К микрофону! Громче, громче!

Мы – представители Государственного дома книги в Гданьске. Так. (...) Еще раз. Мы представители Государственного дома книги в Гданьске, и от имени нашего коллектива выражаем свою солидарность с бастующим рабочим классом, а также заверяем, что гданьские и эльблогнские работники книжной торговли трудятся и прилагают всяческие усилия с целью полного обеспечения школ и молодежи школьными учебниками. По мере имеющихся возможностей. Одно-

временно, исходя из высказанных нашим коллективом предложений, мы выдвигаем следующие требования: „Ускорить проведение в стране социально-экономической реформы с целью создания условий для более качественного планирования, управления и хозяйствования. Создать условия для обеспечения продовольственными товарами в первую очередь внутреннего рынка, а экспортировать исключительно излишки. Создать реальные возможности для осуществления предписаний постановлений, касающихся вопросов безопасности и гигиены труда и социально-бытовых вопросов. Увеличить долю бумаги из общего фонда, предназначенного для печати, с целью увеличения издательской продукции, в особенности – литературы для детей и молодежи, литературы по школьным программам, а также всевозможных изданий типа энциклопедий. Обеспечить работникам книжной торговли Гданьского и Эльблонгского воеводства повышение заработной платы пропорционально росту стоимости жизни. Мы поддерживаем предложение о введении продовольственных карточек на мясо и мясные изделия вплоть до улучшения экономической ситуации в стране. Создать возможности для полного обеспечения потребностей работающих матерей в отношении ухода за детьми в яслях и детских садах. Провести тщательный пересмотр решений органов, ведающих распределением жилья, лишив привилегированные особы обладания более чем одной квартирой, и сделав тем самым невозможной торговлю жилой площадью". Подписи многочисленных членов коллектива. (*аплодисменты*)

Коллектив работников Дома книги в Гданьске передает на нужды Забастовочного комитета скромную сумму 4700 злотых. (*аплодисменты*)

Мне выпала честь представлять здесь Предприятие индустриализированного сельскохозяйственного строительства в Гданьске. Мы по-прежнему с вами, вместе, заодно. И насобирали сегодня сумму 4127 злотых на памятник судостроителям. (*аплодисменты*)

Дорогие друзья, как я уже вчера сообщал, у нас на предприятии, то есть в ВПВиКР[4] в Гданьске, вчера имела место попытка запугивания. Дирекция предъявила нам ультиматум, что если до двух часов вчерашнего дня забастовка не закончится, то предприятие будет расформировано. Сегодня утром, в 9.00, весь состав дирекции разъехался на своих личных машинах в неизвестных направлениях. Направление мы определили. И что же оказалось? Директора поехали на еще не бастующие участки призывать людей не прекращать работу. После возвращения они обнаружили, что имеет место серьезный прорыв. Вернее сказать, не прорыв, а провал. С треском провалилась дирекция. (*аплодисменты*) Там, где переговоры вел второй секретарь, сразу же после его прибытия приехал весь коллектив вместе с работниками администрации и ИТР и присоединился к генеральной забастовке на нашем предприятии. Спасибо. (*аплодисменты*)

„НАША ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ..."

ФЛОРИАН ВИШНЕВСКИЙ: Имеется официальное сообщение Президиума МЗК. Мы приняли постановление – поскольку до этого был перерыв – по вопросу... дело в том, что тут вкралась грубая ошибка. А именно, человек, который привез бумаги с требованиями из Щецина, говорил, что он был... что он является членом МЗК в Щецине. Оказывается, что это неправда. Так как я сегодня утром это выяснил. Я его спросил, где он работает. Ну, и сразу все обнаружилось. Никакой это не работник и никаких полномочий он не имел. Это был какой-то сочувствующий, какой-то там курьер, понимаете ли, или что-то в этом роде. Так что мы заняли официальную позицию – не принимать во внимание. Если Щецин пришлет представителей с полномочиями – тогда мы их принимаем как нельзя лучше и так далее, но мы не можем... Это может быть даже провокация. Всем ясно? (*аплодисменты*)

И еще мы хотим вновь напомнить нашу фундаменталь-

ную исходную позицию, что забастовка имеет целью только и исключительно оздоровление социально-экономических отношений в Польше. И нас интересуют только проблемы, входящие в компетенцию профсоюзов. И этими вопросами мы занимаемся. Любые здесь присуствующие кроме представителей бастующих – это представители прессы, разных групп и т. д. То есть это уже какие-то независимые вопросы... Мы же исключительно разговариваем и вообще серьезно относимся только к делегатам коллективов бастующих предприятий, и ничего кроме этого. И эту нашу позицию, к сожалению, мы должны постоянно ясно подчеркивать потому, что вообще имеют место попытки провокации, попытки втянуть нас в политические проблемы. Некоторые хотели бы наш МЗК представить как какую-то политическую группировку, и тут ответ должен быть однозначным – поэтому мы официально сформулировали эту нашу позицию. (*аплодисменты*) Впрочем, после вечернего заседания будет опубликована целиком наша общая позиция, будет выпущено заявление МЗК касательно содержания... что касается всех пунктов, то примем совместное постановление на вечернем заседании. Так что я предлагаю пока что вести дальнейший диалог по вопросам, которые тут ведутся. У кого есть что-то важное передать, сообщить, я просил бы подходить и информировать. Само собой, это относится только к делегатам.

И теперь еще такой вопрос. Из тех семнадцати человек, которые там уже не ведут переговоров с Пыкой, но принимали участие, есть тут кто-нибудь, кто непосредственно туда ездил? Если есть такие, то я попросил бы их явится в помещение сзади, за холлом. Благодарим за приятный сюрприз ... собственно, за память спасибо, что свидетельствует о дальнейшем... о подчеркивании... Все стараются подчеркнуть свою поддержку, свое участие. Служба здравоохранения, работники Ремонтных мастерских медицинского оборудования в Гданьске, прислала тут в послылке двадцать пачек кофе плюс 1400 злотых и письмо с подписью: „Поддерживаем вас. Мы – заодно с вами". (*аплодисменты*) Я обращаюсь ко

всем, у кого есть что сообщить, поделиться своими впечатлениями от своих коллективов, из города, прошу подходить и передавать. Если нет таких, то я предложил бы объявить перерыв. Перерыв до 17.00 и (...) дальнейшие, следующие обсуждения. А само заседание мы начнем в 20.00 вечером.

„ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГРАЖДАНИНА..."

■ Дорогие присутствующие, я думаю, что письмо, которое лежит передо мной, – это письмо человека весьма опытного, ученого, обладающего немалыми заслугами перед городом Гданьском. Позвольте, я здесь присяду и спокойно почитаю содержание этого самого письма.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: Вы не можете подождать, пока я пленку сменю?

/.../ предприятия. Как видно уже по моей наружности, я отношусь уже к пожилому обществу, представляющему пенсионеров, но тем не менее... (*аплодисменты*) я хотел бы высказать свою точку зрения по поводу забастовки и одновременно представить какой-то план окончания этой забастовки. А именно, я написал такое письмо, которое адресовано МЗК на Гданьской судоверфи и согласовано в отношении его содержания с паном Лехом Валенсой, и в то же время... то есть с той целью, чтобы выразить солидарность с бастующими. Но в то же время это письмо адресовано также Воеводскому комитету ПОРП с той целью, чтобы поторопить их встать на путь переговоров, приступить к переговорам, потому что затягивание с этим вопросом является просто бессмыслицей. (*аплодисменты*)

Открытое письмо гражданина по поводу немедленного окончания забастовки

Я пишу так: „Я не участвую в забастовочном движении, будучи пенсионером, однако выражаю полную солидарность с бастующими, поскольку речь здесь идет о важных и прин-

ципиальных человеческих и общенародных ценностях, за которые борются бастующие. О ценностях не только материальных, но также моральных и социально-политических. Здесь идет борьба за цены и зарплату, но прежде всего за права человека на свободу и человеческое достоинство, за право общества выражать свою волю в государстве, которое представляет собой совместно завоеванное благо для всех граждан, а не только группы привилегированных. (*аплодисменты*) Осознавая все это, я тем не менее считаю, что следует также принять во внимание нынешние материальные потери в результате забастовок". – Тут я допустил некоторую неточность, но виновато в этом телевидение, потому что по телевидению объявили, что в портах ожидает около пятидесяти неразгруженных судов, ожидающих разгрузки. За один такой... за одно судно, за одни сутки простоя приходится платить около 5 тысяч долларов. За танкер – семь с половиной тысяч долларов – и это только в Гданьском порту. А если мы возьмем Щецинский порт и все остальные, то всего получится около полмиллиона долларов. Другими словами, на один час приходилось бы около двадцати тысяч долларов, то есть в такую сумму обходилась бы нам забастовка. И вот я узнал, что, оказывается, за суда, которые не разгружаются по вине... по причине забастовки, не выплачиваются конвенционнные неустойки, договорные неустойки. В связи с этим потери за счет забастовки гораздо ниже, но, тем не менее, весьма значительны, поскольку речь идет о прекращении выпуска текущей продукции от Эльблонга до самого Щецина, то есть стоимость продукции очень высока. И поэтому именно я утверждаю, что не стоит дальше затягивать подписание договора с бастующими. – „Как один из граждан, которых это так затрагивает, я предлагаю немедленно закончить забастовку на основе следующих принципов: (*аплодисменты*) пункт первый – власти приступают к переговорам с МЗК, принимая во внимание в первую очередь те условия, выдвинутые бастующими, которые не требуют денежных выплат, а лишь доброй воли и желания пойти навстречу обществу. (...) Межзаводского

Забастовочного Комитета в качестве постоянного представительского органа трудящихся в вопросах реализации согласованных требований бастующих (...) с предоставлением письменной гарантии личной неприкосновенности членов этой комиссии. И затем признать /.../ трехлетний отпуск без сохранения содержания. (*аплодисменты*) (...) упразднить то самое, что есть в ваших пунктах. Упразднение коммерческих цен, введение продовольственных карточек на мясо и мясные изделия, чтобы не было жутких очередей, чтобы одни все не раскупали, а другие ничего... уходили с пустыми руками. Далее... А потом, разумеется, если бы все это... Разумеется, я не привожу здесь все двадцать один пунктов, так как все-таки нет необходимости все это повторять, только предлагаю, чтобы все эти дальнейшие пункты были предметом обсуждения.

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Не „отпуска по материнству без сохранения содержания", а оплачиваемые отпуска...

Ну да, конечно, оплачиваемые отпуска для матерей, значит, трехлетние. „Какой есть другой выход кроме заключения соглашения? Быть может, задушить забастовку и отомстить тем, кто отважно взялись за то, чтобы представлять волю бастующих? Никогда! Или же тянуть время, рассчитывать на истощение сил бастующих? Тоже нет! Это слишком дорого обходится обществу!" Есть еще проблема ответственности. Забастовка обойдется в несколько миллионов долларов, но это ничто по сравнению с задолженностью нашей страны на сумму около 20 миллиардов долларов на Западе. Почти 20 миллиардов долларов. (*аплодисменты*) Ежегодная выплата процентов по этой огромной – как на наши возможности – задолженности составит, по-видимому, около 100 миллионов долларов в год. А выплата капитала... Откуда эта сумма – 100 миллионов долларов? Дело в том, что... Я в точности не знаю... „Трудно удивляться проявлениям протеста. На что были использованы эти валютные кредиты? Кто занимал эти деньги и на что рассчитывал? Во

имя чего население должно сегодня и в дальнейшем будущем нести столь значительные жертвы, связанные с обслуживанием кредитов? А как это ни прискорбно, но именно по этой причине ведется просто хищническое разбазаривание наших сырьевых ресурсов, чтобы получить валюту на выплаты по заграничным займам. Все эти вопросы, как ни закрывать на это глаза, не дают покоя всему нашему обществу – что и приводит к такому результату, как всеобщая забастовка. А причины коренятся в том, что люди были лишены текущей информации по этим вопросам, что все это делалось без согласия населения, так, как будто такие вещи можно от людей скрыть. Эти вопросы должны быть темой публичной дискуссии, которой цензура не должна препятствовать. (*аплодисменты*) Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что нужно с этим нашим геополитическим положением считаться. Но и тут есть определенные пределы. При условии, что народу нашему в этом геополитическом положении предстоит жить, а не захиреть. Польский народ является важным фактором политического равновесия в Европе. Его запланированное уничтожение в конце 18-го века не принесло чужеземным захватчикам никакой выгоды. Все три /разделившие Польшу/ державы[5] потерпели окончательный крах в войне друг с другом. И на сегодняшний день отсюда вытекает исторический урок – нужно этому самому польскому народу обеспечить условия необходимой свободы, потому что он сам никому не угрожает, а может служить защитой для других". Таково содержание письма. (*аплодисменты*) Вчера я вручил это председателю, а сегодня передал в Воеводский комитет ПОРП. Должен сказать, что приняли меня вежливо, поблагодарили, сказали, что замечания мои будут приняты во внимание, использованы, что письмо будет вручено в нужные руки. Ну что ж, посмотрим, конечно, будет ли это вообще... Я хотел бы еще подчеркнуть, что я здесь никакого предприятия не представляю, а представляю скорее общественное мнение католиков, то есть католиков, стоящих в стороне от политики. Мы встречаемся с довольно значительным откликом в раз-

личных слоях населения, и поэтому я позволил себе здесь взять на себя такую роль... Даже не знаю, как ее назвать... Может, посредничества, что ли. Что-то вроде такого... такого представителя общественности, как теперь говорят. (*аплодисменты*) Ну, дай вам Бог!

„КТО ЗА ТО, ЧТОБЫ ПРИНЯТЬ ДОКТОРА..."

/.../ передали сумму 3770 злотых в пользу МЗК – проще говоря, наше предприятие уполномочило МЗК распоряжаться этой суммой. Были прекращены переговоры с дирекцией предприятия, поскольку несмотря на двукратное приглашение обсудить спорные вопросы с коллективом работников, собравшимся на территории транспортной базы, директор отказался туда прибыть, а вместо этого организовал собрание с участием им самим выбранных работников. Переговоры были приостановлены до момента прибытия директора на встречу с бастующим коллективом, на территорию уже упомянутой базы. Те личности... те работники, которые были завербованы директором, чтобы вести с ним обсуждения и принимать разные петиции от имени всего коллектива – проще говоря, Забастовочный комитет признал все это нереальным. Теперь такое дело... Наш директор решил поиграть с нами в типографию и – проще говоря, обратился к работникам с листовкой следующего содержания: „*К работникам Предприятий ремонтов морских портов.* – В связи с получением Забастовочным комитетом политических требований и отказа дать письменное заявление о том, что он отмежевывается от требований политического характера, сообщаю, что это приведет к невозможности добиться повышения заработной платы и других выплат, которые являются предметом постановлений Правительственной комиссии. Забастовочный комитет сегодня в 9.00 в одностороннем порядке прервал со мной переговоры. В создавшейся ситуации всех, кто признает экономические требования, приглашаю явиться в 13.00 в клуб предприятия

с целью обсуждения предложений о повышении зарплаты. Мы тоже, проще говоря, направили директору письмо и сообщаем: „Сообщаем, что во всех начинаниях, связанных с забастовкой на территории нашего предприятия, мы полностью солидаризируемся с МЗК, расположенным на территории Гданьской судоверфи. Все выдвинутые МЗК требования, а также их возможные изменения, являются в то же время и нашими. На нашу деятельность не оказывают ни малейшего влияния никакие организации политического характера". (*аплодисменты*)

(...) Гданьск-Кокошки. Я приехал с предприятия с полчаса назад. У нас на предприятии были небольшие проблемы – но я так говорю „небольшие", потому что на самом деле небольшие. Почему? Как известно, приехало много министров из разных ведомств, и каждый министр хочет вести переговоры непосредственно с каждым предприятием. Мы относимся к строительным предприятиям. Якобы министр строительства уже приехал, и нам сегодня предлагали непосредственно послать трех делегатов с директором вместе– ехать и начинать такие переговоры. Посоветовавшись с коллективом, с МЗК, мы единогласно это предложение отвергли и ни в какие переговоры вступать не будем. (*аплодисменты*) Мы за это проголосовали – разве что сам министр решит приехать, тогда еще мы подумаем, разговаривать с ним или нет, но это уже вопрос последующий. В доказательство того, что мы заодно с вами и будем до конца – что не сдадимся и непременно победим – мы собрали тут в виде добровольных пожертвований со всего предприятия на общую сумму 4660 злотых с целью передачи на строительство памятника погибшим в декабре 1970 года. Спасибо. Мы вместе с вами! (*аплодисменты*)

Весь творческий состав и большая часть технических сотрудников нашего театра в настоящее время находятся в отпуске. Те из них, которые работают, передали 19 августа на нужду бастующих около 1000 злотых. Сегодня мы передаем

следующую сумму. Держитесь. Мы с вами. (*аплодисменты*)

■ (...) только эти средства обнаружения кратковременно... кратковременного действия, только чтоб установить конкретно, где именно. Повторяю! Те лица, которые подслушивают, прошу позабирать аппаратуру. Обнаружение действует очень быстро. И мы сразу все выявим. Спасибо.

Меня зовут Войцех Грушевский. (*аплодисменты*)

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Кто за то, чтобы принять доктора /наук/ в состав нашего пленума, чтобы он нам помог вести все это хозяйство как следует?

■ Радиоузел тоже? Спасибо.

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Кто против расширения состава пленума? Нет никого? Принято единогласно! Большое спасибо. (*аплодисменты*) Химия!

ВОЙЦЕХ ГРУШЕВСКИЙ: Гданьский политехнический институт, химический факультет.

■ „Собравшиеся 21 августа 1980 года сотрудники Морского института выражают свою солидарность с позицией институтского Забастовочного комитета и уполномочивают данный комитет представлять коллектив Морского института на переговорах с Правительственной комиссией. Прилагается список принятых предложений и требований коллектива института". Мы это адресуем МЗК, Правительственной комиссии, дирекции и Центральному правлению Профессионального союза моряков и портовиков. (*аплодисменты*)

„ВОЗЛАГАЕМ ВСЮ ВИНУ И МОРАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ..."

/.../ „... 1980 года. Лишенные мудрого, смелого и достойного доверия в парламенте и органах государственной власти,

скованные цензурой печати – этим путем мы направляем наши предложения и требования по адресу рабочих коллективов и органов государственной власти, уже вторую неделю находящихся в состоянии конфликта. Нам известны позиции всех заинтересованных сторон.

Воззвание к Правительственной комисии

Первое – мы протестуем против отказа Правительственной комиссии от участия в переговорах с представителями КОР,[6] Движения Молодой Польши[7] или другими лицами, которые уже избавились или избавятся от страха перед властями ПНР. Мы возлагаем на Правительственную комиссию всю вину и моральную ответственность за последствия продолжающейся забастовки, начиная с того дня, когда стали возможными переговоры с Межзаводскими Забастовочными Комитетами. Это неподходящий способ, да и неподходящее время, чтобы восстанавливать престиж органов власти.

Воззвание к Межзаводскому Забастовочному Комитету

Третье – вы открыли глаза всему миру, нашли дорогу к умам правителей и к сердцам простых граждан ПНР. Если бы даже ни одно из ваших требований не было выполнено, история по достоинству оценит ваше мужество. Военачальники возвращались после сражений со щитом или на щите. Если вас пригласят на переговоры, проявите мудрость, снисходительность и гибкость, подобающие государственным деятелям. Не позвольте себя расколоть после окончания забастовки. Поддерживайте связь с объединенными производственными предприятиями, назначьте по одной или две смены своих преемников, представителей рабочих коллективов. Заранее назначьте места и сроки проведения контрольно-информационных собраний для отдельных этапов, для осуществления ваших требований. Обеспечьте автоматическое выступление рабочих коллективов в их и вашу защиту. Выдайте именные свидетельства всем бастующим судостроителям и делегатам сотрудничающих с вашим...

с вами предприятий об их участии в этом фрагменте нашей национальной драмы.

Воззвание к бастующим

Пятое – как Папа Римский, так и Епископат Польши во главе с кардиналом Вышинский подчеркивают необходимость идти на жертвы с обеих сторон в тяжелые для нашего общества и для Родины моменты. Не связывайте руки вашим представителям, МЗК, выдвижением наглых требований. Благодарим вас за дисциплинированность и твердость духа. Да здравствуют героические рабочие! И да здравствует молодежь, достойная продолжательница дела борцов за свободу Польши!

Воззвание к жителям Гданьска, Гдыни и Сопота

Шестое – перенося наши трудности, не будем забывать об условиях, в которых живут и борются наши близкие за стенами Гданьской судоверфи и других предприятий. Начиная с сегодняшнего дня, ежедневно в 18.00 в двух костелах близ Воеводского комитета партии мы сможем, каждый наедине с собой, молиться за то, чтоб начались переговоры Правительственной комиссии с МЗК. А когда это произойдет, то мы будем туда приходить вплоть до успешного окончания забастовки в Гданьске, Гдыне и Сопоте. На площади перед костелом Св. Елизаветы за 10 минут до этого останавливаемся в ожидании, что будет передано сообщение о том, что желаемое исполнилось. Жители Гданьска". Спасибо. (*аплодисменты*)

■ Внимание, есть ли в зале делегаты ЦНП? Делегаты ЦНП? База ЦНП?[8] Где они?

/.../ „несправедливо осужденных и заключенных. Желаем вам успеха в вашей забастовке и верим, что ваша борьба служит лучшему будущему". Спасибо. (*аплодисменты*)

/.../ ЛЕХ ВАЛЕНСА: ... чтобы власти видели, что делается, то есть создаются комитеты, приезжают делегации. Может быть такая вещь, что несколько делегаций нарочно так со-

HSWB - D

ставлены, что потом будут приступать к работе, чтобы показать, что у нас якобы раскол. Это даже вероятно. Может быть так подстроено. Посмотрим.

Просим делегацию „Замеха"[9] чтобы она к нам присоединилась. Получили они наши требования? Требования получили? Ну, тогда наверно позже получат, это не проблема. Наверняка.

Мы тут как раз подменились. Теперь новая смена. Товарищ, который был с понедельника, поехал домой, а я приехал с новостями из Слупска, с судоверфи Устка. Значит... (*аплодисменты*) Сегодня во второй раз в Воеводском комитете партии назначили две делегации для переговоров, но до моего отъезда они еще не добрались до места, а директор звонил из Воеводского комитета, что ему обещали дополнительно 20 миллионов в фонд заработной платы. Это в порядке информации. Затем я хотел бы сообщить, что сегодня судостроители, бастующие на территории Судоверфи, отдали 20,4 литра крови для жертв /железнодорожной/ катастрофы в Торуни, и значит, 78 человек отдало кровь. (*аплодисменты*) Затем еще из сообщения Забастовочного комитета Судоверфи Устка я хотел добавить, что мы его дополнили одним пунктом, который так звучит: „Новым воеводой нашего воеводства был назначен гражданин Пшевозьник, инженер-строитель, который до сих пор занимался в правительстве вопросами строительства. Как известно, наш воевода... наше воеводство является воеводством типично сельскохозяйственным. Воевода должен быть человеком с сельскохозяйственным образованием. В связи с вышеизложенным мы требуем замены на посту воеводы, отмечая, что это типичный пример протекции, когда назначают „своих людей". Мы считаем, что этот пост... (*аплодисменты*) Мы считаем, что этот пост должен занимать человек, связанный с нашим регионом и знающий свое... знающий наши проблемы и больные места". Кроме того, я хотел еще сказать, что пока что мы немножко в одиночестве на территории нашего воеводства, и имеет место сильный нажим. И

в первый раз сегодня у нас была делегация из ПРИМ'а[10] в Слупске, у которого есть предприятия в Слухове и Лемборке, с просьбой помочь и сообщить, как все это организовать. Спасибо за внимание. (*аплодисменты*)

/Артель трикотажных изделий „Фаля"/ в Гданьске. Мы стоим с пятницы... какого числа? Какое это будет? Пятнадцатое. У нас на предприятии 800 человек, в том числе 10 или, может, 15 мужчин, тут я не очень в курсе. (*смех, аплодисменты*) (...) Я считаю, что если мы хотели прийти с дирекцией, с трестом к каким-либо соглашениям... потому что у нас действительно речь шла о зарплате, мы очень низко зарабатываем в сравнении с другими предприятиями нашей промышленности... но это, к сожалению, не было возможно. Приехал один из треста, ничего нам не обещал. Разве что только... что можно было бы нам повысить по 20 грошей на ставке (*смех*). А вообще-то сегодня... потому что мы с пятницы не работаем, а с сегодняшнего дня созвали специальную комиссию промышленности из министерства, с треста, на которой мы были и этот, ну вроде этот комитет, что должен помочь, так они хотели со всеми разговаривать по отдельности, не с Верфью, избави Бог, только с отдельными предприятиями. Ну и, к сожалению, жутко они нас разочаровали, потому как министр пришел к выводу, что просто тут такое дело, что невозможно, чтобы кто-нибудь нам помог, так как мы идем к краху. Ну, я не знаю. Я так считаю, что вот уже 35 лет мы идем к краху и будем идти (*смех, аплодисменты*). (...) предложили министру упразднить..., повысить ставки на мясо, чтобы мясо было в наших магазинах, а не только в коммерческих, так он сказал, что и так его покупают за валюту, которую мы покупаем в „Певексе"[11] и продаем иностранцам. Да это вообще и представить было невозможно — он с нами разобрался со всеми вопросами всего за 20 минут, потому что он должен идти к этому новому, что приехал... Ягелло вроде, да?[12] (*смех, крики „Браво!", аплодисменты*) А если речь идет об яслях, о других вещах, которых мы все добиваемся, так это невозможно. Абсолютно

невозможно, и те требования, что выдвинуты официально, так как их выдвинула Верфь, выдвинули другие оставшиеся предприятия, так он сказал, что это вообще решить невозможно. Что мы дойдем до... потому как корабли, что пришли на наше море, которые на рейде стоят, так их направили в ФРГ, где мы должны валютой платить, где... ага, а в ГДР одни рубли пойдут только. (*смех, аплодисменты*) В состав комиссии, которая вроде бы была с нами, так вообще не хотели рабочего допустить, потому как это вообще должен был быть, мы это так поняли, комитет, выбранный партией. А как мы пришли во вторую смену на работу, так в конце тут такое возмущение поднялось – где комитет, где какой-нибудь забастовочный комитет? – то нам сказали, что не нужен, что они с нами обо всем полюбовно договорятся. Так что все, к сожалению – с дирекцией включительно, и с партийными членами – все были очень, очень разочарованы такой ситуацией, какая есть сейчас. Ну, я так считаю, что теперь-то, надо думать, только коммунисты, эти партийные, будут свои книжечки есть, а нам, наверно, еще немножко останется. (*смех, аплодисменты*)

■ Внимание! Есть сообщение. Фабрика осветительных приборов „Полам" в Гданьске приступает к забастовке с занятием помещений предприятия и присоединяются к МЗК (*аплодисменты*) после неудавшихся попыток вступить в контакт с правительством. (*аплодисменты*)

„ИТР и работники администрации Фабрики..." Прошу прощения. *Декларация солидарности*. „ИТР и работники администрации Фабрики столярных изделий для строительства в Гданьске заявляют: 1. Выражаем свою солидарность с требованиями производственных коллективов нашего предприятия. /2/ Выражаем солидарность с требованиями МЗК Гданьской Судоверфи, представляющего интересы трудящихся. 3. Требуем учесть также работников умственного труда предприятия при реорганизации системы заработной платы, учитывающей рост прожиточного минимума". Гданьск,

21 августа 1980 года. Декларацию подписали... Вот подписи. (*аплодисменты*) Спасибо.

■ Сколько еще будет продолжаться здесь собрание, скажите, пожалуйста? Скажите, пожалуйста, сколько еще будет продолжаться заседание? Не подключать никакой радиоаппаратуры в сеть радиоузла! Повторяю. Просьба не подключать никакой радиоаппаратуры в сеть радиоузла!

Забастовочный комитет в „Элморе"[13] заявляет: „Наши требования, изложенные в 21 пунктах и опубликованные МЗК, размещающемся на территории Судоверфи им. Ленина, не относятся только к отраслевым проблемам или к территории Гданьского воеводства. Эти требования являются требованиями всех трудящихся. – Забастовочный комитет предприятия „Элмор". (*аплодисменты*)

■ В районном филиале Кооперативного предприятия производства строительных сборных элементов для сельского строительства, в Пщулках, коллектив пытался вступить в переговоры с комитетом ПОРП, с гминным* комитетом и Профсоюзом работников сельского хозяйства с отделением Центрального правления в Гданьске. С этой целью было направлено письмо в адрес этих учреждений с предложением удовлетворить выдвинутые требования. Этому есть письменные подтверждения. В связи с отсутствием ответа коллектив с сегодняшнего дня приступил к забастовке и пишет следующее: „21.08.80 года коллектив районного филиала Кооперативного предприятия по производству сборных элементов для сельского строительства в 13.00 принял решение приступить к забастовке (...) забастовке солидарности, выбирая Забастовочный комитет в составе..." – и дальше состав. Так что мы видим, что попытки диалога (*аплодисменты*), не опирающиеся каким-

* Единица административно-территориального деления: воеводство подразделяется на гмины.

либо образом на решительную позицию, ни к чему не приводят. Только забастовка.

„МЕНЯ ЗОВУТ ИРЕНЕУШ ЛЕСЬНЯК..."

ИРЕНЕУШ ЛЕСЬНЯК: Меня зовут Иренеуш Лесьняк. Я заместитель заведующего... Попрошу тишины! Потому что это очень существенно, что я сейчас скажу. Я – заместитель заведующего Бюро по вопросам кадров и социального анализа Гданьской судоверфи им. Ленина. С этого момента я с вами. (*аплодисменты*) Дорогие мои, в этот момент для меня важнее всего (потому что это исторический момент, и я не преувеличу, если так скажу), важнее всего в первую очередь, чтобы корреспонденты заграничной прессы тщательно все записывали, а если они хотят, то я предоставляю в их распоряжение целиком весь текст, который я сейчас прочитаю. Можно? (*аплодисменты*) Только я попросил бы еще раз тишины и спокойствия. Можно? Это уже наверняка идет на запись, да? (*отвечая на вопросы из зала*) Какое предприятие? Гданьская судоверфь им. Ленина. Вы меня не знаете? Ну, что ж поделаешь. Нет, нет, нет. Я заместитель пана магистра Щипиньского. Пани Аня меня знает, ну вот, видите. Вы можете подтвердить, правда?

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: Я вас тоже знаю.

ИРЕНЕУШ ЛЕСЬНЯК: Ладно. Дорогие мои, позвольте мне прочитать текст моей петиции:
„Уважаемые собравшиеся, позвольте мне вступить в ваши ряды, ибо я больше не могу и не сумею сидеть сложа руки. Как честный и добропорядочный гражданин Польской Народной Республики, как истинный судостроитель – ведь я до настоящего момента исполняю обязанности заместителя заведующего Бюро по вопросам кадров и социального анализа Гданьской судоверфи им. Ленина – как отец и муж, как член Кружка молодых литераторов при Гданьском

отделении Союза польских писателей, как житель земли, освященной благороднейшей кровью наших предков, с чувством полной умственной, юридической и исторической ответственности – я выражаю свою солидарность с вами! Я поступаю так потому, что с детских лет я воспитывался в духе уважения к правде и человеческому достоинству, миру, гуманности и дружбе". (*аплодисменты*) – Попрошу спокойствия. Мне слава и аплодисменты ни к чему. Поверьте, меня не это склонило к выступлению. – „И я не был бы верен собственным идеалам, если бы сегодня так не поступил. Ведь все то, что вы провозглашаете публично, ощущают и в глубине сердца поддерживают все поляки, без различия пола, возраста и принадлежности, профессии и места работы. (*аплодисменты*) Это ощущают и так мыслят: пекари и сапожники, уборщицы и таксисты, милиционеры и солдаты, крестьяне и директора, шахтеры и сталевары, священники и профессора, все без исключения, без различия происхождения, вероисповедания и партийной принадлежности, члены ПОРП, ОКП, ДП[14] и других организаций, но только вы обладаете фантастической смелостью, которой недоставало нам всем, у вас есть надежда и энтузиазм, добрая воля и безграничная вера в то, что вы провозглашаете. Поэтому именно сейчас к вам надлежит относиться с полным признанием и уважением, считаться с вашими требованиями. (*аплодисменты, возгласы одобрения*) Настало время проявить подлинную заботу о судьбах нашей страны, отчизны всех поляков, Польской Народной Республики. (*аплодисменты*) Народ больше не удастся обмануть пустыми обещаниями и лживыми иллюзиями. Поэтому я, гражданин Польской Народной Республики, Иренеуш Лесьняк, человек, который с детских лет упорно стремится к правде и счастью народа, член ПОРП, человек, который в возрасте 34 лет двадцать из них уже успел посвятить Родине, трудясь для нее в качестве пекаря, шахтера, шофера, профессионального солдата, в настоящее время как работник умственного труда, хочет как вы все, как весь польский народ, работать для нее и дальше– упорно и плодотворно. Я не хочу уронить ни крохи из того,

что наши дорогие деды, отцы, братья и сестры, матери и жены до сегодняшнего дня завоевывали и построили. Именно поэтому я от собственного имени и от имени всех честных поляков смиренно заклинаю Вас, товарищ Эдвард Герек, прибыть к нам сюда и как можно скорее начать переговоры, ибо только Вас мы наделяем доверием, поскольку наряду с нашим Папой Иоанном-Павлом Вы являетесь единственным авторитетом, способным вывести нашу страну из теперешнего кризиса, ибо Вы знаете жизнь рабочего и революционера лучше, чем кто-либо другой. Мы восстаем не против Вас, партии или строя, но против методов и способов реализации провозглашаемых Вами идей. (*аплодисменты*) Против... Против возмущающих народ действий, о которых Вы не всегда знаете, ибо услужливые лакировщики старательно все эти недостатки укрывали от Ваших глаз. И даже сегодня перед лицом всеобщей катастрофы пытаются укрывать. (*аплодисменты*) Мы с Вами, товарищ Герек, потому что Вы представляете из себя по природе честного человека, который в состоянии успешно вывести край из теперешней ситуации. Я рассчитываю на Вашу огромную мудрость и политический опыт... Ваши гигантские заслуги для сохранения мира во всем мире и подлинное уважение. Я умоляю Вас лично прибыть сюда, и Вы убедитесь, что будете иметь дело не со смутьянами и бандой хулиганствующих юнцов, но с чистокровными представителями рабочего класса (*возгласы „Браво!", аплодисменты*), которому Вы посвятили всю свою жизнь до настоящего момента, не щадя ни времени, ни сил, с людьми, к которым мы испытываем чувство близости и дружбы. Если применить слова нашего любимого национального поэта Адама Мицкевича, ситуация созрела до того, что – цитирую: „Народ скажет „Хватит!" самозванным слугам, непрошенным защитникам воздаст по заслугам, крикливых краснобаев поделом осудит, тех, кто народу дорог, народ не позабудет". Заканчивая, я хотел бы одновременно с этой трибуны передать самый сердечный привет людям труда во всем мире, в Советском Союзе, в обеих Америках, в Китае и в Австралии – всюду, где трудовой пот

рабочего человека творит лучшее завтра. Большое спасибо. (*аплодисменты*)

„ЗНАЧИТ, РАСКАЯЛСЯ ГРЕШНИК..."

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Одну минуточку. Тут такое дело. Такое впечатление, что группа меняется, и что это будет, вероятно... это будет, по-видимому... Ладно, поглядим. А сейчас прошу, пани Аня.

АННА ВАЛЕНТИНОВИЧ: Очень красиво говорил пан Лесьняк, да только трудно разобраться, когда он правду говорил. Может, две недели назад, когда не важны были показания свидетелей? Когда он сделал все, чтоб после проведения дисциплинарных мер (...) громкие слова говорил: „Отклонить ее дело! Наказать!!!" Когда я одна была! Когда я в одиночку боролась! По четыре ча... по два, по четыре часа я в приемной у директора сидела! Тогда мне на комиссии по трудовым спорам пан Лесьняк представился как юрисконсульт! Я только потом узнала, что он заместитель начальника отдела кадров. И не было понимания, потому что я была одна. А сегодня, когда нас здесь тысячи, когда миллионы людей с нами солидарны, я подозреваю! Если пана Лесьняка воспитывали в духе мира, так почему ж он тогда меня преследовал? Пусть он мне теперь ответит. (*возгласы в зале*) Я подозреваю, что все это, чтобы внести раскол, потому что снаружи листовки, всякого рода фальшивые информации не дали результата. Министры разных ведомств выехали на отдельные предприятия, а пан Лесьняк сюда пришел. Столько, сколько я последнее время вынесла, и именно от пана Лесьняка... Нет у меня причины... нет у меня права верить в то, что он говорит сегодня, потому что с той же убежденностью он говорил, когда я одна была, только как раз наоборот. Рассудите сами это дело. Спасибо вам, не могу я больше говорить, слишком уж у меня все это наболело. (*аплодисменты, возмущение в зале*)

ГОЛОСА ИЗ ПРЕЗИДИУМА: (...) чтобы люди ему теперь дали охрану, а то ведь (...) не выпустят. Спокойствие и осмотрительность! Спокойствие и осмотрительность!

АНДЖЕЙ ГВЯЗДА: Пожалуйста, я призываю всех вести себя разумно. Теперь, когда нас много, будет много таких, что раньше нас преследовали, а теперь они будут объявлять себя нашими друзьями. Не надо им причинять вреда, но и не будем с ними разговаривать, не будем подавать руки. (*возгласы, аплодисменты*)

ФЛОРИАН ВИШНЕВСКИЙ: Прошу прощения. Тут передо мной полный текст. Я к нему тут между делом внимательно присмотрелся, потому что все-таки здесь человеческие переживания, и предлагаю то же самое, что и поначалу. Спокойствие и осмотрительность. Значит, во имя этого самого, со спокойствием и осмотрительностью. Прежде всего я посмотрел на этот документ. На нем ни даты нет, ни места, ни подписи. В связи с этим, как человек совершенно беспристрастный, но и как человек, на которого вы также возложили доверие, потому как я ездил к властям с нашими общими делами, я спрашиваю, кто пану Лесьняку это написал, потому как это не его... не его текст. Он под этим не подписался. И что заставило пана Лесьняка к нам сюда прийти. Послушайте, есть разные такие дела, с совестью или там с верой, может... может, раскаялся грешник. Значит, я задаю вопрос и передаю микрофон.

ИРЕНЕУШ ЛЕСЬНЯК: Ну что ж, значит, раскаялся грешник. Слушайте, я вам сейчас скажу кое-что, что в такой момент все, что я написал... Почему нет, например, даты? Если хотите знать, то как раз из-за энтузиазма и душевного подъема за счет момента, потому что это для меня важный момент, просто – поскольку я сам печатаю на машинке, но очень медленно, я попросил одного из ваших товарищей, а теперь уже – наших, потому что я хотел бы, чтоб вы меня тоже за такового признали, передать сообщение, чтобы кто-нибудь

из-за ворот, с той стороны, вызвался напечатать этот текст, а я сам писал от руки. Если вы мне не верите, то у меня есть еще один человек, которому я этот текст подарил, просто на память. Вы можете объявить, эта женщина, что печатала текст, наверняка стоит за проходной, а я ей диктовал, и она еще некоторые поправки вставляла... Впрочем, сам текст, если вы присмотритесь, с многими ошибками написан, но ведь тут речь идет не о стилистических или орфографических ошибках, а все-таки, наверно, о содержании.

ФЛОРИАН ВИШНЕВСКИЙ: Ладно. Минутку, минутку. Значит, это... Не будем распыляться. Вопрос слишком серьезный. В связи с этим, позвольте, я доведу это дело до конца. Пусть пан Лесьняк вот тут поставит свой автограф.

ИРЕНЕУШ ЛЕСЬНЯК: С удовольствием.

ФЛОРИАН ВИШНЕВСКИЙ: Вот здесь внизу. Пожалуйста! Прошу вас поставить свой автограф. И дату, пожалуйста, дату и место. Место и дату. Минутку, минутку, минутку.
(...)
Не знаю, не знаю, я вроде... Насколько я помню, сегодня 21-е. Да, когда я сюда пришел, было 16-е. Минутку, минутку, вот так. Спасибо. Ну вот, так, спасибо. Документ приобщается к делу. А теперь я передаю микрофон следующему нашему гостю из польских писателей.
(...)
Минутку, может, я все-таки доведу до конца.

Позвольте представиться, моя фамилия Станислав Эсден-Темпский. Я поэт из Кружка молодых Союза польских писателей. Так вот, сначала, быть может, насчет формальной стороны: пан Лесьняк не является членом Кружка молодых писателей СПП. Это во-первых...

ФЛОРИАН ВИШНЕВСКИЙ: Повторите, пожалуйста.

СТАНИСЛАВ ЭСДЕН-ТЕМПСКИЙ: Пан Лесьняк не является членом Кружка молодых Союза польских писателей. Я могу это заявить вполне авторитетно, как член правления этого Кружка. У меня еще несколько слов от себя. Я внимательно слушал слова пана Лесьняка, и что в этих словах мне бросилось в глаза? Некий сервилизм, некая приниженность, которая совершенно не соответствует той атмосфере, которую я впитал за те три дня, что я нахожусь здесь и присутствую на заседаниях. Мы все знаем, о чем идет речь – и для вас, и для нас, писателей. И знаем также, каким образом мы должны эти наши мысли, эти наши требования формулировать. Мы не должны никого... никому льстить, так как мы не боимся, что потеряем теплое место или кто-нибудь с нами за это расправится. Мы знаем, или по крайней мере хотим знать, что живем в свободной стране и можем говорить то, что думаем, а думаем мы именно то, что было сформулировано в 21 требовании хартии Межзаводского Забастовочного Комитета. И собственно, больше добавить нечего. Просто – достоинство и еще раз достоинство. (*аплодисменты*)

ФЛОРИАН ВИШНЕВСКИЙ: Спасибо. А теперь попросим пана Анджея прокомментировать.

АНДЖЕЙ ГВЯЗДА: Дорогие друзья, фамилия пана Лесьняка мне прекрасно знакома. Вижу я его впервые, а знаю потому, что мы ведем такую хронику репрессий, и если речь идет о репрессиях на Гданьской судоверфи, то во всяком случае в истории пани Ани Валентинович эта фамилия повторялась несколько раз. Пани Аня, работающая на верфи в течение 30 лет, 15 лет работала сварщицей, заработала себе силикоз и была переведена на мостовой кран, на более легкую работу с потерей двух групп по тарифной сетке. Затем ее преследовали вплоть до семьдесят шестого года неоднократно, а с тех пор, как она вступила в Учредительный комитет Свободных профсоюзов, присоединилась к свободному профсоюзному движению, преследования были беспрерыв-

ными. Недавно она была уволена с работы в дисциплинарном порядке, находясь на бюллетене. Все эти вещи оформлял шеф пана Лесьняка, но и его заместитель также фигурировал во многих разговорах, многих высказываниях и во многих документах. Спасибо за внимание. (*аплодисменты*)

„ПРОШУ ВАС, ЧТОБ НЕ БЫЛО ДАЖЕ СВИСТА..."

ФЛОРИАН ВИШНЕВСКИЙ: Ну вот, мы все прослушали, и мне кажется, что у нас тут есть дела поважнее. В такой ситуации... в такой ситуации я хотел бы это дело спокойно довести до конца. (*аплодисменты*) Надеюсь, что я буду... Мы предложим пану Лесьняку почетный выход... под охраной за проходную верфи. Предлагаю проголосовать. (*продолжительные аплодисменты*) Итак, я предлагаю предоставить охрану и вывести. И прошу коллектив Гданьской судоверфи, чтобы с ним ничего дурного не случилось. Потому как... как мы объявили забастовку, забастовку справедливую. Мы тут никого линчевать не будем, но тех, кто хочет наше движение расколоть, мы деликатно выводим за ворота! На этом вроде можно с этим вопросом закончить. (*аплодисменты*)

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Прошу вас, так, как я в начале сказал, что это дело выиграю, доведу до конца, так и теперь помните, я вас прошу... И никто... никто даже не отреагирует! Пусть служба охраны порядка выйдет. Никто не имеет права реагировать! Пусть он идет себе отсюда. Это еще один трюк, на который мы не дали себя поймать. (*аплодисменты*)

ФЛОРИАН ВИШНЕВСКИЙ: Я попрошу двадцать делегатов, мы вместе пойдем и нашим авторитетом обеспечим проход. Мы не хотим никаких происшествий. Это было бы... это повредило бы нашему делу. Слушайте, судостроители, мы не хотим.

АНДЖЕЙ ГВЯЗДА: (...) так послушайте и теперь. Прошу вас, чтоб не было даже свиста. Выразим свое отношение молчанием.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: Забрать у него пропуск!

(*Движение в зале заседаний*)

„... ДУМАЮ, ЧТО МНЕ УДАСТСЯ..."

Дорогие делегаты, я хотел спросить, все ли сюда приехали с полным осознанием дела? Я хотел просто спросить. Прошу всех поднять руки. Большое спасибо. Все знакомы с требованиями, выдвинутыми Забастовочным комитетом, Межзаводским забастовочным комитетом? Знакомы, да? Это значит... Дело в том, что стоя сзади, когда этот выступал, пан Лесьняк, я заметил, что не все знают, зачем они сюда приехали. Все они прекрасно все осознавали. Их ознакомили, а однако не все знают, зачем сюда приехали. Мы стремимся к одной, для всех нас желанной цели. Другой цели мы не видим и видеть не будем, и таких панов Лесьняков поддерживать тоже не будем. Довольно с нас раскольнической деятельности за 35 лет. Мы хотим, чтобы все понимали то, чего они хотят, и то, чего его товарищ, его брат, его сосед ожидают от всего того, что здесь... здесь произошло. Нет другой цели – только лишь добиться выполнения всех требований, содержащихся в 21 пункте. Ничего кроме этого. И от этого мы отступить не можем, и как представитель Забастовочного комитета Гданьской судоверфи я осознаю это, и отступить от этого не отступлю. Если кто-нибудь отсту... Есть кто-нибудь в зале, кто отказывается от содержащихся требований? Прошу поднять руку. Смело, по-мужски! А то очень много рук вверх тянулось, когда пан Лесьняк выступал. Так имейте же смелость сейчас руки поднять.
(*движение в зале, возгласы*)
Пожалуйста (...) перестаньте.
Так что, так что мы понимаем, понимаем, зачем мы сюда все собрались, да? Большое спасибо. (*аплодисменты*)

Послушайте, я думаю, что сумею... что мне удастся объяснить наше поведение. Пан Лесьняк нас словами взял. Говорил он уж больно красиво. Эта первая часть до того момента, когда он проявил полное лакейство, и только в силу... как я предполагаю, что все присутствующие только по инерции, как бы с разгону, ему еще хлопали. Но я знаю по столу, я смотрел на тех, кто сидит тут за столом, где и я, и знаю, что была сильная растерянность – что это значит? Что это значит? Так что казалось, что члены Президиума знают этого гражданина. Оказывается, только тогда наружу все вышло, когда товарищ из Кружка молодых литераторов сообщил, как он нам тут врал. Так что я считаю, что мы все одинаково думаем с начала до конца. Есть только одно дело, которое нужно выиграть и мы должны выиграть. (*аплодисменты*)

БОГДАН ЛИС: Я так думаю, что мы должны проявить еще больше осмотрительности и в те моменты, когда время от времени в некоторых письмах или выступлениях поднимаются вопросы, которые, которые нам чуждые, которых мы не поддерживаем. Мы должны изолироваться от всех политических акцентов для того, чтобы власти не могли нас обвинить, что мы, что мы дурное дело делаем. Все мы здесь для того, чтобы добиться для себя таких прав, которые позволили бы нам принести впоследствии пользу и выгоду нашей родине. Спасибо. (*аплодисменты*)

Широкая аудитория, прошу прощения... извините за хриплый голос. Просто мы поддались внушению, поддались внушению пана Лесьняка, но вместе с тем, по-моему, по моему мнению, товарищ из Кружка Литераторов Молодой Польши должен бы сразу подняться после слов, что он, мол, просто участник, или чего еще... Что тут, к примеру сказать, меня просто-таки поражает?.. Я сам хлопал, а потом... И на самом деле, все, что я потом узнал от... В общем, я еще просто-напросто возмущен, и... и конечно, что мы не можем в первую очередь поддаться ни на какую провокацию. Ну, и еще я отказываюсь

от того, что аплодировал. У меня есть, есть смелость сказать, сказать громко – да, хлопал, и очень сильно после первых слов и, в общем... Честное слово, не знаю даже. Извините, пожалуйста.

СТАНИСЛАВ ЭСДЕН-ТЕМПСКИЙ: У меня еще только два слова. Значит, дело вовсе не так ясно, как это казалось бы на первый взгляд. Пан Лесьняк действительно пишет какие-то текстики, и кажется, что в какой-то период существования Кружка молодых, до семидесятого года или сразу же после семидесятого, он был кандидатом в члены Кружка, а по крайней мере, крутился в кругах членов Кружка молодых. Но зато, и я это повторю еще раз со всей ответственностью как член правления Кружка молодых литераторов СПП, объединяющего тех, кто еще не является членом Союза и имеют одну или более публикаций в виде книг, что он не является членом Кружка наверняка в данный момент. Это один вопрос, а другой... Понимаете, я не думаю, чтобы пан Лесьняк был провокатором. Мне кажется, что это просто человек, который зашел в тупик партийной деятельности – а видя, каким подлинным, каким мощным является движение, представители которого сидят в этом зале, наконец почувствовал, что надо было бы к этому движению присоединиться. И ему захотелось стать на один вечер героем этого вечера. Он хотел, действительно хотел. Ведь он с самого начала говорил, что это исторический момент, потому что пан Лесьняк присоединяется к МЗК, ведь правда. Он уже и про иностранных корреспондентов спрашивал, уже видел себя в сверкании блицев, в блеске юпитеров, дающего интервью. Ну что ж, не получилось. Как всегда, оказалось, что у рабочих безошибочное чутье на любое лицемерие. Думаю, что следующих таких примеров лицемерия между нами не будет. Спасибо. (*аплодисменты*)

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Предлагаю, чтобы мы об этом деле забыли. Это была еще одна провокация, на которую мы не поддались. Это дело ясное. Спасибо за доверие, за то, что действительно

ничего не произошло. Мы его вывели в безопасное место – и поэтому тоже я предлагаю забыть об этом. Это был еще один ход, на котором нас не удалось провести. Спасибо. (*аплодисменты*) Этот вопрос закончен. Я его считаю законченным.

„МОЖЕТ, МЫ ВЫБРАЛИ НЕМНОГО ДРУГОЙ ПУТЬ..."

■ Представитель Судоремонтной верфи хотел официально объявить о присоединении к МЗК. У него есть полномочия своего Забастовочного комитета. (*аплодисменты*)

Уважаемые собравшиеся, от имени коллектива Гданьской судоремонтной верфи, Забастовочного комитета, извините, Гданьской судоремонтной верфи я хотел бы вначале заверить вас как судостроитель – прежде всего я обращаюсь здесь к судостроителям Гданьской судоверфи и других предприятий – что с самого начала нашей забастовки, то есть с прошлой пятницы, с пятницы мы солидаризируемся с вами. (*аплодисменты*) Может, мы выбрали немного другой путь, но все это сводится к общему сектору. И в связи с этим, чтобы не было недоразумений, я хотел бы сейчас представить полномочия тех лиц, которые смогут тут вместе с вами обсуждать наши проблемы наших предприятий, то есть наших людей – или проще: „Полномочия коллектива Гданьской судоремонтной верфи и Судоремонтной верфи „Радуня" для гражданина Сикорского Ежи, (*аплодисменты*) Восковского Здзислава, (*аплодисменты*) Матысяка Хенрика" – это я буду – (*аплодисменты*) „и представителя Судоремонтной верфи „Радуня" Богушевского Ежи (*аплодисменты*) для участия в заседаниях Межзаводского забастовочного комитета, расположенного на территории Гданьской судоверфи им. Ленина с полными полномочиями представлять коллективы вышеупомянутых судоверфей, Забастовочных комитетов Гданьской судоремонтной верфи и Судоремонтной верфи „Радуня". Подписано: Забастовочный комитет Гданьской судоремонтной верфи" /.../

HSWB - E

■ Я очень извиняюсь, но... вот это... Перевод вот этого, может быть, слишком резковат... (*движение в зале*) Ладно, тогда я прочитаю так, как в оригинальном переводе. *Заявление...*

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА: Громче!

■ *Заявление*
„Вот уже в течение шести лет в Осло и других городах Норвегии 21 августа, то есть в годовщину Пражской Весны 1968 года, организовываются демонстрации, выражающие солидарность с народами чехов и словаков, осуждающие советскую агрессию в Чехословакии. Эти демонстрации организовываются членами группы „Комитет 21 августа", членами профсоюзных объединений, людьми, принадлежащими ко всем политическим партиям Норвегии, за исключением просоветского Интернационала. В этом году главным лозунгом демонстраций будет, наряду с лозунгами солидарности с Чехословакией и Афганистаном, лозунг солидарности с польским рабочим классом, борющимся за свои права. Передаю... (*приветственные возгласы*) Передаю бастующим рабочим в Польше привет и выражение поддержки от Коммунистической, Марксистско-Ленинской Рабочей партии Норвегии – нашу солидарность... выражение поддержки от нашей Марксистско-Ленинской Рабочей партии Норвегии. – Редактор журнала „Классовая борьба", Осло..." – Норвежский адрес редакции, тут понять трудно. (*аплодисменты*) Я очень извиняюсь, что поначалу мы не хотели переводить это заявление, поскольку, ну, это понятно, но Президиум тут решил, что... все-таки... нельзя переиначивать и не переводить тексты как полагается. Большое спасибо. (*продолжительные аплодисменты*)

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Понимаете, и вот я все-таки в той же ситуации, как и вначале. Мы уже говорили – я напоминаю –

потому что некоторым именно того и нужно, чтобы мы как профсоюзы занимались вещами не... не теми, которыми должны. Это... это профсоюзы, как я уже сказал, это чистой воды профсоюзы, они не интересуются политикой и... союзническими договорами, потому что нас... мы... нас интересуют хлеб, работа, условия труда – вот такие вопросы. И поэтому я действительно предлагаю... Потому что это... может вызвать плохие комментарии, а некоторые только и ждут того, чтобы заявить, что у нас здесь ведутся какие-то политические интриги. Нет! и еще раз нет! И поэтому я действительно предлагаю, мы теперь внимательнее будем следить, чтобы такие вещи не проходили, потому что... мы на самом деле не можем. (*голоса из зала, аплодисменты*)

ФЛОРИАН ВИШНЕВСКИЙ: Я думаю, что сознательность наша на таком уровне и у нас такое количество дел, с которыми мы сюда пришли и должны решить, что не... не политические вопросы. Тем не менее, может и очень даже симпатично с их стороны, что они о нас помнят. Может, у них нет этого полного понятия, того, что у нас здесь есть, что мы здесь собрались по социально-экономическим вопросам. Лучше всего... самое лучшее здесь то – впрочем, у нас уже есть этому полное подтверждение – что с симпатией к нам относятся все прогрессивные страны. И советский народ в этот момент тоже с нами и относится с доброй симпатией. У нас есть... Ну, просто заграничные агентства комментируют это таким образом, что ТАСС перепечаты... передает корреспонденции, показывает снимки тут у нас из зала – снимки, снятые с разных точек и в цвете – и советские люди смотрят и считают, что очень даже симпатично у поляков, раз они умеют по важным вопросам – ключевым для своей страны – собираться, обсуждать, на фоне государственного герба и флага, на фоне, что красным флагом украшен, и рядом с Лениным. Они говорят... Слушай, эти поляки, должно быть, коммунисты... которые хотят хорошее дело сделать. И на самом деле, на нашей стороне симпатия всех народов. И это правда. (*возгласы одобрения, аплодисменты*)

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Внимание, предлагаем, если действительно у кого-нибудь нет еще какого-то настоящего сообщения, интересного... Предлагаю... Сколько минут?

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: Пятнадцать минут!

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Пятнадцать минут перерыв, так как мы хотим посовещаться.. Пожалуйста.

ЛЕХ СОБЕШЕК: Дорогие мои! Я хотел бы сказать, что наверняка еще не раз и не два, а может, и не десять, мы будем просто подвергаться различным испытаниям. Эта пани поставила нас в довольно-таки, можно сказать, неудобное положение, но я думаю, что мы из этого в конце концов както выберемся. Благополучно, и с умом. Я имел удовольствие, если еще делегатов человек сто было, выступать перед главной проходной дирекции от имени „Сяркопола"[15] а зовут меня Собешек Лех. Все-таки представиться-то надо, а не то, что я хочу войти в историю. – Я сказал, что мы продолжаем борьбу, и пусть нашим преимуществом будет попросту единство. Спасибо. (*аплодисменты*)

БОГДАН ЛИС: Пожалуйста, сейчас пятнадцатиминутный перекур, это по той причине, что Президиум должен провести короткое заседание и, вероятно, будет принято какое-то решение, о котором мы проинформируем собравшихся. Спасибо, можно выключить радиоузел.

„ПЕРВЫЙ ПУНКТ ИМЕЕТ КЛЮЧЕВОЕ ЗНАЧЕНИЕ"

ФЛОРИАН ВИШНЕВСКИЙ: Поскольку в зале есть много людей, кто не знает нашего последнего генерального заявления, предлага... А тем временем мы тут соберем, один из товарищей, может, прочитает нам просто для информации прочитает Заявление Межзаводского забастовочного комитета, сделанное вчера вечером. Можно кого-нибудь по-

просить из зала прочитать? Может, вы? Сюда, пожалуйста, сюда. Вот текст. В течение пяти минут вы можете спокойно... Да, да...

Вот так, теперь хорошо. Я здесь стою. „Гданьск, двадцатого восьмого 1980 года.

ГОЛОС СБОКУ: 20 августа 1980 года.

Двадцатого, ноль восемь, восьмидесятого года.

„Заявление Межзаводского забастовочного комитета, состоящего из шестисот восьми человек, представляющих 304 бастующие предприятия Балтийского побережья, размещающегося на территории Гданьской судоверфи им. Ленина

Первый пункт наших требований имеет ключевое значение. Без Независимых Профессиональных Союзов все остальные требования могут быть в будущем сведены на нет. Так уже не раз бывало в короткой истории ПНР. Официальные профсоюзы не только не защищали и не защищают наши права и интересы, но проявляют по отношению к справедливому забастовочному движению даже большую враждебность, чем партийно-правительственные органы. Острее всех о забастовочном движении высказался председатель ЦСПС тов. Шидляк, тот самый, который считает себя выразителем интересов трудящихся и является представителем организации, на которой лежит главная вина за состояние последних дней в стране. Ян Шидляк в своем заявлении на встрече с так называемым активом Гданьского воеводства – четырнадцать представителей фабзавкомов, что представляет собой ничтожную долю процента всех существующих профсоюзных комитетов – не счел даже необходимым подвергнуть критике позицию, занимаемую до последнего времени ЦСПС, Главными правлениями, Воеводскими советами профсоюзов. Он не выразил даже такой скромной самокритики, как представители партии и правительства. Нашу забастовку он определил как проявление враждебных сил и террор. Его

слова – это слова угрозы. „Мы не отдадим власть, не поделимся властью" – говорит Шидляк. Говоря это, он ставит общественное мнение в известность, что хочет быть нашим представителем без нашего согласия. Наши полномочия для него не имеют значения. МЗК и коллективы бастующих предприятий не могут безразлично пройти мимо такой официальной позиции ЦСПС и считают необходимым дать на нее ответ. Именно таким ответом является решение всех делегатов колллективов бастующих предприятий, объединенных в МЗК, о выходе из партийно-правительственных профсоюзов, принятое на сегодняшнем заседании в 10 часов 20 минут. Наша забастовка пользуется поддержкой и симпатией всей страны и трудовых стран мира, ибо требования, изложенные в 21 пунктах, являются глубоко человечными и гуманными. Это хорошо чувствуют бастующие коллективы и все общество, что дает нам дополнительные силы и решимость твердо стоять до конца в нашем справедливом деле. Рабочие борются не за подачку только для себя, но – как гласит лозунг – „за справедливость для всей Отчизны". Мы должны решительно выступить против предпринимаемых местными и ведомственными органами власти попыток расколоть единство нашего забастовочного движения. Мы являемся достойными наследниками слов: „Человек родится и живет свободным". Только в единстве наша сила. МЗК принял также на заседании 20 августа следующую резолюцию: „Забастовочные комитеты отдельных предприятий не должны вести с государственными властями никаких переговоров, предметом которых было бы наше общее... были бы наши общие требования. На забастовочных комитетах лежит ответственность за поддержание порядка и охрану своего предприятия от возможного ущерба, а также за поддержание готовности приступить к работе, что наступит после удовлетворения наших требований, о чем в надлежащее время МЗК оповестит все коллективы. Переговоры по вопросу переданных партийно-правительственным органам власти требований, изложенных в 21 пункте, от имени бастующих производственных коллективов будет вести

с полномочным представителем Правительства ПНР Межзаводской забастовочный комитет. Мы призывали и попрежнему призываем правительственного представителя приступить к этим переговорам. Отодвигать срок начала этих переговоров – это значит подрубать собственные корни. Мы были готовы приступить к переговорам уже в субботу 16 августа. МЗК является единственным гарантом удовлетворения требований рабочих Правительством ПНР" – Межзаводской забастовочный комитет". (*аплодисменты*)

■ Представителя Предприятия децентрализованного газоснабжения из Гдыни-Хилонии просят подойти к столу Президиума. /.../

22 августа

БОГДАН ЛИС: Я хотел бы поприветствовать делегации, прибывшие на сегодняшнее заседание, и для начала прочитать сообщение МЗК:

Сообщение Межзаводского забастовочного комитета

„Вновь прибывающие делегации коллективов бастующих предприятий будут регистрироваться и информироваться в регистрационном пункте. Делегация доставляет доверенность, в силу которой МЗК будет представлять ее интересы. По причинам организационного характера МЗК не может увеличивать число делегатов, обладающих правом входить на территорию Судоверфи и правом голоса. – Межзаводской забастовочный комитет".

В связи с не слишком большим числом мест в зале по сравнению с бастующими предприятиями и делегациями, которые мы должны были бы принять, МЗК был вынужден принять такое решение, поскольку мы не в состоянии организационно решить этот вопрос. Интересы тех предприятий, которые объявят о своей принадлежности к МЗК, МЗК будет представлять с того момента, когда он получит на это доверенность от предприятия. С такими делегациями кон-

такты будут поддерживаться через информационный пункт и связных, которые будут выносить информационные материалы к проходной.

Теперь я хотел бы насчет еще нескольких организационных вопросов, чтобы немного упорядочить ход сегодняшнего заседания, а именно – между членами Президиума разделены участки, которыми мы будем заниматься, а именно: вопросом горючего, вопросом репрессий и денежками, которые будут поступать от общественности, занимаются пани Валентинович, пани Кшивонос и пан Пшибыльский. Сведения о снабжении бастующих предприятий будет сообщать Судоремонтная верфь. В свою очередь, информационные материалы от прибывающих делегаций будут подготавливать пан Кобылиньский и пан Анджей Гвязда. Речь идет о материалах, которые будут доставляться сюда на стол президиума и зачитываться делегатам. Речь идет о том, чтобы вопросы несущественные, вопросы, которые можно решить через членов Президиума, которые будут иметь исключительно в своем ведении решение этих вопросов, не поднимались здесь на общем собрании, поскольку это затягивает дело и приводит к организационной неразберихе. Я хотел бы прочитать также Заявление Межзаводского забастовочного комитета, размещающегося на территории Гданьской судоверфи им. Ленина:

„Гданьск, 21 ноль восьмого 1980 года

Заявление Межзаводского забастовочного комитета, размещающегося на территории Гданьской судоверфи им. Ленина

В связи с усиливающейся лживой и провокационной пропагандой, ведущейся официальными органами, МЗК считает уместным заявить следующее: для трудящихся не являются неожиданностью недостойные методы психологической борьбы, ведущейся официальными органами, направленной на то, чтобы посеять смятение и ввести общественное мнение в заблуждение. Распространяемые листовки лживого и чуждого трудящимся содержания безоговорочно осуждаются во всех слоях общества. Всем известно, что умышленное

и свое истинное..." – нет, извините, здесь ошибка – „всем известно, что умышленно и с провокационной целью затягивается..." – нет, ага! – „что умышленно и с провокационной целью затягивается начало переговоров. Всем известно, что умышленно и с провокационной целью затягивается начало переговоров, благодаря чему власти еще раз обнажают свое истинное лицо. Рабочий класс и все трудящиеся никогда не обманули и никогда не обманут ожиданий. Сегодня они дают великолепное доказательство этого своей политической мудростью, дисциплиной и горячим стремлением к благу для всего народа. МЗК, представляя все предприятия, еще раз призывает власти приступить к переговорам с целью удовлетворения требований, обращенных к Правительственной комиссии и переданных в письменном виде восемнадцатого ноль восьмого тысяча девятьсот восьмидесятого года делегацией МЗК лично гданьскому воеводе проф. Ежи Колодзейскому. Только честный и ведущийся демократическим образом диалог может закончить забастовку. Только подчинение воле трудящихся масс путем удовлетворения выдвинутых этими массами требований может обеспечить нормальную жизнь в нашей стране. Бастующие производственные коллективы не подрывают единства польского народа, не действуют во вред польскому государству. Если власти желают в этом убедиться, то пусть придут к бастующим и ознакомятся с резолюциями МЗК, который их представляет. Правду нужно искать здесь, а не в здани Воеводского народного совета. Коллектив Гданьской судоверфи, на территории которой размещается МЗК, гарантирует правительственной делегации полную безопасность на своей территории во время переговоров. Аналогичные гарантии дает также МЗК". – Подписано: „Межзаводской забастовочный комитет". (*аплодисменты*)

Есть сообщение для газового завода. Все технические службы должны явиться к представителю газового завода!
Теперь так. Вчера ночью состоялось заседание Президиума МЗК, на котором были приняты решения о способе ведения

заседаний, о способе голосования. „Объявление..." Может я лучше прочитаю протокол:
„Объявление решения об окончании переговоров, голосования и результаты будет доведено до всеобщего сведения председателем МЗК гражданином Лешеком Валенсой. Голосование явное с письменным заявлением голосующих, подтверждаемое поднятием руки, то есть мы будем голосовать, вписывая на листках бумаги *да* или *нет* и подтверждая это позднее поднятием руки, кладя листок на стол. Все решения, за исключением окончательного голосования, будут приниматься большинством двух третей голосов". Теперь способ... „Президиум МЗК принимает решение о принятии очередных пунктов двадцати одного требования МЗК и об окончании забастовки большинством двух третей голосов. Лех Валенса как председатель имеет право одноразового вето в каждом случае. После заслушания его аргументов проводится повторное голосование, которое является окончательным при отношении голосов две трети. Решение приступить к голосованию, уже во время заседания, МЗК принимает единогласно. Результат голосования в Президиуме проходит каждый раз при большинстве минимум в две трети голосов. В противном случае проводится голосование в зале, после предварительного представления залу аргументов обеих сторон. Голосование зала является решающим, если результат голосования составляет две трети голосов. В случае меньшего количества голосов процедура голосования повторяется". Вот, что касается способа проведения голосования во время переговоров с Правительственной комиссией. Теперь мы хотели бы узнать, произошли ли какие-либо существенные изменения на предприятиях, потому что по всей вероятности уже вчера, а если нет, то сегодня, министры будут ездить по отдельным предприятиям и хотеть разговаривать с коллективами. Я хотел бы именно тут сказать, что те забастовочные комитеты, которые присоединились к МЗК, должны этих переговоров не вести и направлять правительственные делегации к компетентным органам, то есть к Межзаводскому забастовочному комитету. Такая должна

быть информация для министров, для Правительственных комиссий, которые будут приезжать на предприятия. И это следует также передать коллективам на работе. Есть ли какие-нибудь важные дела, которые имели место вчера, или, возможно, сегодня? Из того, что я знаю, то на одно предприятие, а именно на фабрику басонных изделий, Правительственная делегация объявила о своем приезде между 14.00 и 15.00 должны... должен министр на фабрику приехать.

ЛЕХ ВАЛЕНСА: В общем, все эти изменения, или там, может, улучшения мы проводим для того, чтобы здесь просто как-то организационно, значит, усовершенствовать. Факт, что мы ничего не знаем. 21 требование – это вопрос основной, и тут изменений нет. Это все только и исключительно вопросы, чтобы попросту усовершенствовать, а то мы видим, что мы тут рвем друг у друга микрофон и это самое... А это несерьезно выглядит. В связи с чем мы твердо постановили и будем этого держаться, чтобы все это красиво выглядело. Ведь... ведь вроде так получше будет, как мы предлагаем, а? (*аплодисменты*)

БОГДАН ЛИС: Уже дня три или четыре назад я читал листовку, разбрасываемую Воеводским комитетом Фронта Единства Народа в Гданьске, такого содержания: „Участникам забастовок не грозят никакие последствия, если они не совершили действий, несовместимых с законодательством ПНР". Как нам известно, ни эта листовка, ни заявление не подтверждаются фактами. Случаются репрессии как в отношении лиц, сотрудничающих, так и участвующих в забастовке. Имеют место факты, что задерживают машины скорой помощи, едущие с тяжело больными, с сиреной. Так что мы имеем следующее доказательство, каким образом наши власти обращаются с рабочими, обращаются с рабочим классом и всем обществом, каким образом стараются их поссорить. Так. Теперь я еще хотел бы призвать к порядку как в зале, так и вне зала по той причине, что мы тут сами должны убирать... и к тому же, разумеется, очень поздно.

Заседания заканчиваются в принципе где-то около десяти часов. Позже еще заседает Президиум, и чем больше беспорядок, тем больше усталость, больше работы.

ГОЛОС СБОКУ: (*неразборчиво*)

БОГДАН ЛИС: Ну, разумеется. И приедет кто-нибудь..., делегация Правительственной комиссии и увидит, что у нас беспорядок, некрасиво. А так /.../

„... ИЗ СООБЩЕНИЙ, КОТОРЫЕ ПОСТУПАЮТ..."

■ /Что-нибудь/ изменилось?

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: Лучше стало! Лучше!

■ Лучше? Слушаю... Отсюда вывод, что мы действительно представляем собой монолит.
Неизвестно, как там обстоит... ладно, а здесь?
Внимание, из сообщений, которые поступают, мы узнаем, что дирекции пытаются внести разброд, но это им не удается. Они выдвигают даже и распространяют среди рабочих списки требований, составленные ими самими. Не знаю, вероятно, в МЗК.

ГОЛОС СБОКУ: (...) у меня тут еще сообщение (...)

■ Есть кто-нибудь из воеводской потребкооперации? Воеводский потребительский кооператив „Сполем"?! Просьба к службам охраны порядка, чтобы они стали здесь возле президиума, а то...

У меня сообщение с нашего предприятия. Я делегат ОБМ /Предприятие коммунального строительства/ в Пруще Гданьском. Сегодня утром на заседании Забастовочного комитета была устроена... значит, просьба была такая, чтоб

устроить сбор денег в пользу фонда... значит, на МЗК и на протяжении буквально, ну четверти часа, мы собрали... Сейчас, я прочитать должен: 3150 злотых и 70 грошей (*аплодисменты*) Дальше я еще хочу сказать, что у нас были трудности с тем, как добраться, потому как милиция тут нас задержала при въезде на территорию... значит, на территории вот тут, подъезжая к Гданьской верфи, ну и высадили нас из машины, мы себе прошли, значит, а машину пришлось обратным путем к нам назад отправить. Вот и все, пожалуй. Спасибо. (*аплодисменты*)

■ Это от нас спасибо. Сбор денег все время продолжается, и в „Элморе" продолжается, не знаю, сколько там уже денежек. (...) во всяком случае ассигнована.
Воеводская потребкооперация „Сполем" должна была объявиться, здесь она?

Я из артели транспорта и перевозок. Тоже вот утром мы, значит, собрали у водителей 2031 злотый. Только и всего-то, потому как на леваках, на леваках они сейчас, ясное дело, заработать не могут, потому как не ездят, а они только это и имеют дополнительно. Ну, спасибо. (*аплодисменты*)

Уважаемые собравшиеся! Мы были вместе как раз на... вчера на таком заседа... встрече с председателем, с Кунцевичем. Это главный председатель всей вообще потребкооперации, делегат правительства. И знаете, что случилось? Противоположная реакция! Сразу после этого собрания поехал наш товарищ и... автоматически собрали на наш комитет деньги. Сумма – 3050 злотых! (*аплодисменты*)

Здравствуйте! Я с Предприятия эксплуатации строительной техники в Гданьске-Кокошках. Вчера наши работники через нас передали 4060 злотых. Сегодня те, кого вчера не было на смене, к нам присоединились и передают на Памятник жертвам Декабря 1970 года еще 2230 злотых, в том числе 500 злотых дали наши директора. (*аплодисменты*)

Я представляю Кооперативное предприятие сельского транспорта в Пруще Гданьском. В течение нескольких минут сбора денег, что мы утром провели, от коллектива, состоящего примерно из 70 человек, мы собрали взнос 4580 злотых. (*аплодисменты*) Одновременно я хотел упомянуть, что комитет, который в составе трех человек... в общем, мы к вам собирались. Перед выездом наш главный директор так сказал: „Пожалуйста, осторожнее, а то вас... а то можете домой не вернуться". Ну и часть из его слов исполнилась, потому что в Пруще Гданьском, проехав всего километра два, мы были задержаны милицией. Сообщу еще, что машина, которая нас задержала, стояла в боковой улице и специально ехала, пока нас не обогнала. Затем милиционеры забрали водителя к себе в машину. Позднее водитель вышел за машиной, так как... поскольку должен был забрать нас и себя в отделение. Ну, и тогда мы сели в такси, на стоянке, из Пруща Гданьского, боковой номер 25. И таксист привез нас бесплатно. Спасибо. (*бурные аплодисменты*)

■ Спасибо вам большое.

Здравствуйте! Я представляю „ПРИМ" в Жуково. Это довольно небольшое предприятие. На протяжении сегодня... Перед отъездом собрали... буквально в течение 15 минут мы собрали 5303 злотых и 20 грошей. (*аплодисменты*) То же самое у нас были трудности с тем, как добраться. Остановили нас, документы проверили. Машину мы вынуждены были оставить на стоянке возле „Гастронома". Так что все очень... У нас атмосфера просто великолепная. Мы несем круглосуточные дежурства, ну и вообще все о'кей. Мы — с вами. Спасибо. (*бурные аплодисменты*)

■ Спасибо.

Я представительница завода „Унимор".[16] Наш коллектив направил сегодня письмо, которое пошло в воеводский комитет партии, с обращением, чтоб воеводские власти при-

звали, чтобы убрали милиционеров, что торчат возле верфи! И я бы очень просила – (*смех, аплодисменты*) – делегации всех предприятий, чтобы сообщили своим на работе, чтоб они сделали то же самое. (*аплодисменты*)

■ Спасибо. Пожалуйста.

На цели Межзаводского забастовочного комитета ВПТ[17] собрало 4000 злотых и зонтик. Вот, будьте любезны! (*аплодисменты*)

■ Ну, теперь нам дождь не страшен, правда?
Есть кто-нибудь из „Вупервик"? ВПРВиК?[18]... Есть делегация из ВПРВиК? Им приехать не на чем, да? А ВПТСБ?[18]... Это оборудование какое-то, правда? Вроде так.
(...) предприятия теплоэнергетики. Вчера до нас дошли слухи, что наши машины рассылаются в трест. Сегодня мы устроили собрание и написали такое заявление, которое было передано директору. Может, я прочитаю:

„Заявление Заводского забастовочного комитета ОПТЭ[19] *в Гданьске*

В связи с трудной ситуацией в снабжении топливом мы обязываем гражданина директора не злоупотреблять нашим доверием путем отправки наших автомобилей для нужд, связанных с функционированием нашего предприятия. Всем известно, что ОПТЭ приступило к работе не прерывая забастовки, исходя из интересов населения. Мы не позволим, чтобы наши машины отправлялись в распоряжение вышестоящих организаций. В случае неудовлетворения наших требований заявляем, что наше предприятие полностью прекратит работу".
И теперь еще такой вопрос. Были мы сегодня у директора, директор не принял этого, то есть сказал, что он абсолютно с нами согласен, и что ни одна машина теперь не будет выезжать без нашего согласия. И тут речь идет еще о вопросе с топливом. Топливо в данный момент предназначено только для нас, в аварийных ситуациях. И еще такое было дело:

ночью кто-то позвонил, вроде... Не знаю откуда, из Комитета? Понятия не имею. Во всяком случае он сослался на директора и взял у нас один „Жук". До сих пор мы этот „Жук" найти не можем. Мы сказали об этом директору, он проверил это дело и заявил, что он абсолютно не давал такого распоряжения. Так что я считаю, что дирекция ничего не имеет против забастовки, только они об одном просили, чтобы мы, ну в общем, те работы, которые мы должны выполнять, чтоб были выполнены. Спасибо. (*аплодисменты*)

■ Спасибо.

Я с Воеводского предприятия водоснабжения сельского хозяйства. Мы бастуем, не прерывая работы... и поддерживаем все тут наши общие требования. Мы бастуем вместе с вами, но, ничего не поделаешь, вода для крестьян должна идти, люди все время на селе. Сейчас нас здесь на месте мало – всего только 10 человек, и сумму мы собрали скромную – всего только 880 злотых (*аплодисменты*), но я надеюсь, что еще поднаберется. (*аплодисменты*)

■ Спасибо. Пожалуйста, денежки.

Я с Гданьского предприятия телеэлектроники „Телком-Телмонт".[20] Забастовочный комитет нашего предприятия поручил мне выяснить два вопроса, которые были затронуты во вчерашней „Панораме". Первый – это вопрос насчет посещения журналиста с Гданьского телевидения, который был у нас на предприятии. Этот журналист был за несколько дней до забастовки, с целью согласования вопросов, связанных с интервью у нас на предприятии, касающегося введения новой формы расчетов. Вчера он оказался на территории предприятия и хотел говорить с коллективом. Забастовочный комитет не выразил согласия на его беседу, подвергнув сомнению правильность проведения интервью потом по телевидению. И неправда, то что этот журналист по телевидению заявил, что какие-то посторонние лица, пребывающие на

территории предприятия, не допустили его побеседовать с коллективом. Не допустил его к этим беседам с коллективом Забастовочный комитет, только и исключительно. И второй вопрос. В той же самой „Панораме" был разговор о судне, на котором есть корма, без которых не могут работать птицеводческие фермы. Забастовочный комитет поручил мне тут обратиться к Межзаводскому забастовочному комитету, как на самом деле обстоит с этим вопросом. Чтобы этот вопрос выяснить. Спасибо. (*аплодисменты*)

■ Значит, так, уважаемые собравшиеся, мы тут получили такой дорогой сувенир – образ Святого Отца[21]... снимок Святого Отца и... вот тут с надписью: „Достойному и отважному Межзаводскому забастовочному комитету, размещающемуся на территории Гданьской судоверфи, с горячими пожеланиями удовлетворения требований рабочих масс и силы и вдохновения Духа Святого, исполнения чаяний бастующих и щедрого благословения Божьего с обещанием постоянной духовной связи и горячей молитвы перед Господом преподносит ксендз (Хиларий...) прелат Его Святейшества Святого Отца". (*аплодисменты*)

ЛЕХ ВАЛЕНСА: В связи с тем, что у нас теперь есть такие красивые образки, у меня есть идея, чтоб вместо пропусков давать образки, это будет очень трудно подделать... (*аплодисменты*) И тот, кто будет сдавать, будет получать образок и дело будет ясное. (*аплодисменты*)

■ Против ГБ тоже есть свои способы. (*аплодисменты*) Внимание, есть ли еще какие-нибудь вопросы, которые должны быть тут подняты? Может, кому-нибудь нужна какая-то помощь? Ну, например: на территории предприятия что-то начинает идти не так. Нужно убедить кого-то, нужно кому-то что-то объяснить, потому что, например, постоянно вопросы, которые повторяются, не всегда выясняются надлежащим и исчерпывающим образом. Если, значит, есть такие вопросы, то мы просили бы направлять записки в

HSWB - F

Президиум, и мы будем стараться выяснить. Если же вопросы более серьезные, то есть нужно ехать на само предприятие, данное предприятие, то по мере возможности, если такие люди будут как раз свободны, то мы будем их посылать.

Прошу прощения. Я представляю Предприятие автомобильного транспорта /министерства/ связи. Предприятие автомобильного транспорта связи номер 4 в Гданьске, филиалы Гдыня – Эльблонг – Старогард. Тут только что представитель МЗК из ,,Элмора" сказал, что... если на территории предприятия есть какие-то трудности... или... некоторые коллективы могут не выдержать и так далее. Я тут был вчера в зале заседаний и записывал, записывал выступления на магнитофон, и эта вчерашняя запись должна убедить всех маловеров на предприятии. Выступление пана Лесьняка наверняка... и последствия убеждают всех, что мы наверняка выиграем, победим, до самого конца. Спасибо. (*аплодисменты*) Тут дело просто в том, что выступление пана Лесьняка привело к... такой сплоченности коллектива, такой решимости, что попросту вызвало противоположный результат, чем по всей вероятности имели власти .

ГОЛОС СБОКУ: (...) Ее зовут пани Станкевич. Преследует (...) не позволяет ей вообще выйти за территорию предприятия. (...)

■ ,,Забастовочный комитет Предприятий гидротехнических и строительных работ /министерства/ энергетики в Страшине и Транспортного предприятия энергетики в Быдгоще – отделение в Страшине – просит МЗК передать моральную поддержку коллективам тех предприятий, которые до настоящего момента полностью солидаризируются и поддерживают программу забастовки. – Делегаты Забастовочного комитета в Страшине". Предлагаю аплодисментами, громкими аплодисментами морально поддержать эти предприятия! (*аплодисменты*)

Я представитель „Центрозлома", а конкретно филиала в Гданьске – ППЛМ или Предприятия по переработке лома металлов. Сегодня, с самого утра у нас на предприятии я подробно представил вопросы и атмосферу, которая царит в зале. Я довольно красочно описал историю коллеги Лесьняка и зачитал заявление Союза Польских Писателей, филиал в Гданьске, что было встречено горячими аплодисментами всего коллектива – разумеется, это последнее, поскольку это первое – коллеги Лесьняка – только еще сплотило наш коллектив. Поэтому то, что я буду читать здесь в заголовке, я прошу рассматривать как одно целое. Вообще предприятие делится на работников физического и умственного труда, а у нас этого деления нету и я читаю: „Работники Предприятия переработки лома металлов в Гданьске передают в распоряжение Межзаводского забастовочного комитета сумму 4647 злотых". Спасибо. (*аплодисменты*)

Я хотел бы только внести поправку. Пан Лесьняк не является нашим коллегой, разумеется. (*аплодисменты*)

Я являюсь представителем „Энергоблока /Балтийское/ Побережье". Я являюсь представителем „Энерго...

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: Громче!

Я являюсь представителем „Энергоблока Побережье", размещающегося в Цисовой. Бастующий коллектив предприятия собрал для нужд МЗК сумму 4351 злотых 90 грошей. (*аплодисменты*)

■ Спасибо. Внимание, к делегации „Будимора" просьба подойти к выходу, ждут связные. „Будимор"!
„МЗК в Гданьске. По вопросу инициативы комиссии вице-премьера Ягельского. Беседы, ведущиеся министрами с представителями предприятий и учреждений, не имеющими на то полномочий бастующих коллективов, направлены на раскол рабочей солидарности и затягивают момент вступления в

переговоры представителя правительства ПНР с Гданьским МЗК на территории Гданьской судоверфи. Мы предлагаем, если представитель Правительственной комиссии появится на предприятии, то следует его принять и проинформировать, что у коллектива есть свои постоянные представители в МЗК, который является единственным органом для переговоров на основе 21 требования. Сообщить, что МЗК является единственной компетентной инстанцией для диалога и переговоров с представителями правительства ПНР, могущей принять решение о прекращении забастовки".
Одновременно сообщаем, что правительственная комиссия под председательством вице-премьера Барчиковского вчера, 21 сего месяца, приступила к переговорам с МЗК в Щецине по поводу их 36 требований и предложений. (*аплодисменты*)
Мы хотели еще передать для руководства бастующих коллективов. Коллективы бастующих предприятий и учреждений должны навести у себя образцовый порядок, чтобы предприятия после приступления к работе выглядели так, как на праздник. Мы надеемся, что вскоре приступим к переговорам с правительственной комиссией. (*аплодисменты*)
Представитель Воеводского транспортного предприятия в Тчеве! Просим сюда.

/.../ забастовочных комитетов, которые зарегистрированы, но еще не имеют пропусков. Мы просим... мы бы просили, чтобы пока пропуска не будут получены, делегаты не входили сюда в зал по тем соображениям, что здесь происходит все большая неразбериха. Делегаты входят, выходят, там очередь – понимаете ли – возле этого пункта выдачи пропусков.

/.../ и это не было напечатано в достаточном количестве, не все делегаты, быть может, слышали, не все получили... В связи с этим мы прочитаем этот призыв еще раз: „Гданьск, 21 августа 1980 г. нижеподписавшиеся члены Гданьского отделения Союза Польских Писателей и Кружка молодых литераторов при Гданьском отделении СПП собрались

с целью обсуждения ситуации, возникшей в Гданьске, на Гданьском взморье и в ряде городов вдоль побережья от Щецина до Эльблонга. Мы считаем своим гражданским долгом, усиленным моральной ответственностью писателя, представить общественности наши взгляды на способ поведения с целью предотвратить физический взрыв враждебности, с целью удержать стороны от применения каких-либо репрессий теперь и в будущем, с целью ускорения постепенного возвращения к жизни общества в нормальных условиях и решения его проблем. Ввиду того, что телефонная связь прервана и Гданьск отрезан от остальной части страны, мы не можем вступить в контакт с Центральным Правлением СПП в Варшаве, чтобы обменяться мнениями и побудить высшую инстанцию нашего Союза высказать свою позицию, тем сильнее мы ощущаем лежащий на нас долг выступить публично с призывом к спокойствию, порядку, отказу от применения силы или угрозы ее применения кем бы то ни было. С этим призывом мы обращаемся к Политическим Властям, к бастующим во главе с Межзаводским забастовочным комитетом, заседающим на территории Гданьской судоверфи, ко всему населению перечисленных выше территорий. Мы выражаем самую глубокую убежденность, что не следует злоупотреблять аргументами и ссылками на высшие государственные соображения при решении наболевших проблем страны, одновременно защищая при помощи подобных аргументов интересы тех, на ком лежит ответственность за теперешнюю ситуацию в Польше. Бастующие не выдвигают и – мы убеждены в этом – не будут выдвигать требований, угрожающих безопасности Польши – таких, как перемены в государственной системе недемократическими средствами, ослабление союза с Советским Союзом, снижение обороноспособности Варшавского договора.

Насущной необходимостью является проведение коренных реформ в государстве п у т е м б е з о п а с н о й и к о н т р о л и р у е м о й э в о л ю ц и и – а значит, начинающейся уже сегодня вместе с широким оповещением всей общественности и принятием вытекающих отсюда обязательств

относительно заслуживающих доверия средств, гарантирующих последовательное осуществление такой эволюции, когда минует опасность прямого конфликта. По нашему убеждению, таким средством является создание новых профессиональных союзов, занимающих независимое положение по отношению к партийно-государственным учреждениям, профсоюзов, руководящие органы которых будут выбираться работниками без какого-либо нажима со стороны этих учреждений. Таким средством является также обновление всей представительской системы во главе с Сеймом, заключающееся в установлении состава представительских органов путем подлинного выбора. Сюда же относится явная ответственность перед общественностью лиц, осуществляющих власть, за свои действия. Требование такой ответственности существенным образом обосновывается тем, что не была обнародована правда об обстоятельствах, которые привели к трагедии в декабре 1970 года, и о людях, которые тогда отдавали распоряжения.

В настоящий момент самым важным является то, чтобы власти приступили к конкретным переговорам с МЗК, в качестве выражения уважения к моральной ценности консолидации бастующих. Речь идет о том, чтобы как можно быстрее вернуться к нормальным условиям жизни и труда.

Во главу угла, как вопрос огромного значения и не терпящий оглагательств, следует выдвинуть два требования:

1. Аннулирование декрета об Управлении контроля печати, публикаций и зрелищ и замену его принятым Сеймом законом, ограничивающим цензуру до самых существенных элементов безопасности государства и его места в сложившейся международной системе.
2. Полное соблюдение права на публикацию всех писателей и неограниченной свободы передвижения по стране и выездов за границу.

Удовлетворение этих требований окажет оздоровляющее влияние как на политическую культуру общества, так и на

развитие художественного творчества, в том числе и нашего творчества, как писателей.
Преисполненные уважения к мужеству рабочих, мы обращаемся к самым широким кругам польской интеллигенции, к литераторам, к журналистам, на которых теперь лежит особенно важная обязанность добросовестного информирования общества, к творческим работникам, к людям науки и техники с призывом присоединиться к нашему выступлению.

Подписали: Лех Бондковский, Станислав Залуский /и др., всего 30 подписей/.

Теперь я прочитаю письмо из Гданьского университета:
„Гданьский университет, Гданьск, 22 августа 1980 года

В Правительственную Комиссию по рассмотрению требований рабочих коллективов Гданьского воеводства
Солидаризируясь с требованиями бастующих коллективов предприятий Гданьского побережья, работники Гданьского университета призывают правительственные и политические власти ПНР пойти навстречу требованиям трудящихся так далеко, как только это позволяют высшие государственные интересы польского государства. Со своей стороны требуем, чтобы интересы тех, кто не участвовал в забастовке, рассматривались наравне с интересами коллективов предприятий, из которых... которые забастовку объявили. – Работники Гданьского университета". Передано 22.08.1980 (*аплодисменты*)

Я хочу передать от епископа Гданьского выражение пастырской заботы обо всех тут присутствующих, о трудящихся, что здесь присутствуют, ну и заверения, что ксендз епископ будет стараться как можно лучше... обеспечить пастырскую опеку. А тем временем на задаток он тут присовокупляет образки, которые будут розданы всем участникам. Ну, разве что чего-то там не хватит. Я здесь, как работник Епископ-

ской Курии, и именно непосредственно с его слов это передаю. Спасибо. (*аплодисменты, многие делегаты подходят к столу президиума*)

■ Минуточку! Попрошу занять места! Передадим образки организованным и достойным образом. Прошу не раздавать! Занимаем места... У нас есть заверение, что будут доставлены еще сувениры от церкви, и все наверняка получат. Делегация ПТиАР[22] и „Зокоп-Юсталь" из Плоцка, стройка целлюлозно-бумажного комбината „Целлюлоза" в Квидзыне сообщает, что Квидзын целиком охвачен забастовкой с занятием предприятий. (*возгласы „Браво!", аплодисменты*) /.../

Мы из ЦТВ „Промор".[23] И в доказательство поддержки МЗК ЦТВ „Промор", что на улице Рокоссовского, передает сумму 10350 злотых. (*аплодисменты*)

■ Сердечно благодарим.
Тут есть представитель ВТП „Турус",[24] там сбоку стоит, к нему было какое-то дело. И еще просьба подойти сюда к представителям газового завода! Представитель газового завода!... Где представитель газового завода? Есть ли в зале представитель газового завода? Нету. Ладно, минутку. Как его зовут?

ХЕНРИКА КШИВОНОС: Вальдемар Янушкевич.

■ Вальдемара Янушкевича просят обратиться сюда, к столу президиума, к пани Кшивонос. /.../

„Уважаемые делегаты, судостроители, жители Гданьска, Гдыни и Сопота! В связи со все учащающимися фактами агрессии со стороны органов милиции обращаюсь к вам с призывом, чтобы вы направили письмо председателю Воеводского молочного кооператива в Гданьске-Вжеще на ул. Грюнвальдской, а также директору молочного завода в Гданьске-Мачьках на ул. Бартничей №1, с требованием

обратиться к воеводским властям с целью прекращения каких бы то ни было провокаций по отношению к работникам молочного завода, едущим на работу и возвращающимся домой. Сегодня, около 10.30, милицейский патруль задержал автомобиль марки „Ныса", везущий домой с работы работников молокозавода, а также делегацию Заводского забастовочного комитета. После проверки документов и переписи всех данных мы были под конвоем направлены на стоянку на ул. Жезьницкой, где у нас реквизировали автомобиль, объясняя это тем, что на территории Гданьска и прилегающих городов автомобили используются главным образом для антигосударственных целей. Все мы прекрасно осознаем, что мы здесь боремся только и исключительно за наше общее социально-экономическое благо, за наше общее будущее. Хочу отметить, что наш коллектив возмущен поведением милиции, особенно в такой трудный период. Мы все отдаем себе отчет, чем является молоко для детей, больниц, детских садов и яслей, для нас всех. Эта провокация была намеренной. Речь идет о том, чтобы ввести в заблуждение все общество, будто причина нарушений в доставке молока в дома и магазины лежит в забастовке большинства предприятий Побережья! Не верьте этому! Мы, как работники молочной промышленности, понимаем общественные потребности, особенно в такой трудный момент. Мы стараемся производить такое количество молока, чтобы хватило для всех. В теперешней ситуации наш коллектив работает с высокой производительностью, более высокой, чем когда бы то ни было. Мы производим на 10 тысяч литров молока больше. Мы заверяем вас, (*аплодисменты*) что с нашей стороны мы сделаем все, чтобы производство не было прервано. Это зависит только... теперь это зависит только от тех, кто пытается нарушить нормальный ход выпуска продукции, потребителями которой являетесь вы сами. Помните! Мы были, есть и будем вместе с вами". (*аплодисменты*)

От имени (...) в Гданьске-Оруня собрано 2720 злотых для МЗК. (*аплодисменты*)

■ Воеводское предприятие электрических и грузоподъемных работ в Гдыне, ул. Лужицкая 2 – в фонд МЗК 1470 злотых. (*аплодисменты*) И еще „Унитра-Унимор", Гданьский завод электронной аппаратуры, Гданьск, ул. Жезьницкая 54– 18324 злотых 30 грошей. (*аплодисменты*) В сумме около 50 тыс. зл. в фонд МЗК уже передал „Унимор".

Работники Окружного предприятия теплоэнергетики в Гданьске передают на питание для судостроителей сумму 3583 злотых и 40 грошей. (*аплодисменты*) Пожалуйста... (*передает деньги*) И еще я хотел сказать насчет того „Жука", который у нас пропал. Значит, один наш товарищ поехал, из Заводского забастовочного комитета, ну и нашел машину возле треста. В настоящий момент все машины находятся на территории базы и не выпускаются без нашего согласия. (*аплодисменты*)

Здравствуйте. Значит, так. Я являюсь представителем автотранспортной базы Гданьск-Олива. Мы подразделяемся на две группы: Гданьск-Олива – это грузовое отделение, и еще как вспомогательное это Гданьск-Вжещ, тоже грузовики. Значит, в данный момент я как раз возвращаюсь прямо с базы, потому как товарищ мой остался на территории верфи, а я поехал как связной на базу. В 14 часов мы собрались всем коллективом, потому что нам была оказана большая честь – мы имели удовольствие побеседовать с министром транспорта по вопросам зарплаты. Весь коллектив единогласно заявил... передал дирекции, что мы будем говорить только здесь, на верфи – (*возгласы „Браво!", аплодисменты*) – в знак солидарности. Немножко трудновато было, потому что действительно дороги везде заблокированы, разве что тут такая ситуация, что я с сорок пятого года живу здесь в Гданьске и каждую дыру в заборах знаю. Ну и... (*аплодисменты*) Тут уже речь даже не обо мне шла, а об общественных деньгах. Значит, добрался я с этими деньгами – коллеги за проходной ждут и слушают. Значит, сумма это небольшая, потому что времени было немного,

всего-то там полтора-два часа. Но есть – 10718 злотых и 80 гр. (*аплодисменты*) Будьте любезны. (*вручает деньги*) Минутку, тут еще одно дело – самое важное. Конверт запечатан. Выходя уже, какая-то пани из Варшавы, по всей вероятности коллеги сестра какая-нибудь из Варшавы, велела добавить еще 100 злотых, от варшавян. (*аплодисменты*) Будьте любезны.

Другие трудности у нас с передвижением в кампании по перевозке урожая. Значит – несмотря на то, что ездим ли мы со специальными знаками, с табличками „зерно", или нет – вопрос отстается (открытым). Во всяком случае общество там стоит возле проходной и знает, что может рассчитывать на коллектив автотранспортной базы в Оливе, что мы должны возить зерно и будем его возить. Снабжение города – это наше дело, а государственный автотранспорт – это фирма по обслуживанию населения. Если у нас будет распоряжение Забастовочного комитета – мы присоединяемся к вам и будем с вами! Всегда на нас рассчитывайте! Спасибо. (*аплодисменты*)

Я представитель Предприятия морских услуг „Порт-Сервис" Гданьск-Гдыня. Сегодня на собрании Забастовочного комитета с частью коллектива – я уже как-то говорил, что у нас трудно собрать всех людей целиком, потому что наши отделения разбросаны по всем портам и верфям – значит, на собрании Забастовочного комитета предприятия, а также и всех, кто был на территории дирекции, мы устроили складчину на строительство памятника Жертвам Декабря 1970 года и совместно с дирекцией, от них около 20 человек было, собрали 2350 злотых, которые я сейчас и передаю. Сбор денег среди рабочих продолжается, и как будут деньги поступать, мы их автоматически будем передавать сюда. (*аплодисменты*)

Я вчера информировал о проблемах, связанных с доставкой питьевой воды, с перевозкой яиц со складов для нужд магазинов в Гданьске, и еще вопрос с переброской горючего. Все эти вопросы решены – яйца сегодня целый день

рассылаются в магазины с наших складов. Большое спасибо. (*аплодисменты*) Чуть еще об одном деле не забыл. Нам предложили сегодня переговоры с замминистра морского хозяйства... торговли и морского хозяйства. Мы ответили, что, давая полномочия Межзаводскому забастовочному комитету, мы высказались за этот Комитет, чтоб стоять за него и в горести и в радости – до самого конца. Спасибо. (*аплодисменты*)

В связи с возникшей на территории Гданьска и прилегающих городов социально-экономической ситуацией работники Гданьского ГЖК[25] заявляют следующее: „Работники кооператива солидаризируются с коллективами предприятий, которые объявили забастовку, добиваясь улучшения бытовых условий и условий труда. Выражая свою солидарность, они поддерживают требования бастующих коллективов, представляемых Международным... Межзаводским забастовочным комитетом, размещающимся на территории Гданьской судоверфи им. Ленина, однако с той оговоркой, что содержащиеся в пункте 1 требования определяют следующим образом: „Требуем признания независимых от административных и политических органов профессиональных союзов, в полной мере представляющих интересы трудящихся. Наши требования и пожелания не имеют ничего общего с политическими требованиями, и нам чужды организации типа КОР и /Движения/ Молодой Польши. Мы хотим и поддерживаем социалистический строй". В пункте 4 требований Межзаводского забастовочного комитета мы несогласны с формулировкой: „Освободить всех политических заключенных и прекратить преследования за убеждения Эдмунда Задрожиньского, Яна Козловского и Марка Козловского" – по той причине, что мы не знаем перечисленных выше лиц и причин их осуждения. Мы считаем, однако, что должны быть даны публичные объяснения – причины и мотивы их осуждения – для выработки собственного мнения по данному вопросу. По отношению к остальным 19 пунктам мы поддерживаем их в полной формулировке. (*тишина*)

Затем приведен довольно длинный список требований, скорее внутренних пожеланий Гданьского жилищного кооператива, с целью более лучшего выполнения... их работы, так что я полностью читать не буду.

/Я являюсь представителем/ трех небольших предприятий с ул. Рувной, то есть „Рольбета".[26] Я хотел бы вам сообщить о том, собственно, что после моего первого выезда отсюда мы устроили собрание и что мы обсуждали вопрос профсоюзов. И, значит, единогласно, 100% бастующих, то есть группа около 80 человек вышла из теперешних профсоюзов. И машинистки уже готовят официальный документ по всей форме. Я тут буду с копией через пару часов, то есть с оригина... Я прошу прощения: оригинал пойдет к директору, а копия к вечеру здесь будет. И второе сообщение: заместитель директора нашего предприятия, член ПОРП, фамилии называть не буду, с 12 часов – вместе с нами. (*аплодисменты*)

■ /.../ поступил дар от коллектива проектирования... Института проектирования и инвестиционных услуг „Инвестпроект" в Сопоте в сумме 8700 злотых в забастовочный фонд, собранные 22.08.80 на собрании всего коллектива. Кроме этого, там еще есть сумма 1800 злотых. Я не очень даже знаю от кого, потому что эта сумма была передана на проходной. Большое спасибо. (*аплодисменты*) А также на проходной №2 была передана сумма 2300 злотых от иностранных корреспондентов. (*аплодисменты*)

„ЗДЕСЬ СТОИТ СТОЛ – И СЮДА ПУСТЬ ПРИХОДЯТ!"

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Я хотел бы высказаться по нескольким вопросам. Если кто-нибудь внимательно наблюдает за ходом событий, то он должен некоторые факты заметить – и я их замечаю. Я раздумывал, затронуть их, или не затронуть, но пришел к выводу, что все-таки следует затронуть. Во-первых: в самом начале нам подбросили крючок – и это был

крючок, на который мы попались, да! тут нас удалось поймать – КОР, Движение Молодой Польши, политическая оппозиция. Это был клинышек, очень удачный клинышек. Потому что было известно, что именно эти организации, хотя их среди нас и нет, но они существуют – передают все и делают дело. И теперь: в результате этого, в результате даже вот такого письма из домоуправления или откуда там, результат такой, что власти позволили себе практически парализовать всех этих людей. Разве мы их осуждаем? Они же для нас все это делают!

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА: Нет, нет.

ЛЕХ ВАЛЕНСА: И поэтому я официально заявляю, что если власти не перестанут арестовывать деятелей КОРа и других общественно-политических организаций, не будет переговоров НИКАКИХ. (*возгласы „Браво!", аплодисменты*) Морочили нас, морочат и все дальше морочить хотят! Мы тут их больше недели ждем, а они, понимаешь, спекуляциями занимаются! Здесь стоит стол – и сюда пусть приходят! Не дай Бог, у нас терпение лопнет! А то мы им покажем, как дела делаются! Всю дорогу только крови от нас хотят! И поэтому я предупреждаю власти – пусть задумаются. Кончились игрушки! Спекулируют (...) уже меня не хотят выпустить даже, потому что я держусь одной линии и своего добьюсь. Но нам – нам нельзя нервничать и горячиться. Это все факты – и такие факты мы наблюдаем. (*аплодисменты*) Поэтому я еще раз заявляю: не может быть никаких арестов и задержаний людей, которые в общей сложности нами не руководят, потому что мы сами собой руководим, но помогают нам и помогали еще до (...) немножко раньше протерли глаза некоторым – про историю и про то, что нам, собственно, полагается. (*аплодисменты*) Такое же дело еще и в другом случае. Люди, которые тут с „Электромонтажа", и с верфи и с других... разносили наши как раз эти самые газеты, так то же самое: около 20 человек сидит под арестом. И поэтому я обращаюсь к властям: я хочу их здесь видеть!

Потому что мы вправду не... потому что мы вообще не будем с вами разговаривать, раз вы будете такие методы применять! Это не методы! Это не выход! (*аплодисменты*)

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: /*неразборчиво*/

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Да, это исключительные случаи, и поэтому именно... Но вернемся на землю. Я хотел бы... потому что есть такие вопросы: ну ладно, ну пусть свободные профсоюзы – а я знаю, как это сделать? Тут, понимаете ли, факт в том, что... Опять-таки те, кто наблюдает последние годы, должны заметить, что Свободные Профсоюзы – как таковые, существуют уже почти два года. Факт и то, что у них нет еще своих уставов. Но именно это как раз и очень хорошо, что нету, потому что уставы это МЫ должны разработать. МЫ должны делать все так, чтобы они нам подходили. И поэтому тоже все решения... технические решения – будут решаться, потому что мы это знаем. Я тоже являюсь деятелем Свободных Профсоюзов и поэтому именно, благодаря им нахожусь здесь и веду все эти дела. Потому что если б их не было – я не говорю, что незаменимых нет. Есть. Но мы уже немножечко раньше знали эти дела и потому все Свободные Профсоюзы Побережья сейчас с вами. Они здесь и делают свое дело. А где сейчас организованные профсоюзы? Где пленумы, где завкомы и месткомы? Они вас бросили! А мы вас одних не оставили. Мы здесь с вами и будем с вами. А уставы мы разработаем по отраслям, в соответствующих группах, и разработаем их так, чтоб они нам подходили и чтоб мы ими были довольны. И все это мы хорошо знаем. Попросим экспертов, они нам помогут. И сделаем это быстро, очень быстро – так что об этом не волнуйтесь и так этот вопрос и объясняйте. Пусть нам дадут свободу. Пусть нам дадут право объединяться в организации. Когда у нас будет это право, то мы уж все сделаем, но перво-наперво, прежде всего – право. Спасибо. (*аплодисменты*)

„ВАША ВЕРА – ЭТО НАША ВЕРА"

Я представитель производственно-ремонтного предприятия механизации сельского хозяйства. Как известно, наше предприятие подчиняется министру сельского хозяйства. Директор сегодня, еще утром, устраивал нам консультации, вроде бы встречу, с министром сельского хозяйства. Я туда поехал, как раз, может быть, в самое время, и коллеги наверняка бы то же самое без меня сделали, которые входят в Забастовочный комитет. И мы попросту не желали, чтоб министр к нам приехал и, чего доброго, испортил бы такую приятную атмосферу, какая у нас на предприятии. И поэтому мы направили на имя... отдали лично директору, чтобы директор именно и был бы нашим посредником в этом деле и дал бы министру такую нашу резолюцию:
„Министру сельского хозяйства! Коллектив производственно-ремонтного предприятия механизации сельского хозяйства информирует, что всяческие переговоры между Правительственной комиссией с представителями нашего предприятия могут состояться только и исключительно в присутствии Межзаводского забастовочного комитета, размещающегося в Гданьской судоверфи им. Ленина, ул. Доки. Однако мы охотно проведем любые переговоры после переговоров Правительственной комиссии с Межзаводским забастовочным комитетом в Гданьской судоверфи им. Ленина". И подпись такая: „Забастовочный комитет предприятия вместе с коллективом". Для сведения копии получили: министр сельского хозяйства, наш директор, воеводский комитет /партии/ и наш трест. Спасибо. (*аплодисменты*)

Работники электроцеха Северной судоверфи передают 4130 злотых плюс 5 центов на памятник Жертвам 1970 года. (*аплодисменты*)

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Говорю я тихо, потому что голос сел, но это письмо хотел бы прочитать. Оно адресовано: „Дорогие! Простыми, обыкновенными словами мы хотим поблагода-

рить вас за вашу стойкость и беспримерное мужество. Весь мир уже знает, что рабочие в Польше борются за достойные человеческие условия. Мы с вами всем сердцем, всей душой. Мы за вас молимся и вас не покинем. Мы стараемся, чтобы правду о вашем героизме передать по всей стране. Уже сейчас ваши листовки и требования" – которые развозят как раз КОРовцы и движение Молодой Польши – „читают люди в Кракове, Варшаве и Силезии. Как только можём, мы вам помогаем и будем делать это столько, сколько потребуется. Будьте уверенными! Трудящийся народ – с вами! Будьте сильными! Ваша вера – это наша вера". (*аплодисменты*)

ЛЕХ БОНДКОВСКИЙ: Председатель месткома в Археологическом музее в Гданьске пани Барбара Вензек. Прошу вас. (*аплодисменты*)

Мне доставляет огромное удовольствие поприветствовать делегатов судоверфи. Свою кампанию солидарности мы объявляем довольно поздно, но, к сожалению, мы только сейчас закончили раскопки. Все это время мы были с вами. Прорвать работу мы, к сожалению, не можем, потому что такой ее характер, и это наш долг, чтобы беречь все коллекции, все памятники старины, потому что они принадлежат стране. Во всяком случае сегодня, 22 августа, на собрании Профессионального союза работников культуры и искусства, созванном по желанию работников месткомом Археологического музея в Гданьске, было заявлено о солидарности с социально-экономическими требованиями, выдвинутыми Межзаводским забастовочным комитетом. Нашу резолюцию мы подкрепили скромной суммой 2000 злотых, но учреждение у нас маленькое. От всего сердца желаем всяческих успехов. (*аплодисменты*)

■ Так, а вот еще один конверт. Анонимный, на адрес Межзаводского забастовочного комитета в Гданьске – сумма 1000 злотых. (*аплодисменты*) Внимание! Есть ли в зале пан Козятек Юзеф?

HS WB - G

Если да, то просьба подойти к столу президиума. Из „Элмора". Нет? А, тогда извините, с Гданьской судоверфи.

ЛЕХ ВАЛЕНСА: „В Забастовочный комитет на территории Гданьской судоверфи. Дорогие судостроители! Мы все вас поддерживаем и помогаем. Мы преисполнены восхищения и исключительной..." А... нет, не сумею. Почерк не очень-то... Очень красивый, но... Может, вы возьмете, а то у меня не очень-то получается.

■ Внимание! На адрес Межзаводского забастовочного комитета на территории Гданьской судоверфи: „Дорогие судостроители и все, вас поддерживающие и помогающие. Мы преисполнены восхищения и исключительной признательности за вашу смелость, выдержанность и зрелость, а также терпеливость. Все ваши требования мы поддерживаем и подписываемся под ними во всей полноте. Мы бы еще добавили требование восстановить отмененные государством церковные праздники. Мы повседневно с вами, повседневно, в домах наших... соединяясь духовно в молитве, участвуя в богослужении с молебном за ваше благополучие, а также принимая за вас Святое Причастие. Будьте спокойны – справедливость должна победить. С вами Бог. Не забывайте о Нем ни на минуту. – Жители Сопота, микрорайоны Бродвиново, Пшилесье и Каменный Поток. P. S. На нужды МЗК прилагаем 1000 злотых. Сопот, 22.08.80". (*аплодисменты*)
Я прошу прощения. Это как раз и были те самые 1000 злотых, что я читал как анонимный дар. Значит, по всей вероятности... она прилагалась к этому письму.

Я из... Здравствуйте! Я из артели „Повисьле" в Квидзыне. Правда, что поздно, но мы все тоже, весь коллектив, а всего нас около 200 человек, мы тоже присоединяемся и поддерживаем все выдвигаемые требова... выдвигаемые вами требования. (*аплодисменты*) Прошу прощения, я не оратор, и потому прошу меня извинить.

Добрый день! Я хотел бы поприветствовать всех судостроителей. Я из Эльблонга, из Межзаводской забастовочной комиссии, в состав которой входят теперь 19 предприятий, в том числе, даже уже на сегодняшний день, входит и „Замех". Я хотел сказать только, что я являюсь представителем домостроительного комбината, который ведет забастовку на территории предприятия с этого понедельника. Спасибо. (*аплодисменты*) Еще раз хочу всех поприветствовать. Большое спасибо. (*аплодисменты*)

Здравствуйте. Выражая свою поддержку Забастовочному комитету, мы обращаемся с просьбой представлять нас и наши требования во время встречи с представителями правительства. Всем известно, что мы не можем присоединиться к забастовке из гуманитарных соображений, но мы от всего сердца солидарны с вами, поскольку ваши требования – это наше общее дело. Значит, я говорю от имени очень небольшой группы из Отдела лабораторной диагностики при Воеводском комплексе инфекционных заболеваний, но от имени всех работников передаю в распоряжение Межзаводского забастовочного комитета 2800 злотых и 1 доллар на счастье. (*аплодисменты*)

Воеводская потребкооперация „Сполем", отделение хлебопекарного производства. Ну, мы, значит, трудимся, доставляем хлеб населению. Пекарни работать не перестали. Я тем доволен, что милиции бензина не дают. Но решение тоже есть – они могут так сделать, чтоб их дружинники и стукачи возили. Потому как у нас имело такое место: одна работница, что сюда приходила, ну и кто-то донес дирекции. В дирекции ее пугали и извлекли... что извлекут соответствующие выводы, и чтоб она, значит, отделилась, чтоб сюда больше не приходила, но я с ней разговаривал и, значит, она будет с нами и нас не оставит. Тут меня одно слово беспокоит: некоторые говорят, что это новые профсоюзы, а я так считаю, что это слово не должно иначе звучать, как свободные профессиональные союзы, и никакого другого назва-

ния я тут не вижу. Я так считаю – чтоб те, что будут выбраны в свободные профсоюзы, были новые люди и чтоб у них разум был здоровый и трезвый, а то у тех, что сейчас, разум такой, что все равно как болезнь какая заразная. Таких мы допустить не можем. Спасибо. (*аплодисменты*)

Я делегат строительного комбината в Гдыне. Отделение в Вейхерово. Мы ведем забастовку с занятием предприятия. Коллектив солидаризируется с МЗК. С сегодняшнего дня к нам присоединилось руководство стройки. Это нам придало бодрости. Мы стремимся к общей цели, ждем победы. „В Забастовочный комитет строительства больницы в Вейхерово. Мы, нижеподписавшиеся, присоединяемся к забастовке на территории стройки и поддерживаем МЗК. Начальник стройки Зигфрид Филипяк, заместитель начальника стройки Хуберт Оссовский, старший мастер стройки Стефан Кужик, мастер стройки Лидия Страсиньска, начальник склада стройки Марианна Вейер". Спасибо. (*аплодисменты*)

(...) Старогардское шоссе, 20. К забастовке мы приступили уже позавчера. Мы сюда принесли свои требования. Сегодня я доставил новый документ, потому что Забастовочный комитет сформировался, так сказать, на скорую руку, на второй смене, а учреждение у нас небольшое, и сотрудников было немного. В связи с этим на собрании в присутствии всех сотрудников, а также директора, который как раз в этот день вернулся из отпуска, мы составили документ с одной поправкой. В первом документе был пункт, требующий, чтобы теперешний директор ушел в отставку со своей должности. Однако он наше выступление принял так, в общем... очень культурно и спокойно, и прежде всего присоединился к нам, так что требование насчет этой замены перестало быть актуальным. Наше учреждение насчитывает около 80 человек, это интернат для детей с психическими заболеваниями и инвалидов. Сегодня работники этого интерната, которые солидаризируются с МЗК, передают в фонд МЗК сумму 712 злотых 10 грошей. (*аплодисменты*)

Работники заявили также, что в знак солидарности с требованием МЗК о создании свободных профсоюзов они отказываются от членства в прежнем профсоюзе работников службы здравоохранения. (*аплодисменты*) Расформировался также прежний местный комитет, а его функции в случае явной необходимости принял на себя Забастовочный комитет. Мы с вами. (*аплодисменты*)

■ Если в зале находится делегат ВПКиВР, просьба обратиться к столику, где находится делегат ОПТЭ. Делегат ВПКиВР, обратитесь к делегату ОПТЭ. Делегат Гданьской перевозочно-экспедиционной артели хочет встретиться с делегатом ВПТиОКС.[27] Повторяю: Гданьская перевозочно-экспедиционная артель хочет вступить в контакт с ВПТиОКС.
Переданы деньги, но на конверте не обозначена сумма. Мне придется сосчитать – 760 злотых. Отправитель: „Вы – с народом, с вами – наши сердца. Строители тоже выстоят до конца". (*аплодисменты*)
Если в зале находится делегат предприятия (Вадлово), просьба обратиться к делегату „Климора".
Только что к нам присоединились работники еще одного предприятия. Передаю микрофон.

Наш коллектив уже раньше присоединился к МЗК, а сейчас мы только представляем такой документ: „*Полномочие*. – Сотрудники Проектно-технологического бюро морских судоремонтных верфей „Прорем", Гданьск, ул. Гевелия 11, через посредство своих доверенных лиц и избранный из их числа Комитет Солидарности с МЗК на территории Гданьской судоверфи, уполномачивают Межзаводской забастовочный комитет представлять интересы коллектива „Прорем" перед любым заинтересованным учреждением или лицом таким образом, как сочтет нужным Межзаводской забастовочный комитет. – От имени сотрудников „Прорем": Комитет Солидарности с МЗК". (*аплодисменты*)
Я хотел бы добавить еще одну, по-моему, интересную вещь, которая у нас сегодня произошла, а именно: сегодня партий-

ная организация „Прорема" в письме в Воеводский комитет просила передать Центральному Комитету /партии/ единственное предложение коллектива (она так это называет) „Прорема". Это предложение гласит: „Начать с Межзаводским забастовочным комитетом в Гданьске переговоры на основе 21 пункта". (*аплодисменты*)

■ /.../ от цеха „К-3" Гданьской судоверфи передаю для МЗК 600 злотых. Благодарим. (*аплодисменты*)

/.../ Я хотел добавить, что работники Института хирургии Медицинской академии в Гданьске, солидаризирующиеся с МЗК, передают в его пользу сумму 1400 злотых. (*аплодисменты*)

■ Браво. Большое спасибо.

Работники Жилищного кооператива учителей в Сопоте поддерживают и солидаризируются с Межзаводским забастовочным комитетом при Гданьской судоверфи в его справедливых требованиях. Мы вместе с вами в справедливой борьбе за благо всей страны. Переданные взносы вручаем в количестве 3600 злотых.

■ К нам поступило индивидуальное требование из-за проходной более или менее следующего содержания. Я извиняюсь, потому что это довольно неразборчиво написано: „Я являюсь представителем Союза польских учителей, выдвигаю требования. Во-первых – мы хотим свободного профессионального Союза польских учителей. Во-вторых – упорядочение заработной платы. В-третьих – ввести преподавание религии в школах различного типа. В-четвертых– поддерживаем забастовку судостроителей и портовиков во всей Польше". (*аплодисменты*)

Уважаемые собравшиеся, я являюсь делегатом от Воеводского предприятия автобусного транспорта из Гдыни. До

этого времени я не мог до вас добраться, потому что перекрыты все – ну просто все – проезжие дороги. Сейчас вся Судоверфь окружена и пусть... в общем, я бы не советовал выезжать на машине. Все машины проверяют. Это в скобках. В настоящий момент, значит, к нам... Гостиница „Балтика" вносит в пользу МЗК 1150 злотых. Передаем. (*аплодисменты*) Само собой, гостиница из Гдыни.

Да, и конечно, у всех документы проверяют. Это я насчет проверки машин. И от жителя Гдыни еще 1000 злотых, тоже для МЗК. (*аплодисменты*) Кроме этого, на собрании всего коллектива, которое состоялось /.../

/.../ требованиями МЗК. Выражением этого является денежная сумма, переданная на питание для членов бастующих коллективов на Гданьской судоверфи. С приветом – работники предприятия". Всего 47 подписей. (*аплодисменты*)

„К БРАТЬЯМ СУДОСТРОИТЕЛЯМ!"

ЛЕХ ВАЛЕНСА: У нас тут гость из ГДР как будто, который передает нам в дар... Сколько? Я в этих деньгах не разбираюсь, но это вроде бы 50, 50, 100, 200 марок. Спасибо. (*аплодисменты*)

Я могу сам, да?

■ Пожалуйста...

Позвольте, пожалуйста, я только прочитаю то, с чем я к вам приехал:

„К братьям судостроителям!

Преисполненные восхищения и одобрения вашей стойкостью, достойной сынов польского народа, передаем вам братский привет и выражения солирадности с вашими требованиями, которые являются требованиями всего польского народа. Стремясь поддержать вас в трудной ситуации, пере-

даем сумму 175 тысяч злотых, собранную среди коллективов предприятий Свидницы. Одновре..." (*продолжительная овация, крики: „Браво!"*) Благодарю от имени моих коллег, от имени просто всех нас из Нижней Силезии. „Одновременно заявляем, что если центральные власти по-прежнему будут игнорировать ваши требования, мы приступим к забастовке солидарности. Призываем..." (*аплодисменты*)

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА: В единстве – сила! Чего вы ждете?

„Призываем коллективы предприятий Нижней Силезии организовывать Комитеты Солидарности с рабочими Балтийского Побережья. – Комитет Солидарности с МЗК Побережья – Свидница, 20 августа 1980 год". (*аплодисменты*)

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Столько денег в жизни в руках не держал. Сто семьдесят. (*аплодисменты*)

■ Сто семьдесят и еще пять. Дорогие вы наши! (*аплодисменты, собравшиеся поют /заздравную/ песню „Сто лят!"*)

Дорогие мои, я действительно растроган, и на самом деле эти „Сто лят!" это вам должна вся Польша петь, и я желаю, чтобы вся Польша, солидарно, вместе, то, что я чувствую, потому что мы все чувствуем одинаково, чтобы у нас у всех нашлась смелость высказаться и поддержать вас. Этого я вам от всей души желаю. И еще раз спасибо, от имени, в общем, всех, кого я здесь представляю. (*аплодисменты*)

■ Благодарим от всей души. Благодарим как нельзя горячее. Мы ведь все желаем успехов и благосостояния для всего народа. Дорогие мои, как это приятно, и еще раз сердечно благодарим, и пусть расцветает наша Силезия! Дорогие, это еще не конец. У нас ведь здесь есть еще один коллега, у которого для нас деньги. Сами видите, нам не дадут пропасть, умереть нам не дадут. Мы должны жить и бороться за общее благо для всей Польши! Дорогие мои! (*продолжительные аплодисменты*)

Я являюсь делегатом гданьского „Польмозбыта", всего гданьского „Польмозбыта".[28] Эльблонгский „Польмозбыт", как известно, тоже стоит, но денежек из Эльблонга мы еще не принесли. В гданьском „Польмозбыте" в течение 4 часов сегодняшнего дня мы собрали 12 тысяч 783 злотых и 10 грошей, а заведующий социальным отделом, когда конверт был уже запечатан, добавил нам еще пятьдесят. (*аплодисменты*) Значит, эти деньги передаются в знак солидарности. Как всем известно, наш Забастовочный комитет предприятия поехал к министру машиностроения и представил ему наши экономические требования коллектива. И, значит, все экономические требования пан министр обещал (...) удовлетворить. У меня есть документ, копия, значит, со всеми подписями, только вот сейчас я ее оставил в Забастовочном комитете там у нас. Я это привезу и вручу нашему Межзаводскому забастовочному комитету. Мы будем бороться и выстоим до конца. Мы вместе с (судостроителями и все предприятия...) Мы не позволим сломить себя тем преследователям, которые только и хотят нас разделить, прервать контакт тут, с Судоверфью. Мы стараемся приехать во что бы то ни было. Машину где-нибудь во дворе оставляешь и идешь себе пешком, правда? Я с этими деньгами шел и говорю себе – ну ведь деньги-то не заберут, права у них такого нету. Ну, как-то, в общем, удалось принести. Это все. Спасибо. (*аплодисменты*)

■ Есть очень срочное сообщение. Водитель „Нысы" Транспортной артели сельскохозяйственного строительства в Пруще Гданьском №GdK 226 В срочно приглашается в Президиум.

Я являюсь представителем коллектива Медицинской Академии в Гданьске и прочту вам письмо в Межзаводской забастовочный комитет, выражающее мнение коллектива Медицинской Академии и Государственных клинических больниц, следующего содержания:
„Местный комитет профессионального союза работников

службы здравоохранения Медицинской Академии, солидаризируясь с вами, от имени работников клинических больниц обратился к Правительственной Комиссии с призывом начать переговоры с МЗК. Руководствуясь гуманитарными соображениями, наши работники продолжают непрерывно трудиться, выполняя свой долг перед населением Побережья. Одновременно мы обращаемся к вам с горячим призывом использовать все возможности для скорейшего урегулирования трудной ситуации". Подписал: „Председатель местного комитета, д-р Анджей Райваш". (*аплодисменты*)

Я являюсь (...) Центра обработки данных, принадлежащих к ведомству почт и связи. Мы с вами уже со вчерашнего дня, с той разницей, что сегодня мы принесли деньги. Коллектив у нас довольно скромный по размерам, к сожалению – всего 60 человек – и, как все знают, зарплата на почте тоже очень скромная, так что и сумма скромная: 1862 злотых. (*аплодисменты*)

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: Откуда вы, а то мы не расслышали?

Центр электронной обработки данных при Управлении почт и связи. Я хотел бы еще сказать, что душой и телом мы с вами, поддерживаем ваши справедливые требования, но мы хотели бы к ним добавить и наши скромные, ведомственные, которые тоже очень нужны. Спасибо. (*аплодисменты*)

Мы тут как раз только что вернулись из тюрьмы на /ул./ Бялой. Нас там держали в течение 48 часов. Два дня назад мы ехали отсюда на машине в типографию на верфи /им./ Парижской Коммуны, за листовками. Нас схватили где-то более или менее на уровне Вжеща. Просто дорогу загородили. В машине было 5 человек, одному удалось сбежать, но зато как раз Петру Щудловскому, Анджею Мадейовичу, Мачею Будкевичу, брат которого в Забастовочном комитете на верфи, и кроме того, мне – я представляюсь: Анджей Сломиньский – так вот, нас задержали, пытались нас до-

просить, но мы все отказались давать показания, а потом нас заперли в камеру на 48 часов. С первого же часа Петр Щудловский и я начали голодовку, которая продолжалась до самого выхода. Ну и в настоящий момент нас оттуда выпустили. (*аплодисменты*)

Я хотел сказать, что мы очень рады, что этот наш действительно скромный взнос, что вот мы так потерпели, что мы смогли как-то поспособствовать нашему общему делу. Я хотел также сказать, что во время всех этих 48 часов одной из самых наших больших забот была именно судьба Верфи и всех бастующих предприятий. (*аплодисменты*) В самой тюрьме с нами обращались – дело в том, что тут был такой вопрос, – очень хорошо, но зато перед самой посадкой как раз меня не избили, только куртку порвали, а вот как раз двух моих товарищей – Петра Щудловского и Мачея Будкевича – избили. Наша голодовка, что мы начали в камере, она была в знак солидарности со всеми забастовками, которые в настоящее время продолжаются. (*аплодисменты*)

Я хотел бы всех очень поблагодарить за такой теплый прием, который нас встретил после возвращения из КПЗ на Бялой. Кроме того, я хотел бы добавить, что все товарищи солидарно отказались давать показания в отделении, что я считаю за какую-то, что ли, преданность делу забастовки, так как в рамках солидарности в КПЗ все объявили голодовку. (*аплодисменты*)

„... ПОСТОЯННО ПОСТУПАЮТ ВОПРОСЫ..."

АНДЖЕЙ ГВЯЗДА: Я уже ранее читал Конвенцию, статьи Конвенции Международной Организации Труда, и все равно постоянно поступают вопросы, в принципе самый частый вопрос, с которым я встречаюсь, задаваемый делегатами, это как раз то, как должны выглядеть свободные профсоюзы и на чем все это основывается, какая есть разница.

Значит, так: 14.12.1956 года Сейм ПНР ратифицировал Конвенции, принятые Международной Организацией Труда, Конвенцию №87 и Конвенцию 98, касающуюся профсоюзных свобод. Я прочитаю со статьи второй, потому что первая просто порядковая. „Работники и работодатели, без какого-либо различия, имеют право без предварительного разрешения создавать организации по собственному усмотрению, а также вступать в эти организации, с единственным условием соблюдения собственных уставов /этих организаций/". Или, иначе говоря, содержащийся в наших требованиях пункт о свободных профсоюзах выполнен „де-факто" уже 24 года тому назад. Этот наш пункт следует считать только как напоминание властям, что они выразили согласие на свободные профсоюзы. В качестве дополнения к этому, в действующем Кодексе законов о труде, во всех пунктах, где речь идет о профсоюзах, слово „профсоюзы" написано с маленькой, а не с заглавной буквы. Другими словами, это не название существующих теперь профсоюзов, а относится ко всем профсоюзам, какие бы в Польше ни возникли, что, впрочем, находится в соответствии и с постановлением Сейма по данному вопросу. Статья 3, параграф 1: „Организации работников и работодателей имеют право разрабатывать свои уставы и внутренние распорядки, выбирать свои органы правления, вести деятельность и составлять программы действий". Параграф 2: „Общественные органы власти должны воздерживаться от всяческого вмешательства, которое ограничивало бы это право или препятствовало бы его осуществлению в соответствии с законом". Статья 4: „Организации работников и работодателей не могут быть распущены или их деятельность приостановлена в административном порядке". Таким образом, мы сразу имеем ответ – юридический ответ – на вопрос, требуем ли мы роспуска существующих профсоюзов. Не требуем, потому что это юридически невозможно, такое требование было бы противозаконным, а сам роспуск – преступлением. Это /постановление Сейма/ имеет силу закона. Оно опубликовано... Я сейчас не припомню, потому что у меня куда-то

задевался экземпляр, но, по всей вероятности, в 1956 году в январском или февральском номере „Монитора", законодательного вестника Сейма ПНР „Монитор Польски". Точно так же там гарантирована свобода избрания своих представителей, и это может, по-видимому, служить ответом на вопрос, кого можно, а кого нельзя выбрать в качестве представителя коллектива предприятия. Польский Сейм 24 года тому назад дал гарантию, что того, кого коллектив считает нужным. Что касается Конвенции №98, то она говорит об опасностях, угрожающих профсоюзной деятельности и от которых законодательство защищает профсоюзы. Она была ратифицирована в тот же день, 14 декабря 1956 года. Статья 1: „Работники должны иметь возможность пользоваться надлежащей защитой от всех актов дискриминации, направленных на нарушение профсоюзной свободы в области труда". Пункт 2: „Такая защита должна относиться в особенности к действиям, имеющим целью: а) поставить в зависимость прием работника на работу от условия, что он не вступит в профсоюз или перестанет принадлежать к профсоюзу; б) увольнение работника или дискриминацию его любым иным образом по причине его принадлежности к профессиональным союзам или участия в профсоюзной деятельности в свободное от работы время или, по согласию работодателя, в рабочее время". Статья 2: „Организации работников и работодателей должны пользоваться защитой от всех актов вмешательства одних в дела других, будь то непосредственно, или же через посредство своих представителей либо членов, во всем, что касается создания этих организаций, их деятельности и управления ими". Пункт 2: „В особенности будут признаваться актами вмешательства, в смысле настоящей статьи, средства, направленные на создание организаций работников, которые были бы зависимы от работодателей или организации работодателей, или же – обратите внимание – на финансовую или иного рода поддержку организаций работников с целью подчинения этих организаций контролю работодателя или организации работодателей". Дело в том, что это относится, этот параграф, не-

посредственно к нашей ситуации в стране, когда штатные работники или так называемые „освобожденные" профсоюзные деятели получают зарплату прямо из кассы предприятия, то есть их оплачивает непосредственно работодатель. Это просто-напросто преступление по отношению к постановлению Сейма. И еще статья 3: „В случае потребности следует создать учреждения или органы, соответствующие условиям в стране, для обеспечения – прошу прощения, я не могу разобрать... – соблюдения права объединяться в организации, определенного в предшествующих статьях".

Теперь вот еще что: мы тут получили из „Мостостали"[29] список вопросов с просьбой изложить официально нашу точку зрения и дать ответ. Чтобы ответить на все пункты официально, мы должны были бы, к сожалению, все их обсудить и поставить на голосование. Тем не менее, на некоторые из этих вопросов я могу ответить неофициально, просто исходя из здравого смысла.

„Намерен ли МЗК – а если да, то когда – вновь выступить с предложением начать переговоры с представителями правительства?" – Знаете, мне кажется, что правительство – это не ребенок. Если мы выступили с таким предложением и не взяли его обратно, то с точки зрения закона оно остается в силе. Но если... есть такие мнения, что мы должны периодически выступать с такими предложениями, то я не вижу, с какой стати. Это всего лишь вопрос приезда делегации для представления документа.

„Просим изложить официальную точку зрения относительно вчерашнего сообщения о выдаче горючего милиции. Будет ли выдаваться горючее в обоснованных случаях или же выдаваться не будет?" – Видите ли, все мы отдаем себе отчет в том, что для четкого функционирования общественного организма должна иметься служба охраны общественного порядка. С другой стороны, чтобы решить, сколько горючего предназначить на доставку молока для детей, а сколько – на доставку сотрудников милиции на место, скажем, несчастного случая, мы должны были бы знать, каковы резервы милиции, которые до настоящего времени никем не

были сообщены. И до настоящего момента милиция к нам с просьбой выделить горючее не обращалась. Мне представляется, что когда она с такой просьбой обратится и когда она объявит об имеющихся у нее запасах, никакой проблемы не будет, поскольку мы считаем, что милиция также является необходимой общественной службой. (*аплодисменты*)

„Имеется ли у МЗК разработанный план переговоров с представителями власти, уполномоченными правительством? Как этот план должен осуществляться, то есть когда МЗК позволит Забастовочным комитетам предприятий вести внутриотраслевые переговоры, и будет ли это равнозначно с тем, что предприятия приступят к работе?" – Знаете, это даже стыдно, по-моему, что такой вопрос задает член МЗК, который подписывался – в конце концов, он знал, что делает – в том, что обязуется вести забастовку солидарности вплоть до выполнения требований всех ее участников. А что касается „позволений" – так мы вовсе не обязаны никому ничего позволять. Если кто-то... если кому-то будет предложено удовлетворение всех пунктов, всех 21 пункта требований, то забастовка автоматически становится забастовкой солидарности.

„Какую позицию занял бы МЗК в случае получения правительственных предложений, касающихся изменения места проведения переговоров; разумеется, в Гданьске, но не на территории Верфи?" – Мы еще не получили никаких предложений, так что не стоит делить шкуру неубитого медведя.

„Какие гарантии безопасности дает Президиум МЗК Правительственной Комиссии, в случае ведения ею переговоров на территории Верфи?" – Знаете, я лично своей жизнью ручаюсь за их безопасность. Я говорю это не выходя из зала и даже не советуясь с коллективом Судоверфи... и даже без призыва сохранять спокойствие. Как другие члены Президиума? Не знаю, но думаю, что они спокойно могут пойти на такой риск. Он очень невелик.

ГОЛОСА ЧЛЕНОВ ПРЕЗИДИУМА: Я тоже! Я тоже! Разумеется. Подтверждаю, подтверждаю!

АНДЖЕЙ ГВЯЗДА: Вроде бы хватит. Эти вопросы были вчера заданы на собрании в адрес Забастовочного комитета предприятия в „Мостостали". Что означает, что делегаты плохо работают, если уж члены Забастовочного комитета не знают, что вообще основным, исходным принципом Межзаводского забастовочного комитета является ведение забастовок солидарности до равной победы всех членов. Спасибо. (*аплодисменты*)

■ Гражданин Жебровский, делегат „Трансбуда",[30] отделение №2, Гданьск-Кокошки. Вас просят выйти за проходную работники „Трансбуда". И заодно сообщение для всех, кто будет вечером выходить. Сообщаем номерной знак белого „Фиата", которым пользуется милиция: GU 30-12. GU 30-12. Белый „Фиат-125".

Так вот – „Польмозбыт" говорит – именно этот „Фиат" нас вчера два раза задерживал. Это белый „Фиат" старого типа. Это не „Фиат" типа (MR), с этими большими фарами, как вы знаете, а старого типа и у него впереди приделан „трафипакс". Так что его легко заметить. Водитель ездит без головного убора, а когда подъедет, надевает фуражку. Вроде бы как шпик, правда? А спереди у него такой маленький фотоаппаратик, который называется „трафипакс". Значит, контроль (...) состоял в том, что он нас остановил, подошел к машине, попросил у водителя документы и пригласил к себе в машину. Меня, как пассажира, оставил в покое. Первый раз он сделал замечание водителю, что у него грязный номерной знак, и издалека номера не видно. Велел почистить и ехать дальше. В следующий раз у него было... было у него такое замечание, что слишком поздно водитель включает указатель поворота. Вот и все. А потом уехал. Оставил нас в покое.

■ Я хотел бы попросить водителя „Полонеза" номер XGD 0803 „ПРОБА" в Президиум. А также я попросил бы одновременно в Президиум доктора Войчеха Грушевского.

Делегация Северного Порта! Просим к столу Президиума. Делегация... Гданьского порта.

„Я ТАКОЙ ЖЕ РАБОЧИЙ, КАК И ВЫ"

АНДЖЕЙ ГВЯЗДА: Попрошу внимания. У нас тут в президиуме находится рабочий, которого уволили за забастовку: гражданин Левицкий Мариан, г. Жары... „С 21 числа августа месяца 1980 года расторгается трудовое соглашение без объявления об увольнении в связи с серьезным нарушением обязанностей работника, в особенности за нарушение порядка и спокойствия на рабочем месте. Основание: ст. 52 п. 1 КЗОТ". А теперь справка с места работы: „Гражданин Левицкий Мариан работал в артели инвалидов „Передовик" в г. Жары... на должности штамповщика металлоизделий, последняя должность — как указано выше, на которой получал следующее вознаграждение: категория IV, 11,50 злотых в час. Работа сдельная. Получал среднемесячную заработную плату в размере 2869 злотых".

■ Может, вы подойдете. (...) надо было сразу подойти.

Рабочие, делегаты, и вы все здесь, в комитете, представляющие права рабочих. Я приехал с другого конца Польши. Я взволнован... Когда я эти толпы народу увидел... я заплакал. Не удивляйтесь, это моя совесть. Сейчас я успокоюсь и все вам дальше объясню, как оно было. (*аплодисменты*) Я такой же рабочий, как и вы. Я работал, но больше не работаю, потому что вчера меня уволили за забастовку. Потому что я требовал лучшего завтра, чтобы я мог накормить своих детей. (*аплодисменты*) Цех, где я работал, это штамповочный цех. Работа очень опасная. Чуть зазеваешься, не сосредоточишься, или машина ошибется, то есть если она два или три раза ударит, мы во второй раз становимся калеками. А тогда уже для нас нет никакой... спасения или помощи, потому что без рук мы ни на какую работу не способны. (*аплодисменты*) И за эту работу правление, предприятие

HSWB - H

нам платило по три, три с половиной, до четырех тысяч в месяц. Разве так нужно ценить труд рабочего, который отдает всего себя – пот, кровь и силы – чтобы иметь достойное вознаграждение? Разве мы так много требуем? Рабочие, скажите сами... (*аплодисменты*)

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА: Нет! (*аплодисменты*)

Я вам расскажу, как дело дошло до этой забастовки. Может, это будет немножко длинноватый рассказ, но я надеюсь, что вам не надоест, потому что мы здесь для того собрались, чтобы меня выслушать. Я ведь все-таки из Польши приехал. Сегодня я в полпятого утра встал и приехал, чтобы быть здесь, чтоб пожаловаться. Ну, а к кому же я еще поеду? Кто меня поймет? Кто выслушает? (*аплодисменты*) Забастовка наша состоялась в цеху... в том цеху, в котором люди меньше всего зарабатывали, как вы тут сказали, около четырех тысяч, да? Перед забастовкой, примерно недели за три до этого состоялось собрание вместе с правлением, на котором мы обсуждали, что слишком мало зарабатываем, что бывают столкновения и конфликты с бригадирами, только потому, что не все процессы соответственно оплачиваются. Мы ждали, потому что правление нам обещало, что они получат повышенные нормы и будут такие ставки, что мы заработаем на сдельщине около этих 200 злотых, потому что так было сказано, что если кто отдохнувший и трезвый, то столько должен заработать. А как на самом деле оказалось, так в день у нас выходило по 130, по 70, по 80. Так как же мы должны были работать? После разговоров с работниками мы решились на забастовку, на крайность, потому что никто нас не хотел понять. Мастера над нами насмехались, начальники пальцем у головы крутили, что мы психи, и так оно все выглядело. Но мы говорим: попробуем забастовать, наши рабочие бастуют, может, в конце концов, нам эти ставки повысят. Неужто это такая уж большая прибыль, эти 700-800 злотых? И устроили мы забастовку. Двадцать первого утром пришли мы с флагом, с этим самым флагом,

который у меня здесь, и который мне так дорог, как ничто другое в нашей дорогой отчизне. (*аплодисменты*)

■ Откуда вы? Откуда вы приехали?

Из Зеленогурского /воеводства/.

■ А город какой?

Жары. Я из Жар, Зеленогурское воеводство.
Граждане, рабочие, посмотрите, это наш флаг! И как же они могли уволить работника с этим флагом? Посмотрите! (*аплодисменты*)

ГОЛОСА ЧЛЕНОВ ПРЕЗИДИУМА: (...) много эмоций. Слишком много эмоций, слишком много эмоций.
Ну что ж, спасибо. Ладно, продолжайте, пожалуйста. (...)

Может, я еще только рабочим сообщу, как закончилась забастовка. Забастовка наша продолжалась недолго, всего только два часа. Откуда ни возьмись, прибежало правление с криком: „Вы будете уволены, а остальные – за работу, а если нет, так всех... всех уволят и приедет милиция!" Люди в страхе разошлись. Это все, что я мог бы вам рассказать. Большое спасибо, что мне дали выступить. (*аплодисменты*)

■ Мы получили для МЗК деньги – 303 злотых с надписью: „От друзей и подруг, несущих вместе с вами „общую вахту" и букетик фиалок. (*аплодисменты*)

РАДИОУЗЕЛ: Внимание! Ко всем делегатам бастующих предприятий. Просьба не впускать на территорию Судоверфи лиц, говорящих охране на проходной, что за них берут ответственность. Повторяю, просьба на территорию Судоверфи не впускать (...) потому что иначе будут приняты меры также в отношении делегатов. Спасибо.

■ Поступил очередной денежный дар от коллектива Предприятия железнодорожных работ ПЖК 12 – 6035 злотых и 50 грошей. (*аплодисменты*) Наши коллеги продолжают вести сбор денег и... обещали, что завтра еще передадут. (*аплодисменты*) Гражданин Жебровский, делегат „Трансбуда", отдел №2, вас просят подойти к проходной №2 ваши сотрудницы – связные. Делегаты РИК „Рух"[31] просьба поднять руки.

РАДИОУЗЕЛ: Внимание! Коллега с Ремонтной верфи, который (...) забастовочного комитета, просьба обратиться в радиоузел.

■ Водителя „Таунуса" GDK 31-38 просят /.../
Делегат спичечной промышленности! Связной ждет на проходной №2. Связной с предприятия ждет делегата спичечной промышленности. Нету... у него нет пропуска.

Два слова (...) чтоб вас проинформировать, так как я понял, что вы не знаете – в прошлое воскресенье в Нижней Силезии, в Вамбежицах, был очень большой, очень красивый религиозный праздник. Просто там есть такой монастырь и была коронация статуи Богоматери. Но я не об том хотел сказать. Там был наш кардинал Вышинский,[32] который в прекрасной речи, прекрасными словами поддержал ваши стремления, поддержал стремления людей к тому, чтобы в Польше было спокойствие, чтобы в Польше... всем хватало и хлеба, и свободы. И потому я просто хотел сказать, чтоб вы знали, потому что до вас, может, эти известия не доходят. Но там было... ну, больше чем 150-200 тысяч человек. И как раз перед этой массой народу кардинал Вышинский очень красиво выступил. Он выдвинул требование, в каком-то смысле, по адресу наших властей, что в интересах всей страны, в интересах народа, чтоб установился порядок. Но этот порядок должен установиться на основе чего-то, на основе понимания потребностей человека, потребностей и материальных, и духовных. Мне не нужно вам говорить, что ура-

ганные аплодисменты, ну, просто каждые несколько минут, каждые несколько секунд, прерывали выступление, значит, нашего кардинала. В общем, не знаю, приободрит ли это и вас тоже, но думаю, что да. Спасибо. (*аплодисменты*)

■ Спасибо.

„КОЛЛЕКТИВ НЕ ПРИНЯЛ ЭТОГО К СВЕДЕНИЮ"

В знак солидарности коллектив Окружного предприятия геодезии и картографии в Гданьске передает Межзаводскому забастовочному комитету, размещающемуся на Гданьской Судоверфи, скромную сумму 6000 злотых, в знак поддержки, обещая, что это еще не вся сумма, поскольку в этом участвовал не весь коллектив, так как наши отделения разбросаны по разным местам и до всех мы добраться не могли. (*аплодисменты*)

■ Спасибо.

Добрый вечер, я представитель скорняжной артели „Лутрия". Я прошу прощения, что я на бумаге записал то, что хочу сказать, но мне хотелось бы сообщить все это коротко, но по мере возможности точно. Значит, так: „После утреннего собрания коллектива ситуация в нашей артели была очень хорошая. Дирекция, воспользовавшись в какой-то момент временным отсутствием двух членов Забастовочной комиссии, начала активизиро... агитировать людей, чтоб они начали работу, предлагая им беседу с представителем Воеводского совета профсоюзов. Коллектив не поня... коллектив не понял... не принял этого к сведению. Пред... представитель однако приб..." – Прошу прощения – „Коллек... Коллектив не принял этого к сведению. Однако предста... представитель..."

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА: Громче, громче! Читай медленнее! Не волнуйся! Без нервов!

„Предлагая им беседу с представителем Воеводского совета профсоюзов. Коллектив не принял этого к сведению. Однако представитель прибыл. И тут, к счастью, к коллективу присоединился один из членов Забастовочной комиссии. Коллектив понял, что у него есть опора. На вопрос представителя ВСПС: „Ну, что будем делать? и в чем вам помочь?" – член Забастовочной комиссии решительно ответил: „Мы бастуем!" (*аплодисменты*) „А помощь ваша может выразиться только в водружении бело-красного флага на здании ВСПС и присоединении к МЗ... к МЗК, расположенному на территории Гданьской судоверфи". (*аплодисменты*) Ответ представителя звучал так: „Спасибо, до свидания". Затем имели место... Затем имели место последующие факты нажима со стороны правления артели. Предлагалось послать двух человек в Воеводское правление промысловых артелей, где они разработают новые повышения ставок. Коллектив, разумеется, отверг радостное известие, сообщив, что таких известий ждет от правительства ЗК... МЗК на территории Гданьской Судоверфи. Правление – видя, что у них нет влияния на работников, обратился к помощи третьего члена правления артели – чтоб не путать, это вот правление артели... наше, значит, и вот, к правлению артели... которого привезли, а точнее, так просто взяли прямо с отпуска, он был в это время как раз в отпуске тут где-то на Мазурах, на озерах, я точно не знаю. Ну, и во всяком случае, наш заместитель председателя по техническим вопросам и заместитель председателя по административно-коммерческим вопросам поехали на машине и его прямо оттуда взяли. „Однако он... он не успел вовремя, поскольку всем тем, кто бастовал, было разрешено пойти домой, и остались только дежурные службы, члены Забастовочной комиссии, которые от имени всего коллектива отвергли всяческие попытки агитации. Правительст... Правление сдалось и они покинули территорию артели". Большое спасибо.

(*аплодисменты*) Еще я хотел тут добавить следующий взнос от нашей артели. Это небольшая сумма 1720 злотых. (*аплодисменты*)

/.../ по адресу Предприятия ремонтных услуг морских портов, и сегодня было высказано предложение со стороны нашего директора, чтобы вступить в контакт с замминистра Зюлковским, это, я в точности не знаю... во всяком случае кто-то из нашего министерства. И „сообщаем, что не выражаем согласия, настаиваем на нашей позиции, выраженной в документе №415 от 21.08.80. Единственным нашим представителем для ведения переговоров с правительством является МЗК, размещающийся на территории Гданьской судоверфи. – За Забастовочный комитет...", подписи. И еще мы получили от детского дома... в Гдыне на ул. Демптовской 64... „В Забастовочный комитет при Предприятии ремонтных услуг морских портов в Гдыне. Дирекция детского дома в Гдыне обращается к вам с просьбой разрешить работникам вашего предприятия продолжать малярные работы в помещениях, занимаемых детьми, находящимися в детском доме в Гдыне. Без окончания малярных работ ситуация проживающих в нашем Доме детей довольно тяжелая. Просим постараться удовлетворить нашу просьбу". Значит, Забастовочный комитет решил, что работы будут продолжаться в нормальном порядке, как продолжались до этого времени, и просто будет увеличено число рабочих, в первую очередь маляров, для выполнения этих работ. Ну и, можно только сказать, настроение отличное, мы с вами. (*аплодисменты*)

„Я БЫЛ КМИЧИЦЕМ"

(...) Да, да.
Дорогие мои, меня зовут Здзислав Мархилевич. В настоящее время я являюсь председателем Забастовочного комитета трех предприятий в г. Прущ Гданьский: ПКВиМ[33]

(*аплодисменты*), ПСТВиМ[34] и „Водроль".[35] Я был!!! Первый секретарь первичной парторганизации ПКВиМ. В 1975 году – делегат Седьмого съезда ПОРП. 1977 год – делегат на Вторую конференцию ПОРП. Член комитета... член воеводского комитета ПОРП. Член бюро горкома ПОРП в Пруще Гданьском. В настоящее время – член ПОРП. Там я не мог сказать правды! Там меня... Все было заранее отрепетировано. Сегодня я здесь, чтобы быть с вами. Я был Кмичицем[36] – Сенкевич, „Потоп". Клянусь на распятии! (*продолжительные аплодисменты*)

■ Ничего не поделаешь, таковы факты. Среди партийных тоже есть люди, которые думают.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: Как его зовут? Фамилия!

■ Здзислав... Прошу прощения, Здзислав Мар-хи-ле-вич, да?

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА: Не слышно! Какие должности занимал!

■ В настоящее время председатель Забастовочного комитета трех предприятий.

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА: А есть у него вообще полномочия от этих предприятий? – Есть, точно есть! (...)

■ Есть полномочия.

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА: Браво, браво. (*аплодисменты*)

■ Внимание, факультет транспорта Гданьского университета передает 900 злотых в пользу МЗК. (*аплодисменты*)

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА: Просьба вновь перечислить занимаемые должности.

■ Повторяю: первый секретарь парторганизации...

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: Медленнее!

■ Первый секретарь парторганизации...

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: Бывший?

■ Бывший, бывший! ... ПКВиМ.
В 1975 году делегат Седьмого съезда ПОРП.
В 1977 году делегат Второй конференции ПОРП.
Член пленума Воеводского комитета Польской объединенной рабочей партии в Гданьске.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: А сейчас?

■ Бывший, бывший. Член бюро горкома ПОРП в Пруще Гданьском.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА: Бывший?

■ Бывший. Все время – „бывший". В настоящее время член ПОРП. Внимание, мы получили образки св. Христофора и медальоны/с изображением святого/ от пенсионеров Гданьского птицеводческого комбината в Жуково. (*аплодисменты*)

(...) Рышард Никель, я представитель Института Связи в Гданьске-Вжеще. У меня короткое сообщение для собравшихся. Сегодня состоялось общее собрание наших сотрудников, на котором рассматривались предложения вступить в переговоры с райкомом и Правительственной комиссией, которые нам сегодня были представлены. Оба предложения были отклонены подавляющим большинством голосов. (*аплодисменты*) Одновременно мы постановили передать список наших внутренних требований на рассмотрение дирекции только после момента начала переговоров центральных властей с Межзаводским забастовочным комитетом. До этого времени никаких переговоров ни с кем мы вести не будем. Наша позиция ясна. Мы были, есть и будем с Межзаводским забастовочным комитетом. Спасибо. (*аплодисменты*)

■ Уважаемые собравшиеся, медальоны уже кончаются. Прошу не толкаться.

(*движение в зале, разговоры, восклицания*)

■ Осталось только несколько штук для Президиума. Ну, послушайте, послушайте, сколько ж среди вас хочет этот один получить. Для Президиума осталось. У Президиума еще нет медальонов. Внимание, следующий вопрос. Образки. Ага, именно! Можно раздать образки. /.../

23 августа

„ЭТО ПРЕДЛОЖЕНИЕ БЫЛО ПРИНЯТО"

■ /.../ приглашается в зал сзади холла для проведения короткого совещания.

„Вчера в Забастовочный комитет поступило предложение о предварительном визите директора треста судостроительной промышленности. Поскольку это предложение явно представляет собой очередную попытку разделить нас с МЗК, Забастовочный комитет предприятия на сегодняшнем заседании решительно и единогласно его отклонил. Коллектив „Элмора" ожидает начала переговоров с МЗК – нашим единственным представителем и единственным гарантом удовлетворения наших требований. – Забастовочный комитет завода „Элмор". (*аплодисменты*)

■ Можно выключить микрофоны! Радиоузел! Радиоузел! Можно выключить микрофоны. /.../

ЛЕХ БОНДКОВСКИЙ: Президиум Межзаводского Комитета сообщает, что в ответ на выступление гданьского воеводы гражданина Ежи Колодзейского с предложением вступить в рабочие контакты с Межзаводским Забастовочным Коми-

тетом с целью подготовки переговоров Правительственной Комиссии с МЗК Президиум назначил комиссию в составе четырех человек для проведения такой подготовки и пригласил гданьского воеводу на Гданьскую судоверфь к 14 часам. Это предложение было принято. (*движение в зале, овация, возгласы*)

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Прошу внимания, есть такое дело. В связи с тем, что наш Президиум в такой ситуации – чтобы у нас все это отлично получилось – должно образовать коллегию экспертов. Ну, ведь мы должны в сумме проявить и ум, и подготовку, правда? Мы это и сделали. Думаю, что сделали правильно. (*аплодисменты*) Представителя приглашаю к микрофону.

ТАДЕУШ МАЗОВЕЦКИЙ: Меня слышно?

■ Да, слышно.

ТАДЕУШ МАЗОВЕЦКИЙ: Я хотел сначала сказать несколько слов по другому вопросу. Мы сюда приехали вдвоем, профессор Геремек и я, моя фамилия Мазовецкий. Мы находимся в числе подписавших Призыв 64 представителей варшавской интеллигенции, который, насколько мне известно, до вас уже дошел ранее. В этом Призыве мы хотели выразить солидарность с вашей борьбой, которая является борьбой не только за ваши собственные интересы, но и за интересы всей страны. Приехав сюда, мы убедились в вашем огромном спокойствии и ответственности. То, чего мы вам желаем, это сохранить эту ответственность и сохранить то, что представляет собой вашу самую большую силу – вашу солидарность. (*аплодисменты*) Что же касается вопроса об экспертах, то мы постараемся вам помочь, но роль экспертов ограничивается консультациями Президиума Комитета, а все остальное – в руках Президиума. (*аплодисменты*)

ЛЕХ ВАЛЕНСА: На памятник Жертвам декабря 1970 года от

коллектива цеха С-3 /гданьской судоверфи/ 6560 злотых. (*аплодисменты*)/

ХЕНРИКА КШИВОНОС: Значит, у меня такое дело. В связи с бензином. Я выписываю квитанции только до 13.00. А позднее, уж извините, я должна иметь время и для себя тоже.

(...) Производственно-ремонтного предприятия механизации сельского хозяйства в Гданьске передает на цели МЗК 3229 злотых. (*аплодисменты*)

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Поступили вопросы насчет этих четырех человек. Понимаете, это только такая рабочая комиссия, чтобы просто подготовила – где? как? о чем? мы будем говорить. Такое только предварительное... но без всяких решений. Кто-то ведь должен с ними говорить. Если все на ура! – то так не договоришься. И в связи с этим, создана эта комиссия в составе: Лех Бондковский, Анджей Гвязда (*аплодисменты*), Здзислав Кобылинский (*аплодисменты*) и Богдан Лис (*аплодисменты*). Во всяком случае – ничего без нашего голоса, только просто-напросто технические вопросы: как вести переговоры? где вести переговоры? сколько с их стороны? сколько будет наших? – вот, что-то в этом роде. Мы ничего не проигрываем.

/У меня/ сообщение из Гданьской Епископской курии. Я работаю в Епископской курии вот уже 20 лет. Я непосредственно встречаюсь с Епископом и как раз сейчас я возвращаюсь с такой встречи, которая там состоялась, и хочу передать такую... ну, выражения такой сердечной поддержки для всех вас. И той пастырской заботы, которую Епископ питает по отношению ко всем участникам забастовки. Как сувенир Епископ посылает следующую партию памятных образков, но так как этих образков не очень много, потому что он не был подготовлен к такому большому количеству, которое требуется, то я не буду их передавать сейчас, а отдаю Забастовочному комитету, Межзаводскому забасто-

вочному комитету с целью раздать их как следует и когда следует. Это, вероятно, только завтра произойдет, ну чтобы избежать неразберихи, которая обычно бывает в таких случаях. Я со своей стороны хотел бы еще подчеркнуть, что вам будет также направлено послание Епископа, которое будет прочитано завтра на богослужении. И завтра же вы получите содержание этого послания, ну, с выражениями этой солидарности, с выражениями, так сказать, и с какими-то, ну, напоминаниями, что ли, чтобы... ну, и с пожеланием, чтобы эта забастовка закончилась, и чтобы все вы и все мы способствовали окончанию этой забастовки, насколько это только от нас будет зависеть. Ну, вот. Спасибо. (*аплодисменты*)

ЗДЗИСЛАВ КОБЫЛИНСКИЙ: Вниманию делегатов. Что касается этих образков, которые будут для нас памятью об этом, быть может, историческом моменте, то эти образки будут завтра розданы делегатам. Каким образом, это уж мы потом сами определим в процессе работы конференции, чтобы каждый делегат мог получить один образок. Так что сегодня абсолютно никто не будет раздавать эти образки. (*аплодисменты*)
Пожалуйста, мы просим сохранять относительное спокойствие, так как мы, само собой разумеется, понимаем, что каждый возбужден, но тем не менее порядок должен быть. К делегатам просьба занять места за столами и оттуда наблюдать за ходом заседания.

(...) вычислительной /техники/ сельскохозяйственного строительства в Пруще Гданьском. Меня просили, чтоб передать небольшую сумму, 100 злотых, от одной пенсионерки, которая получает пенсию по старой еще системе. Сумма 100 злотых. (*аплодисменты*) Спасибо.

ЛЕХ БОНДКОВСКИЙ: (Работники) ПКС[37] в Слупске через пана Хинце пересылают для МЗК 1000 злотых. (*аплодисменты*)

„ЛЮДИ В СИЛЕЗИИ ПОЛНОСТЬЮ СБИТЫ С ТОЛКУ"

■ К нам приехал товарищ из Тарновских Гур.

Я говорить не умею, потому как... не... Я говорить не умею, потому что по природе своей никакой я не оратор или еще кто, а просто меня направил сюда коллектив Фабрики механизированной /шахтной/ крепи в Тарновских Гурах с письмом, солидаризирующимся с бастующим Побережьем. И я хотел бы это письмо зачитать: *„Резолюция, принятая производственным коллективом Фабрики механизированной шахтной крепи в Тарновских Гурах в результате забастовки, начатой 21-22 августа 1980 года*

В связи с теперешней экономической ситуацией, которая имеет место в нашей стране, коллектив нашего предприятия постановил высказаться по этому вопросу, волнующему весь наш коллектив, весь наш народ. Наша забастовка имеет целью поддержку требований относительно улучшения экономического положения страны и проблем снабжения рынка, выдвигаемых бастующими рабочими Побережья. Мы поддерживаем также требования, касающиеся создания Свободных Профессиональных Союзов как представителя трудящихся масс. (*аплодисменты*) Учитывая трудную ситуацию, которая сохраняется в стране, коллектив на общем собрании всех работников принял решение приступить к работе, чтобы не приводить к дальнейшим ненужным потерям, которые в конце концов ударят по нам самим. Одновременно коллектив выдвинул ряд требований, которые должны быть удовлетворены и выяснены в ближайшие дни. В случае неудовлетворения основных требований рабочих фабрика вновь прекратит работу с 1.09.80 г." Подписали – „Коллектив Фабрики механизированной шахтной крепи в Тарновских Гурах". (*аплодисменты*)

■ Как мне тут товарищ сказал, эта фабрика насчитывает 6000 человек. (*аплодисменты*) И еще: товарищ к нам сюда

добирался довольно рискованным методом, иначе говоря, ему пришлось пробиваться. Но благодаря помощи наших связных он добрался благополучно. (*аплодисменты*)

Может... я еще хотел вам изложить ситуацию, которая сейчас существует в Силезии, потому что, наверно, не все знают, как там обстоит на самом деле. Люди в Силезии полностью сбиты с толку. Ничего не передают ни по радио, ни по телевидению. Мы полностью отрезаны, отрезаны от всей страны. Я сюда специально приехал по поручению нашего коллектива, чтоб на месте выяснить, какая на самом деле здесь ситуация, потому что одни говорят, что бастует 15 предприятий; а вечером по радио сообщают, что более десяти предприятий прекращает забастовку и приступает к работе. Вот поэтому я и здесь и – ну, просто являюсь, так сказать, очевидцем того, что происходит. И я верю, что не только Побережье, но и Силезия тоже к Побережью присоединится. (*аплодисменты*)

ЗДЗИСЛАВ КОБЫЛИНСКИЙ: „22 августа 1980 года.

Гданьскому воеводе, профессору Ежи Колодзейскому, г. Гданьск

Требование – Решительно требуем прекращения и запрета на будущее всех репрессий в отношнеии лиц, оказывающих помощь Межзаводскому Забастовочному Комитету в его деятельности. В последние дни органы милиции и службы безопасности неоднократно задерживали, допрашивали, а также подвергали аресту лиц, распространявших материалы, издаваемые МЗК. В качестве примера приводим следующие случаи: первое – делегаты МЗК на встречу с вице-премьером М. Ягельским 22.08 были задержаны органами милиции и – несмотря на данные разъяснения – были подвергнуты проверке документов и занесению данных в протокол, что задержало приезд делегации в условленное время. Пункт второй: 17 числа сего месяца Даниэль Матыя был задержан за раздачу публикаций МЗК. Пункт три: 19 числа сего месяца Сильвестр Незгода задержан на пять часов. Мирослав

Хоецкий – на 48 часов. Пункт четыре: 20 числа Анджей Сломинский, Петр Щудловский, Мачей Буткевич, а также везущий перечисленных лиц Анджей Мадейский – все задержаны во Вжеще на 48 часов за распространение публикаций МЗК. Во время задержания Анджей Сломиньский и Петр Щудловский были зверски избиты. Пункт пять: 20 числа сего месяца Сильвестр Незгода, Казимеж Жабчиньский и Лех Боровский задержаны на 48 часов в Старогарде Гданьском за распространение публикаций МЗК. Михал Войчеховский, 15-летний подросток, задержанный органами безопасности за распространение литературы на 48 часов, был зверски избит в отделении милиции в Старогарде Гданьском. Пункт шесть: 22 числа сего месяца Иордан Цезары задержан органами милиции и сбужбы безопасности на срок более 12 часов в Гдыне за распространение публикаций МЗК – зверски избит. Совершаемые органами милиции и службы безопасности акты насилия и терпимое отношение к такого рода явлениям со стороны органов государственной власти и администрации единодушно расценивается бастующими трудящимися, представляемыми МЗК, как провокационная и преступная деятельность, полностью противоречащая Конституции ПНР и распространяющемуся на Польшу Международному пакту гражданских и политических прав". Подписано – „Межзаводской Забастовочный Комитет". (*аплодисменты*)

(...) от артели транспорта и перевозок передаю следующую, очередную собранную нами сумму – 1221 злотый 90 грошей. А также сообщаю, что в зале такая атмосфера, что просто всех за душу берет, потому что если мы это передаем, то передаем от всего сердца. Да только вот эта атмосфера, по всему видать, не на пользу идет тем типам, что вокруг Верфи понарасставлены, потому как они все больше и больше удаляются, и все это редеет постепенно, так что, того и гляди, совсем они растают, как туман поутру. Об ком речь – каждый догадается. (*аплодисменты, смех*) /.../

Безымянный моряк ПОЛ[38] пожертвовал 2000 злотых в пользу бастующих судостроителей. (*аплодисменты*)

/.../ собрал сумму 1126 злотых и я ее передаю МЗК, одновременно уполномачивая ею распоряжаться. „Дорогие друзья, мы всем сердцем с вами. Что будет в наших силах, то мы сделаем от всего сердца, чтобы ваша борьба завершилась успехом. Шлю приветы и дружеские рукопожатия от нашего коллектива вам всем, всем коллективам, борющимся за наши интересы и за благо всей нашей родины". (*аплодисменты*)

АЛИНА ПЕНЬКОВСКА: Мы получили телеграмму из Лемборка: „Горячо приветствуем и поддерживаем всех бастующих. Держитесь. Жители Лемборка. Основные предприятия в Лемборке тоже бастуют". (*аплодисменты*)

ГЖЕГОЖ БОРОС: Значит... моя профессия – художник, проектировщик, в общем, по сути дела, художник. Ну, и я просто берусь разработать на общественных началах вымпел профсоюзов, которые будут созданы в этом зале, свободных профсоюзов, что-то вроде фирменного знака, эмблемы, что ли, и я выражаю уверенность, что это учреждение – что оно уже функционирует, сейчас, в этот момент. (*аплодисменты*) Чтоб пояснить – у меня уже есть такая работа в Гданьске. Она как бы связана с определенной надеждой, которая у меня была уже год назад. А именно, этот желтый мост в Гданьске, решетчатый, который ведет к Судоверфи, это, как бы сказать, идея моя как автора, и я это подписал своей фамилией, ну и будем надеяться, что этот мост, ну как бы аллегория какая-то, в этот момент уже реализуется. Большое спасибо. (*аплодисменты*)

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Значит, так. Тут такое дело получается, что после всего, что было, мы, как оказывается, еще не под-

HSWB - I

готовлены. Мы готовим сообщение, но вы уже и сами слышали, что предварительные переговоры закончились успешно. В 20.00 к нам приезжает правительственная делегация. И тогда мы уже будем все конкретно разбирать по косточкам, пункт за пунктом.

(*восклицания, крики: „Браво! Да здравствует Лех Валенса! Да здравствует!" Собравшиеся поют „Сто лят"*)

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Дорогие мои, все хорошо, все прекрасно, но не забывайте об одном. До этого момента мы были подготовлены и – на самом деле – можно сказать, что выигрывали, но теперь, к следующему этапу, мы не подготовлены так, чтоб уж все было отлично. Поэтому я предлагаю разойтись, посидеть, отдохнуть, прогуляться, а мы уже, как пленум, подготовимся к следующему туру. Уже в деталях: как? кто? что? как? Кто будет посвободнее, тот и будет вести переговоры. Можно о разных вещах говорить. Но честное слово, я прошу нас понять правильно, мы даже журналистов не принимаем и вообще никого. Мы должны, как пленум, подготовиться к следующим боям. Спасибо. (*аплодисменты*)

АЛИНА ПЕНЬКОВСКА: Внимание! У меня такое сообщение, просьба такая – к журналистам, ко всем, чтоб освободить зал. А журналисты могут ведь, например, брать интервью у работников. По цехам походить – мне кажется, это должно быть интересно.

„ПРОШУ НЕ МЕШАТЬ ПРОХОДУ"

ЛЕХ ВАЛЕНСА: /... Прошу пропустить/ оставшуюся часть делегации, потому что там довольно большая толпа и они не могут пройти. Прошу поэтому, чтобы не мешать проходу. Приветствуем делегацию! (*аплодисменты*) Во главе с премьером...

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Где мне стать? Вот здесь, да?

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Да, но только на минуточку, и мы сразу туда переходим.

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Тогда я, может, с Президиумом поздороваюсь.

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Пожалуйста, прошу вас.
Так, как было согласовано, теперь делегация направляется на рабочее заседание в этот малый зал. Прошу освободить проход. Спасибо. (*аплодисменты, собравшиеся скандируют: „Ле-шек! Ле-шек! Ле-шек!"*)

ПЕРВЫЙ ЧАС ПЕРЕГОВОРОВ

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Включен он или нет – вот в чем вопрос. Трансляция включена? Да? А то тут нет репродуктора, может, поэтому не слышно? Есть? Включено? Хорошо. Итак, в связи с тем, что время нас подгоняет, предлагаю начать наше заседание. Пан вице-премьер, приветствуем Вас от имени Межзаводского Забастовочного Комитета, представляющего около 370 промышленных предприятий и учреждений гданьского, а также частично эльблонгского и слупского воеводств. Сознание того, что мы представляем сотни тысяч людей, утверждает нас в уверенности, что мы боремся за справедливое дело. У Вас есть возможность увидеть Верфь, на которой рабочие сами всем управляют. Вы можете убедиться, какой здесь порядок и спокойствие. Важность проблем, которые мы хотим решить, заставляет действовать обдуманно и без торопливости. Мы терпеливо ждали девять дней, но и впредь у нас тоже терпения хватит. Поэтому я предлагаю, чтобы мы сегодняшние переговоры ограничили до 22.00. Предлагаю также, чтобы Вы представили отношение правительства – в общих чертах – ко всем нашим требованиям в совокупности, а также к каждо-

му в отдельности. Будем надеяться, что сегодняшняя встреча будет первым шагом на пути к скорейшему окончанию забастовки. Спасибо.

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Благодарю Вас, пан председатель. Я также хотел бы от имени Комиссии, /возглавлять/ которую мне доверило руководство партии и руководство правительства, поприветствовать всех членов – как я понимаю, Президиума Межзаводского Забастовочного Комитета. Если Вы позволите, я хотел бы еще раз в самом начале сказать, что моим стремлением, а также заданием и долгом, является то, чтобы приступить к переговорам и провести их в самом деловом и самом конструктивном духе. Мы хотели бы, чтобы – по-просту говоря – существенные, важные проблемы, которые волнуют трудовые коллективы Побережья, что мы могли /их/ вместе, сообща, разрешить наилучшим образом. Таково мое самое искреннее желание. Членов моей Комиссии не знаю, нужно ли представлять, но вы их, кажется, знаете. Могу сказать только о двоих – а именно – отсутствующих. Мы предполагали, что будет также министр Копечь, но был вынужден уехать по очень срочным служебным делам. Его заменяет... присутствующий здесь вице-министр Кучиньский. Что же касается – также члена нашей Комиссии – секретаря Центрального Комитета товарища Жандаровского, он занимается вопросами непосредственно партийными, потому что состоялось заседание руководства партии. Каким образом мы должны теперь вести переговоры? Считаете ли Вы, пан председатель, и ваши коллеги, что было бы целесообразно, чтобы я коротко и сжато, так сказать, изложил позицию или представил бы точку зрения на те вопросы, с которыми мне удалось ознакомиться? Вы сказали, пан председатель, что это уже довольно долго тянется, и что торопливость ни к чему. Я хотел бы заметить, что я здесь практически второй день, всего два дня. Мы вели переговоры, также и с забастовочными комитетами предприятий. Я подробно ознакомился с проблематикой. Именно поэтому, в соответствии с вчерашней, с вечерней договорен-

ностью, мы приняли решение, что настала пора приступить непосредственно к переговорам. Как Вы считаете, пан председатель?

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Разумеется, только, как мы уже отметили, что просто неплохо было бы, если бы... если б мы... если бы Вы, пан вице-премьер, представили ваше отношение ко всем этим требованиям, потому что они уже раньше вам были доставлены. По порядку, по очереди, чтобы мы знали, как... как мы должны... то есть близки ли наши позиции, или же имеются крупные расхождения.

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Я так понимаю, что Вы выражаете согласие на то, чтоб я представил нашу точку зрения на вопрос вместе с соответствующей, так сказать, аргументацией. Дело в том, что я исхожу из предпосылки, что наш разговор должен состоять в том, что если с одной стороны были выдвинуты, значит, требования, то в связи с этим я хотел бы изложить /нашу/ точку зрения на некоторые вопросы. Не знаю, начать ли по порядку, или начать с... так, как они были сформулированы, или же, значит, как либо иначе. Может, я начну с первого вопроса. Если ошибусь в чтении ваших предложений, то будьте так любезны меня поправить. У меня тут есть такой документ, если можно так выразиться, о программе бастующих предприятий. Первое предложение или, значит, первое требование касается „признания независимых от партии и работодателей свободных профессиональных союзов, вытекающего из ратификации ПНР Конвенции №87 Международной Организации Труда, касающейся профсоюзных свобод". Я хочу сказать откровенно и с полной прямотой и хотел бы при этом отметить, что буду говорить откровенно, правдиво – так, как тот, кому доверили возглавлять Комиссию, как я смотрю на этот вопрос. Вообще над проблемой деятельности профсоюзов задумывался и я сам, вместе с членами Комиссии; задумывались мы очень серьезно. Я должен сказать, что этот вопрос затрагивался также во время переговоров с за-

бастовочными комитетами и это вообще тема, которая в настоящее время является предметом заинтересованности – предметом заинтересованности многих производственных коллективов во всей стране. Это фактически – я бы так выразился – проблема огромного значения для трудящихся, для страны, я бы сказал – и на сегодняшний, и на завтрашний день, то есть на будущее. Прошу извинения, я скажу так, как я воспринимаю сформулированные предложения или требования. Я лично так понимаю, что намерения, цель – еще раз подчеркиваю, что говорю всю правду так, как я в нее верю – что цель этого требования состоит в том, чтобы профсоюзы были фактическим, подлинным и эффективным представителем интересов каждого рабочего и вообще каждого работника. Я хотел бы при этом подчеркнуть, что тут я как представитель правительства касаюсь вопроса, который не находится в его ведении. Это вопрос, который касается, в конце концов, самой организации, самих профсоюзов. Мы не можем диктовать им... ни устава, ни – если можно так выразиться – методов их деятельности. Но тем не менее, я хотел бы сказать, как я смотрю на этот вопрос, чтобы вы все и ваши коллеги знали /мою/ точку зрения. Если в связи с этим мы так посмотрим на этот вопрос – я так понимаю, что речь идет о том, чтобы изменить положение профсоюзов в государстве, в соответствии с современными потребностями и требованиями коллективов. А следовательно, я так понимаю, что первым конкретным шагом на этом пути является тот факт, что началась разработка проекта нового законодательства о профсоюзах. Почему? Закон, о котором мы сейчас говорим и который определяет правовые рамки деятельности профсоюзов, был принят – я это проверил – в июле 1949 года. Он насчитывает более 30 лет. Изменились условия труда, изменились – я так понимаю – требования, нужно разработать законодательство, которое отвечало бы теперешним потребностям трудящихся. Является фактом, несомненным фактом, что их теперешняя структура не соответствует теперешнему моменту, теперешней ситуации, теперешним потребностям, теперешним за-

просам трудящегося населения. Я попробовал кое-что подсчитать – детально я не был знаком с этим вопросом – я попробовал взглянуть на цифры, как это выглядит. На сегодняшний день мы имеем 23 отраслевых профсоюза. У нас имеется 49 воеводских советов профсоюзов и более 30 тысяч местных комитетов. Если посмотреть на аппарат штатных профсоюзных работников, с одной стороны, и тех, кто сюда включается, кто является освобожденными профсоюзными работниками на местах – то всего получается полтора миллиона человек. Если при этом – я так рассуждаю – общественность считает, что профсоюзы не исполняют своей роли удовлетворительным образом, то мы видим, что эта разросшаяся структура отжила свое, что нужно ее изменить, нужно искать другие возможности. Но в то же самое время мы можем использовать, по-просту говоря, уже сейчас! теперь! не ожидая – то, что имеется, конечно, чтобы дополнить ее новыми людьми. Об этом стоит задуматься. Это можно обсудить. Если производственный коллектив сочтет необходимым, он может воспользоваться своими правами... своим правом, чтобы сменить фабком или местком. Я говорю о теперешнем моменте, о том, что мы имеем сегодня, что можно сделать – стремясь к тому, чтобы мы нашли какое-то конструктивное решение. Если я сказал, что /коллектив/ может выбрать своих людей, то что я понимаю под „своими людьми"? Своих людей в том смысле, что они будут добросовестно и эффективно представлять интересы коллектива. И будут успешно добиваться решения его проблем. На волне последних событий и здесь, на гданьском Побережье, и в Люблине, где я был несколько дней – я являюсь депутатом от тамошнего избирательного округа – так вот, если посмотреть на людей, с которыми я говорил, в забастовочных комитетах, то я вижу многих, много – я бы сказал – новых активистов, которые пользуются подлинным авторитетом и обладают несомненным талантом и темпераментом /профсоюзных/ деятелей, которые подходят к общественной работе, что называется, с огоньком. Почему бы этим людям уже сейчас не войти в состав местных комитетов или других

профсоюзных инстанций? Ведь это же зависит от вас, от вашего мнения по данному вопросу. И поэтому я хотел бы выразить уверенность – не знаю, согласны ли мы в этом или нет, но я тут говорю о своей личной, глубокой убежденности – в том, что профсоюзы должны лучше и эффективнее представлять интересы работников и защищать их интересы, их права.

Это во-первых. Во-вторых: мы должны разработать такие методы и средства противодействия, чтобы не нарастали общественные конфликты и конфликтные ситуации. И чтобы их эффективно решать в условиях производственного коллектива. И еще я думаю, что – в-третьих – должно быть большее влияние на всю нашу социальную политику в целом. Под социальной политикой я понимаю: и политику заработной платы, и политику социального обеспечения, пенсий по старости, по инвалидности, пособия многодетным и т. д. А это связано, в свою очередь, с проблематикой создания определенных условий труда и быта. И разговор между профсоюзами и администрацией на эти темы должен вестись – может, это неудачное определение, но я так скажу, как я подготовился к этой встрече – потому что я тоже подготовился настолько тщательно, насколько мне время позволило, так как я с полным уважением отношусь к этой встрече – так вот, мне кажется, что можно насчет этого сказать, что на такие темы разговор должен вестись не только по праздникам, но и каждый день, повседневно. И тут у меня сомнений нет. Иначе говоря, это должен быть постоянный, повседневный, я бы сказал – партнерский диалог. Какие в связи с этим факторы будут этому способствовать? Я так полагаю: первый такой фактор – это изменение законодательства о профсоюзах. Это значит – новый проект закона, которому вы сами дадите оценку. Перед принятием закона в Сейме законопроект будет подвергнут широкому общественному обсуждению. И коллективы производственных предприятий будут высказывать свои оценки. Я не хочу тут говорить никаких комплиментов, нет! – я хочу говорить голую правду, все так, как я чув-

ствую. Но в этом месте я хочу сказать, что я полагаю – и на основе того, что я успел за эти два дня познакомиться с проблематикой, с постановкой вопросов и с их характером– я полагаю, что ваш коллектив, коллективы различных предприятий Побережья, и ключевых, и прочих, смогут внести свой вклад в разработку такого нового закона, лучшего закона. Руководящей идеей здесь может и должно быть наверняка расширение прав профсоюза – но я исхожу из предположения, что и одновременно – повышение ответственности перед коллективом. Я еще вроде не такой уж и старый, но за плечами у меня – 36 лет политической и профессиональной работы в нашем государстве. И мне думается, что второй такой фактор... это то, что профсоюзы будут проводить независимо от правительства собственный анализ, оценки того, как распределяется прожиточный минимум для различных групп работников. И на основе этого анализа – какие должны быть размеры повышения заработной платы для отдельных профессиональных групп или, скажем, иные формы – например, компенсации /роста стоимости жизни/. Но если вы мне позволите, то я хотел бы еще к этому вопросу вернуться. Мне думается, что третий такой фактор, это то, что, по всей вероятности, будет изменено в соответствии с требованиями рабочих коллективов – то есть не „мне думается", а я убежден, потому что работы уже ведутся – будет изменено законодательство о рабочем самоуправлении. Проект закона уже находится на заключительном этапе разработки. В ближайшее время он будет подвергнут обсуждению на предприятиях. Все то, что я сказал – прошу вас принять к сведению – не закрывает, а наоборот – открывает путь к дальнейшим изменениям модели деятельности профессиональных союзов. Но я полагаю, что это нужно будет обсудить в спокойной обстановке и хорошенько подумать. Вот то, пан председатель, что я хотел бы сказать по первому вопросу.

ЛЕХ ВАЛЕНСА: По правде говоря, не этого мы ждали... ну

да это мы еще обсудим. А поэтому пока что предлагаю приняться за второй пункт.

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Если я правильно понимаю, второй пункт – это „гарантия права на забастовку, а также гарантия безопасности бастующих и содействующих им лиц". В рамках ведущихся дискуссий – так, как я понимаю – я вижу, что обсуждается проблема права на забастовку. Я хотел бы просто... я и сам так задумываюсь, можем ли мы все-таки решение принимать сегодня... сегодня, то есть можем ли мы принять его сегодня, такое вот решение? Вы ведь не будете возражать, все мы вместе это переживаем, это дни и сильных эмоций, и некоторого возбуждения, и предъявления различных – зачастую вполне справедливых – претензий, обид и т. д. И в связи со всем этим – нужно ли нам сегодня принимать такое решение? Но все-таки я хотел бы сказать, я бы хотел сказать – не было ли бы целесообразно, чтобы и по этому вопросу послушать, что скажет общественное мнение? Я не хочу сказать, что проблемы, как таковой, нет. Наоборот, это также важная проблема. И она требует обсуждения. Быть может, стоит это обсудить вместе с проектом закона о профессиональных союзах? И тогда давайте оставим эту проблему открытой – как проблему, подлежащую в будущем обсуждению. Что же касается безопасности бастующих и лиц, содействующих участию в забастовке или пользующихся таким содействием, то это не влечет за собой никаких последствий – и я это хочу подтвердить. Здесь может быть исключение – только такие действия, которые нарушают предписание, или порча имущества, или что-то в этом роде. Я не юрист. Это вопрос юридический, и речь здесь идет о соблюдении закона. При этом, однако, – и я говорю это с полным осознанием ответственности – обеспечивается безопасность бастующих и лиц, оказывающих содействие участию в забастовке, что это не может иметь для них никаких последствий. Пан председатель, вы мне позволите перейти к третьему вопросу?

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Только вот у нас все это не совсем так, потому что – в общей сложности – довольно много людей сидит, довольно много избитых, и такие вот факты. Такая уж правда. И в связи с этим – поскольку уж мы собирались говорить откровенно, поэтому я считаю, что этот вопрос должен быть известен. Мы и фамилии можем сообщить, если угодно. Пожалуйста.

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Вы можете мне дать такой список?

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Есть такой список, только вот я... Да, да, есть такой список, есть факты избиения, фамилии врачей... были избитые и имеются арестованные вторично. А в связи с этим – все это не так вовсе обстоит.

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Я могу попросить этот список?

ВОЙЦЕХ ГРУШЕВСКИЙ: Я могу по этому вопросу?... Тут у меня есть такая фамилия, которая только что как раз нам стала известна. Просто пришла заплаканная мать, заявляя, что ее сын, Анджей Сломиньский, врач из Тчева, он в больнице в Тчеве работает, и у нас уже было насчет него выступление... так как он был арестован 20-го августа. Сегодня он вновь вместе с четырьмя другими лицами – в том числе был его брат Веслав – был арестован и избит. Я как раз только что звонил пану воеводе Колодзейскому, но, к сожалению, его уже не застал. В связи с этим я просил бы, чтобы это дело было как можно быстрее выяснено. Я хотел бы отметить, что его мать, которая к нам тут пришла, является пенсионеркой по инвалидности, и пенсия у нее – 1300 злотых в месяц.

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Мне буквально минуту назад дали этот список. С вашего разрешения, после окончания /встречи/ мы сообщим об этом деле и я его выясню, вместе с тем делом, которое пан доктор – мы ведь с Вами, кажется,

вчера познакомились, когда уславливались относительно сегодняшней встречи – вместе с тем делом, о котором Вы сообщили. Ладно?

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Ну конечно же, мы согласны.

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Спасибо.

ФЛОРИАН ВИШНЕВСКИЙ: Флориан Вишневский, я с „Электромонтажа". Пан премьер! Вопрос этот сложнее, не такой он простой. Поскольку – наверняка Вы в одном месте находитесь, а мы – в другом. Мы среди рабочих живем. Я в профсоюзах работаю давно, и проблема здесь действительно глубокая. В настоящее время с юридической точки зрения это довольно тяжело все выглядит: дело в том, что предприятие формально – потому что КЗоТ так сформулирован– /имеет право/, что как только кто-то начнет забастовку, то сразу его можно уволить. Приезжали к нам люди из Польши, с юга. Человек нам документ показал, что он уволен с работы, потому что начал забастовку. Здесь, в этой атмосфере Побережья это было невозможно, потому как дело сразу хлынуло и зашло далеко. И мое мнение и позиция моя, как профсоюзника, такое было бы, что следует все эти вещи связать с Кодексом законов о труде и изменить также статью – если я правильно помню – статью 12 в КЗоТ. И нужно все эти вопросы упорядочить, потому что... Сейчас уже нельзя больше ссылаться на общественное мнение. Общественное мнение мы тут уже знаем досконально. Здесь у нас представители – на этом форуме, который нас здесь представляет – так это 382 предприятия, и все они бастуют. Я думаю, что нужно было бы здесь это решение принять, как тут у нас перед глазами полная картина, а на Побережье, как Вам, пан премьер, известно, уже не один раз были такого типа /события/. Мы бы хотели просто в будущем уберечься от таких тяжелых событий, бесполезных и никому не нужных. И точно так же, оценка такого типа событий должна быть глубокой, обоснованной. я считаю, что в будущем

надо, чтоб такого типа /события были исключены/. Нужно просто вступать в контакт с такими бастующими предприятиями и посылать туда своих людей, от правительства. И поэтому, если бы здесь вот такой контакт был установлен – а мы ведь протягивали руку прямо, и не один раз– так никто просто не ответил. Ссылаясь на... фальсифицировали, искажали про нас факты, создавали инциденты, создавали... стараясь показать, что это была деятельность – как сказать – чисто политическая, что вообще неправда. Мы действовали с аполитических позиций, в сфере социально-экономических вопросов. Я думаю, что по этому вопросу мы, вероятно, сможем прийти к соглашению.

ГОЛОС ЧЛЕНА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ: Можно мне...?

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Нет, может я лучше... Я бы предложил вот что. Я полностью понимаю – и хотел бы еще раз это сказать – всю серьезность того, что Вы сказали. Например, одним из существенных элементов – я все это говорю, так сказать, по горячим следам – является то, чтобы, раз вопрос так ставится и чтобы... впрочем, Вы совершенно справедливо заметили, чтобы до этого дело не доводить, чтобы вовремя решать такие вопросы при участии – я так понимаю – определенных организаций и при участии также представителей – назовем это условно – администрации. Так ведь? Я согласен, что такое направление должно быть. Быть может, предложение, которое Вы выдвинули, то есть как раз предложение внести изменения в Кодекс законов о труде, я бы это рассматривал как одно из /возможных/ решений. Кодекс законов о труде? Разве я могу сегодня принять такое решение? Ведь посмотрите сами: Кодекс законов о труде является документом, установленным Сеймом, правда, это законодательство, принятое Сеймом. В связи с этим, этот вопрос, даже в такой форме, которая была предложена в качестве решения, можно представить как... именно как проект дополнений, внесения соответ-

ствующих дополнений в Кодекс законов о труде. Я так этот вопрос и представлю.

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Я предлагаю следующие пункты, потому что все равно здесь дискуссия долгая, и мы наверняка всего не исчерпаем. Будет у нас точка зрения – тогда мы сможем уже как-то подгонять возможные решения.

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Что касается... Что касается третьего пункта. „Соблюдать гарантированную Конституцией ПНР свободу слова, печати и публикаций, в связи с чем не подвергать преследованиям независимые издательства, а также предоставить доступ к средствам массовой информации представителям всех вероисповеданий". Что я хотел бы сообщить по этому вопросу в порядке информации? Не вызывает никаких сомнений постановка этого вопроса, поскольку тут мы имеем дело с гарантированной Конституцией свободой слова, печати и публикаций, правда, хотя сама тема является предметом беспокойства в области – я бы сказал – реализации. Все это гарантировано Конституцией! Значит, вопрос только в практике реализации. В связи с этим мы должны посмотреть на деятельность цензуры – так как я понимаю, что в широком контексте функционирования наряду с этим всех учреждений и институтов нашей – я бы сказал – социалистической демократии. Я думаю так: что именно среди всех этих учреждений, вопрос вообще о функционировании учреждения по контролю за массовой... за средствами массовой информации – представляет собой тот вопрос, которым нужно... нужно заняться. Все мы хотим – я говорю от имени Правительственной Комиссии – чтобы информация была полной, правдивой и добросовестной. Однако, я хотел бы сказать, что деятельность цензуры должна служить исключительно таким необходимым для государства и общественно-политической жизни интересам, как охрана государственной тайны, военной тайны, и может быть даже – в определенных случаях, потому что такова общепринятая практика – и в экономических вопросах.

Точно так же, как, например, ограничение распространения или возможностей распространения /материалов/ с содержанием, враждебным нашему строю, как охрана религиозных чувств, так же, как и чувств неверующих, как – я бы сказал – предохранение перед распространением вредных в моральном отношениее публикаций или даже – я бы сказал – порнографии. В связи с этим нужно подготовить соответствующий документ. Мы должны задуматься, каким должен быть этот самый документ, все это уточняющий. Каков должен быть порядок его подготовки и окончательной редакции. И какой – я бы сказал – государственный орган /должен этим заняться/. Я говорю о тех вопросах, которые должны быть, так сказать, решены в возможно более короткий срок. В возможно более короткий срок. Что же касается содержащегося в этом третьем пункте третьего требования, где говорится о прекращении репрессий против так называемых независимых издательств, то этот вопрос требует определенных выяснений. В этих издательствах публиковались до настоящего времени самые различные по содержанию материалы. От критических, но стоящих еще на грунте конституционных принципов нашего строя, и до – скажем ясно и открыто – антисоциалистических, а можно даже сказать, что иногда попадаются и такие, которые требуют изменения строя нашего государства. Есть и такие! И мы это должны публиковать? Ведь проблема может сводиться только к этому. Представление доступа к средствам массовой информации представителям всех вероисповеданий является предложением, которое может быть рассмотрено. У нас в этой области есть определенный опыт – что относится как к печати, так и к радио и телевидению. Существует – я так понимаю – проблема, касающаяся степени и масштаба доступа к этим, принадлежащим всему обществу, средствам для всех вероисповеданий. Эти вопросы могут быть подняты и обсуждаться с заинтересованными сторонами. Постоянно улучшающиеся отношения между государством и иерархией католической церкви в нашей стране, атмосфера полных религиозных

свобод – мне представляется, что они дают гарантию, что все проблемы в этой области могут быть решены в духе обсуждаемого предложения. Если бы я мог использовать хотя бы минуты две в том, что касается этого запроса или этого предложения... Можно?

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Разумеется.

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Тогда я хотел бы сообщить в порядке информации – потому что это связано, так сказать, с этой темой. Я непосредственно этой проблематикой не занимаюсь, но заинтересовался. Я хочу сказать так: мы являемся страной с самым высоким среди социалистических государств количеством и тиражом религиозной печати. Издается 115 религиозных периодических изданий общим одноразовым тиражом в 816 580 экземпляров. Они издаются 62 издательствами – различными церквами, церковными учреждениями, религиозными объединениями, общественными организациями и учреждениями религиозного характера. Всего издается 70 названий (почти 50 из них издает католическая церковь). Здесь можно среди периодических изданий выделить официальные церковные издания, которые насчитывают 25 названий; пастырские издания, которые служат духовной опеке верующих – 9 названий; 27 названий научных изданий – я их читаю; общественно-культурные издания – 16 названий; литургические издания – 10 названий, и еще 16 информационного характера. Мне не хотелось бы больше отнимать время или злоупотреблять этим временем, но могу сказать, что „Госць Недзельны" издается в качестве еженедельника тиражом 90 тысяч экземпляров, „Слово Повшехнэ" – 95 тысяч, а субботне-воскресное издание – от 150 до 200 тысяч экземпляров. Мне кажется, что все эти издания имеют полную возможность представлять точку зрения церкви, религиозных объединений, общественных организаций и религиозных учреждений в вопросах, связанных с верой, а также – я бы сказал – представлять соответствующие взгляды, касающиеся общественных

проблем. Эти издания – мне хотелось бы также отметить – распространяются не только у нас в стране, но и пересылаются в круги польской эмиграции за границей. Можно, пан председатель, перейти к четвертому пункту?

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Разумеется, только я бы хотел еще немножко на третьем задержаться. Тут еще надо сказать, что в общей сложности было очень много пожеланий. Тысячи людей просили, чтобы по радио богослужение для больных передавали, а это пожелание здесь не учтено, хотя в общем оно должно было быть. Ведь это же все для нас – все эти вещи, и если таково желание людей, то, мне кажется... я не вижу препятствий, чтобы все это предоставить.

ВОЙЦЕХ ГРУШЕВСКИЙ: Я хотел бы тоже на минуточку здесь задержаться, если пан премьер позволит. А именно, те цифры, которые пан премьер тут привел, довольно резко расходятся с действительностью. Я, собственно, научный работник, и у меня не слишком много времени остается на чтение прессы, однако иногда и я бы с удовольствием почитал бы „Тыгодник Повшехны". Так вот, почему-то так получается, что „Тыгодник Повшехны", эту ведущую католическую газету, я никаким образом достать не могу. Эта газета, по крайней мере у нас, на Побережье, приходит в количествах не более одного – словами: одного – экземпляра на киоск. Разумеется, иногда в более крупных пунктах продажи случается и большая цифра. Однако много есть и таких киосков, где вообщее невозможно достать этот очень хороший, популярный еженедельник. Зато я почти всегда могу приобрести „Глос Выбжежа", „Дзенник Балтыцки", „Жиче Варшавы", „Трибуну Люду" или иную официальную газету. Я думаю, что речь здесь не идет, быть может, о тираже – прошу прощения – речь здесь не идет о суммарном тираже католической печати, а скорее дело в том, каков относительный спрос на эти публикации среди народа. Мне представляется, что здесь были нарушены основные пропорции. Я привожу цифры, которые только что получил: тираж „Поли-

HSWB - J

тики" – 200 тысяч, тираж „Тыгодника Повшехного" – 40. Вы считаете, пан премьер, что это правильное соотношение? В католической стране, со столь массовой принадлежностью людей к католической церкви?

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Вы мне в самом начале сказали, что эти цифры расходятся с действительностью. Мне непонятно, почему вы мне ставите такой упрек, что они расходятся с действительностью? Я привел подлинные цифры. Я сказал, что никого на сегодняшнем собрании не обману! Никого! Я буду говорить всю правду! – я вам источник покажу. Что же касается вопроса, который Вы поставили, достаточно ли это количество или нет – то в свете, я так понимаю, вашего высказывания, оно недостаточно. Это вопрос увеличения тиража, но Вы мне не можете говорить, что то, что я сказал, расходится с действительностью. Я Вам могу такой пример привести, что некоторых газет Вы и в Варшаве не достанете. Тех, что Вы перечислили. Потому что это тоже вопрос величины тиража. И поэтому я с чувством полного уважения и признания по отношению к собравшимся здесь представителям хотел бы сказать, что я опираюсь на данных, которые можно проверить, и могу сообщить источник этой информации. Пан председатель, Вы позволите мне продолжить?

АЛИНА ПЕНЬКОВСКА: Тут была еще опущена одна часть этого требования, а именно: „в связи с чем не подвергать преследованиям независимые издательства" – меня бы это интересовало. Я могу Вас попросить высказаться, пан премьер?

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Я ответил! Я ответил вполне недвусмысленно. Вы можете прочитать то, что вы тут записывали – я ответил однозначно и недвусмысленно.

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Предлагаю /перейти/ к следующему...

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Я считаю, что не... А какое мое мнение, то я тоже сказал. Теперь, что касается пункта четвертого. Я бы предло... „восстановить в правах лиц, уволенных с работы за защиту прав работников, в особенности участников забастовок в 1970 и 1976 гг., студентов, исключенных из высших учебных заведений за их убеждения; освободить всех политических заключенных, в том числе Эдмунда Задрожиньского, Яна Козловского, Марка Козловского; прекратить преследования за убеждения". Я думаю так: лучше всего было бы к этому вопросу подойти конкретно. Это значит – определить, какие именно дела имеются в виду, с фамилиями людей, которых это касается, и каждое дело среди них можно было бы еще раз проверить, и я считаю, что там, где допущены ошибки – исправить! Но я так полагаю, что с соблюдением принципа, что за участие в забастовке человек не может подвергаться преследованиям! В подпункте втором этого пункта предлагается освободить политических заключенных – и приводятся три фамилии – которые были осуждены по суду за уголовные преступления, за воровство и участие в драке. Это приговоры, вынесенные независимыми судами, после проведения нормального, явного процесса со свидетелями и так далее. Если же, однако, эти дела недостаточно известны общественному мнению, может быть, по той причине, что эти люди не из Гданьска, те, что вы перечислили – то если вы хотите, чтобы вас ознакомили, вместе с общественностью, то это можно незамедлительно сделать, либо в форме соответствующей, значит, статьи, которая будет потом перепечатана, либо же в какой-то иной, значит, форме. Итак, я отвечаю положительно. И, наконец, отвечаю на третий подпункт – в настоящий момент, на основе информации, которая мне была сообщена перед моим отъездом, – в настоящее время в Польше нет политических заключенных, то есть лиц, осужденных за политические убеждения. Это заявление, которое я получил от министра юстиции.

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Можно, пан премьер? Тут такое дело, что

все эти дела, в общей сложности три, нам, общественности, известны. И в связи с этим мы знаем, как эти процессы выглядели. И поэтому, если мы действительно собираемся честно подходить к делу, то я предлагаю еще раз эти дела пересмотреть, но пусть уж эти люди будут на свободе! Потому что такая уж правда. Видели мы эти процессы – я был, и еще другие – и я вам сразу могу сказать – потому что я рабочий, и со словами не церемонюсь – что все это был чистый подлог! Спасибо. (*буря доносящихся из зала аплодисментов*)

ФЛОРИАН ВИШНЕВСКИЙ: Я так понимаю – Вишневский – так понимаю, пан премьер, что Вы здесь изложили суть дела так, как Вам ее соответствующее ведомство представило. А для нас здесь речь идет... ну, в совершенно другом, что ли, измерении. В таком измерении, чтобы человек, который предпринимает какие-то действия в соответствии со своими убеждениями, чтоб он не подвергался репрессиям разным... чтоб не преследовался. Я могу пример привести – я тут нахожусь на территории Судоверфи, а мой дом, квартира были под постоянным наблюдением милиции, потому что они знают, что как я въезжаю во двор, на стоянку, и там меня хотели по-просту взять. Я домой заглядывал... в трудных ситуациях, потому что у меня ведь четверо детей, а известно, что человек с такой семьей на плечах не стал бы рисковать, если можно так выразиться, ради глупостей. Впрочем, тут у председателя нашего комитета семеро детей. Я этого человека знаю, потому что он тоже работал на Электромонтаже два года. Это все вопросы трудные, я понимаю – трудные, но ими нужно заняться с точки зрения общественности. Не ссылаясь только на юридические обоснования. Можно ведь человека под разные вещи, как говорится, подвести. Это даже очень легко, я это знаю, и жизнь знаю, и знаю, как я должен все время за собой следить, потому что ты хочешь какие-то вещи исправить, улучшить... а они только и ждут, чтоб тебя поймать, как в ловушку. А я так считаю, что когда боролись за независи-

мость страны Америки, то они боролись во имя лозунга: „Человек рождается и живет свободным!" И это „рождается" и дает нам полный прогресс. Пан премьер, я думаю, что Вы меня поняли.

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Я Вас понимаю. Я Вас понимаю.

АНДЖЕЙ ГВЯЗДА: Пан премьер, до последнего времени в печати сообщалось, что в нашей промышленности, в нашей экономике все обстоит прекрасно – Гвязда Анджей – до недавнего времени господствовало обязательное мнение, что и у нас есть трудности, но в общем все идет хорошо. А теперь оказывается, что было множество недостатков, которые скрывались, укрывались, замалчивались. Вы на самом деле не можете допустить, что подобная же ситуация может быть и в системе правосудия? Почему там должно быть по-другому? Мне кажется, что эти дела, которые вызывают глубокие сомнения у общественности, вызывают сомнения у многих людей – пусть даже это неправильно, но хотя бы для реабилитации аппарата правосудия, стоило бы их тщательно и беспристрастно рассмотреть. Спасибо. (*буря аплодисментов из зала*)

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Я так понимаю, что был выдвинут вопрос... Вы позволите... значит, по отношению к этим трем лицам /дело/ должно быть вновь... если можно так выразиться – вновь рассмотрено, или же... Потому что я бы хотел, так сказать, взять это дело на заметку – или же...?

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Мы знаем этих людей. Их может быть и больше, но за этими делами мы наблюдали, и их общественность знает – как они выглядели. И поэтому было бы неплохо, если бы их действительно как можно быстрее выпустили, а потом уже можно было бы и проверять. Потому что в общей сложности люди страдают.

ФЛОРИАН ВИШНЕВСКИЙ: Там есть такая формулировка, к этому сводится... Это только один /пример/ среди многих, и я думаю, пан премьер, что следовало бы посоветоваться, что думают люди. Спросить у них, провести такой небольшой опрос, опрос общественного мнения. И это бы во многом оздоровило обстановку. Наверняка это повысило бы доверие к властям. Я так думаю, что некоторые местные /органы/ власти злоупотребляют /доверием/ и обманывают центральные государственные органы. (*буря аплодисментов из зала*)

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Значит, я понимаю так, что на фоне этого вопроса, который был тут поднят, ставится более общая, более принципиальная проблема. Если гово... Или можно еще так сказать. Здесь имеются две проблемы: относительно этих троих, что возможно только... так сказать... путем пересмотра дела... понимаете ли... Верховным Судом. Это один из способов решения относительно этих троих, конкретных лиц, о которых говорил пан председатель — и есть более обшая проблема, о которой Вы сказали. Я согласен, что так быть не должно... /.../[39]

„... МЫ ВЫСЛУШАЛИ ДОВОЛЬНО ПОДРОБНО..."

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Пан председатель, уважаемые собравшиеся. В силу обстоятельств я старался возможно более кратко представить точку зрения на отдельные выдвинутые проблемы. Я еще раз хочу сказать и подчеркнуть, что я представил ее с чувством полной ответственности за проблемы как работников, так и всей страны. И я хотел бы еще сказать — в заключение, чтобы уже больше не выступать — что я представлял все это таким образом, чтобы никто не мог меня упрекнуть — независимо от того, кем бы я ни был сегодня или завтра — не упрекнул меня в том, что я говорю и обещаю то, что невозможно выполнить. Я также хочу быть человеком честным, так чтобы я мог

каждому и здесь в Гданьске, и вне Гданьска, открыто посмотреть в глаза. И я еще хотел бы сюда приехать – и я, и мои дети. И поэтому я все излагал с чувством полной ответственности за реально существующие условия – чтобы то, что мы здесь обязываемся сделать, чтобы это последовательно выполнялось. Если бы я принял на себя обязательства, которые были бы нереальными, то это означало бы просто, что я поступил непорядочно. Я хотел бы поблагодарить за то внимание, которое вы мне уделили.

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Спасибо. Пан премьер, все мы выслушали довольно подробно. Представляется однако, что мы не сказали, почему так происходит, что каждый раз, через какое-то время – на этот раз все это продолжалось 10 лет, и я подозреваю, что, быть может, снова будет продолжаться еще десять – и мы вернемся к тому самому месту, где мы теперь находимся. Поэтому мне представляется, что следовало бы этому как-то воспрепятствовать. А чтобы воспрепятствовать или извлечь какие-то уроки – нужно знать причины. А здесь мы не услышали, почему так происходит, почему мы все время возвращаемся к старому, ходим по кругу и вновь приходим к тому же самому – и какие у нас есть гарантии, как у рабочих, как у работников, которые трудятся и в принципе не хотят бастовать – то есть добиваться таким образом того, что им полагается. Мне кажется, что в управлении, в руководстве, в проверке – что-то не так. Я в принципе рабочий – но я это так понимаю. Нет, мы никогда не исправим ошибок, если не найдем их корней. И здесь – хотя мы говорили, что только ознакомимся с позицией пана премьера – мне кажется, что это Вы еще должны нам разъяснить – какова позиция правительства, чтобы мы на этот путь... чтобы с этого пути сошли или, соответственно, на него больше не вступали. Спасибо.

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Я могу ответить. Могу ответить. Вы так сформулировали, в частности – я записывал, но не все – что причина того, что здесь имеют место такие события

и что мы их тут обсуждаем – означает, в частности, в том... связана с тем, что что-то в этом управлении и руководстве не так. Я согласен. Что-то не так. Что-то не так. Я предлагаю принять такую постановку вопроса. Следующую. Давайте условимся, я прошу вас мне верить: по этому вопросу выскажется ближайший пленум Центрального Комитета.

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Мы можем подсказать. Одно-то решение есть наверняка. То, что мы предлагаем, то, что мы заметили и видим. Свободные Профессиональные Союзы! Сильные и энергичные – такие, как хотят трудящиеся. Это не политический вопрос, это действительно противовес и контроль. Мы будем сами себя контролировать, будем сами видеть ошибки, сами подсказывать решения – и никогда с помощью таких средств, как это сейчас делается: когда палки в колеса вставляют людям, которые хотят что-то сказать, что-то сделать – не с помощью арестов, задержаний и увеличения аппарата властей, то есть милиции. И поэтому нужно было бы это дело проконтролировать. Потому что если мы все будем в полном порядке, если власть, правительство будет в порядке – то ему не придется так себя окружать милицией и органами безопасности. Спасибо. (*продолжительные аплодисменты*)

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Я предложил и по-прежнему предлагаю, чтобы мы к этой теме, о которой Вы... Я Вам прямо сказал, что я согласен. То, что Вы сказали насчет системы информации, руководства, управления, планирования – что-то не так. Поэтому нужно провести полную, углубленную оценку всех причин – тех, которые от нас не зависят, и тех, что зависят от нас, от нашей деятельности. Или – иначе говоря – просто осветить все причины. Это один вопрос. Я хочу сказать – еще раз – что этим вопросом в течение ближайших дней займется пленум Центрального Комитета нашей партии, /который/ представит полную оценку этих причин, а также предложит направления и программу, программу деятельности.

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Чтоб не затягивать, чтоб не играть в эти... Предлагаю, чтобы мы на этом месте закончили, сообщив при этом время начала наших следующих, уже конкретных дискуссий – при условии выполнения двух наших условий, которые мы уже сообщили ранее. Это значит: включение телефонов и вроде бы – если об этом идет речь – чтоб не было задержаний и арестов. И вот тогда мы действительно поговорим серьезно. Мы вам подскажем, мы хотим помочь и поможем. Мы такие небывалые вещи сделаем, что... весь мир поразится, удивится, что такое возможно. Потому что мы хотим и покажем, как на самом деле надо работать. Но только и исключительно тогда, когда мы будем понимать, что... так, как мы этого хотим, как мы это видим, как нам представляется, то есть так – это значит посредством Свободных Профсоюзов, посредством подсказок наших, разумных, логичных – мы встанем на ноги и вылезем из этих трудностей, в которых сейчас по уши сидим. Спасибо. Я предлагаю закончить эту дискуссию, назначив время /следующей встречи/. И еще один вопрос. Я хотел бы, чтобы коммюнике о нашей встрече было сообщено и обсуждено совместно, чтобы опять-таки в этом коммюнике не оказалось бы чего-то такого, чего мы не ожидаем. Поэтому я предлагаю сообща составить совместное коммюнике. Может, не в таком составе, но перед опубликованием чтоб с кем-нибудь, кто... просто чтоб одобрила и одна сторона, и другая, чтоб все было как положено, потому что мы хотим играть чисто и по-честному. И предлагаю еще – час и дату нашей следующей встречи. Мы будем ждать здесь – потому что мы должны – действительно должны – на этот раз решить все проблемы по-мужски. И не затягивая, не расходясь по рабочим местам, потому что непохоже, чтобы могли еще когда-нибудь снова так встретиться и все решить...

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Итак – мы все сказали и договорились. После нашего заседания я буду выяснять вопрос с отключением телефонов – и выясню. Буду выяснять. Что касается вопроса безопасности, я считаю, что без-

опасность должна быть и она будет гарантирована в соответствии с тем, что мы постановили. Это второй вопрос. Третий вопрос, который Вы выдвинули – это коммюнике. Я за то, чтобы коммюнике было. Я предлагаю, чтобы коммюнике было совместным. Чтоб было совместное коммюнике. Мы вместе беседуем. Но ведь – в таком составе мы никогда коммюнике не напишем. Нужно, так сказать, с одной стороны назначить лиц... В значительной... Моя практика показывает, что когда много людей, то писать невозможно. Я не... Я могу сказать, что можно сделать.

ЛЕХ ВАЛЕНСА: У нас уже есть, у нас уже есть возможные поправки.

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: В таком случае, я предлагаю уполномочить с нашей стороны...

ЛЕХ ВАЛЕНСА: И еще мы просили бы радиопередачу. Хотя бы на территории Гданьска.

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Простите?

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Мы тут уже согласовали ранее, что следующая встреча должна передаваться /по радио/, чтобы действительно... потому что тут нужно над одной вещью задуматься: кто-то может считать, что мы хотим распространять все это дело. Нет. Мы хотим, чтобы – если мы договоримся, а договориться мы наверняка должны – чтобы нас поняли. Чтобы люди, которые на нас рассчитывают, в это верили – и сразу добросовестно принялись за работу. Но только и исключительно тогда, когда наши условия будут приняты и выполнены.

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Я так понимаю, что возник четвертый вопрос – а именно, передачи по радио хода наших переговоров. Так?

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Мы ведь раньше это обсуждали, что есть такая возможность, ведь проблем вроде нет...

ЕЖИ КОЛОДЗЕЙСКИЙ: Это значит, прошу прощения, как вы это видите, как вы это себе представляете?

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Вы ведь сказали, что проблем нет, так что я просто держусь данного слова.

ЕЖИ КОЛОДЗЕЙСКИЙ: Но когда мы это говорили? Когда? Когда? Проблема-то все-таки имеется. Я хочу сказать, что Гданьск, местное телевидение имеет только некоторые выделенные часы. То же самое с радиопрограммами. Это довольно трудно представить. Сегодня мы два часа заседали, правда? Ну, скажем, заседание состояло главным образом в предварительном выяснении позиций. Было бы хорошо, если бы следующие наши встречи проходили вполне организованно. Нам бы всем не помешало немного отдохнуть. Правда? Так что я думаю, что нужно просто подумать над формой, то есть каким образом будет делаться эта передача. Предлагаю, чтобы по этому вопросу высказались по-простy специалисты. Я не специалист по радио- и телепередачам. Было бы, наверное, трудно, если бы всю радиопрограмму и всю телевизионную программу (я говорю о времени, предназначенном для Гданьска) пришлось бы посвятить только нашим переговорам. Это не пошло бы на пользу ни населению, ни нам.

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Я предлагаю решение: более обширные коммюнике, согласованные коммюнике.

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Да, это может быть решением. Добро. Тут как будто хотел выступить первый секретарь, председатель Воеводского народного совета /в Гданьске/, он хотел обратиться с одной просьбой, с предложением.

ТАДЕУШ ФИШБАХ: Я хотел бы сказать, обратиться к Пре-

зидиуму Межзаводского Забастовочного Комитета и к судостроителям, поскольку нам были представлены дополнительные предложения. По отношению к одним мы изложили свою позицию и приняли соответствующие решения, дальнейшие рассмотрим – помимо тех, которые пан премьер был любезен представить в изложении своей позиции по отношению к 21 основному пункту наших переговоров. Я хочу очень коротко сказать то, что я чувствую, ощущаю – и я знаю, что это мнение разделяют жители нашего города – помимо тех слов и проблем, которые были сегодня представлены. Волна боли, горечи, но и надежды заливает Побережье. Она охватывает тех, кто хотят – и могут. Я выражаю надежду, что это произойдет при нашем участии. И да будет мне позволено – также – выразить просьбу, потому что и такие были нам предложены. Если вы ее разделите – это будет символ того, к чему мы стремимся. Можно завтра пустить транспорт. Дети, школы... Сегодня мы все это видим по-другому, чем несколько дней назад. Это будет символ, что мы начали в духе доброй воли. И что какая-то часть нашей жизни вновь пришла в движение. Если бы это было так, то это означало бы, что беремся за эти вопросы так, как это и должно быть.

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Мы этот вопрос уже согласовали, и потому просили бы вас не откладывая заняться этими делами. Но вы уж нас извините: ни одно предприятие – обидно! досадно! нехорошо! некрасиво! – ни одно предприятие забастовку не прекратит! Потому что... (*буря аплодисментов в зале*) Так что я предлагаю не затягивать. А то, что... Разве что у вас, пан премьер, или у коллег ваших другие какие-то дела есть... Я предлагаю не затягивать, чтобы просто побыстрее подготовиться к решению всех этих вопросов. Или же...?

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: У меня других дел нет. Предлагаю, чтобы наш...

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Сроки, сроки! День! Час!

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Предлагаю, чтобы с нашей стороны в составлении коммюнике участвовал гражданин воевода. Кто-нибудь ему поможет... что же касается времени начала завтрашней встречи, то я бы предложил, чтобы мы... тем же методом, которым мы до этого пользовались. Просто... не знаю, насколько это возможно... мы воспользуемся тем же самым методом, то есть сообщим через гражданина воеводу, потому что мы должны завтра быть в Варшаве.

ЛЕХ ВАЛЕНСА: Ничего, мы подождем. Предлагаю в знак согласия спеть „Еще Польска не згинела..." (*пение национального гимна*) Мы тут ждем, значит, тихо, мирно, по-хорошему, без всяких этих... А теперь мне бы хотелось, чтобы мы красиво, как положено, попрощались с делегацией, мы наверняка договоримся, наверняка все будет так сделано, как это можно сделать.

ЧЛЕН ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ: Еще с нашей стороны по поводу коммюнике. У нас уже готово:

„Коммюнике о первой встрече 23 августа, представляющее позицию Правительственной Комиссии. 23 числа сего месяца вечером в Гданьской Судоверфи состоялась встреча Правительственной Комиссии под председательством вице-премьера Мечислава Ягельского с Президиумом Забастовочного Комитета в Гданьске под председательством Леха Валенсы. На заседании вице-премьер Ягельский представил позицию Правительственной Комиссии по отношению к списку 21 требования производственных коллективов. Представители МЗК представили обоснование требований бастующих коллективов. Переговоры должны быть продолжены. Подписали обе стороны".

ТЕКСТЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ ЛЕХА ВАЛЕНСЫ И МЕЧИСЛАВА ЯГЕЛЬСКОГО ПЕРЕД ПОДПИСАНИЕМ ПРОТОКОЛА ГДАНЬСКИХ СОГЛАШЕНИЙ 31 АВГУСТА 1980 ГОДА

ЛЕХ ВАЛЕНСА: А теперь мне бы еще хотелось, воспользовавшись перерывом, еще раз выразить благодарность пану премьеру и всем силам, которые не позволили решить дело каким-то насильственным путем – что мы действительно договорились, как поляк с поляком. Без применения силы, только и исключительно в беседах, в переговорах, с небольшими уступками. И так всегда и должно быть. Потому что не так-то просто и не так легко применять силу. Мы теперь понимаем, что все-таки это наше общее дело и что мы вместе должны поставить на ноги то, что было опрокинуто. Некоторые вещи нам придется наверстать, это факт. Мы должны почувствовать себя прежде всего хозяевами этой земли – и мы себя ими почувствуем и будем трудиться. И я – тот, кому вы верили и доверяли – говорю, что сделаю все, чтобы так оно и было. И я знаю, что вы мне поможете. И мы это сделаем. И потому это действительно огромное дело... Здесь не было никакого насилия... Все было сделано так, как это должно делаться. Как... Действительно наша сознательность с обеих сторон дошла до того, что тем силам, которые плани... предлагали как выход с помощью силы, победить не удалось. Победил разум и осмотрительность, которую представлял, как я полагаю – как мы все знаем – пан премьер Ягельский и какая-то довольно разумная группа. Спасибо. (*аплодисменты*)

МЕЧИСЛАВ ЯГЕЛЬСКИЙ: Я считаю своим долгом также сказать несколько слов. Работа подошла к концу так, как сказал пан председатель. Действительно, работа была нелегкая. Это были переговоры трудные, сложные, требующие значительных усилий, но они касались чрезвычайно важных вещей. Они касались, как проблем рабочих, как тех, кто здесь присутствует, так и отсутствующих, членов их семей, их близких, жен и детей, друзей и товарищей по работе. Мы старались в течение всего времени нашей работы, нашей общей работы, понять те побуждения, которые вами движут. По нашему адресу выдвигались острые аргументы. Мы тоже аргументировали. Мы показывали, какова ситуация, каковы возможности, что можно сделать, насчет чего можно обязаться и что потом можно последовательно осуществлять. Я подтверждаю и полностью поддерживаю то, что было сказано. Мы говорили так, как должны между собой говорить поляки. Как поляк говорит с поляком. (*аплодисменты*) И еще в заключение. И другую мысль я поддерживаю со всей остротой, а именно: нельзя нам так /вопрос/ ставить, когда мы выйдем из этого зала — нам этот дух сопутствовал все время в ходе заседаний — нет проигравших и нет выигравших. Нет побежденных и нет потерпевших поражение. Самое важное, что нужно ценить, это именно то, что мы договорились. Я сказал бы: столковались! Но важнейшим гарантом осуществления того, что мы сделали, является труд и его результаты. Только добросовестным трудом мы можем создать те материальные блага, которые потом будем делить. На нас смотрит вся страна. Так подадим же пример! Приступим все вместе, как это было заявлено — и я в это глубоко верю — к самоотверженному, добросовестному труду. Я думаю, и глубоко в этом убежден, что это будет лучшее свидетельство наших патриотических, польских, гражданских побуждений — что мы стремимся как можно лучше служить делу трудящихся, делу нашего народа, нашей социалистической родины — Польской Народной Республики. (*аплодисменты*)

ПРОТОКОЛ СОГЛАШЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИЕЙ И МЕЖЗАВОДСКИМ ЗАБАСТОВОЧНЫМ КОМИТЕТОМ 31 АВГУСТА 1980 Г. НА ГДАНЬСКОЙ СУДОВЕРФИ

Правительственная Комиссия и Межзаводской Забастовочный Комитет после рассмотрения 21 требования бастующих коллективов предприятий Побережья пришли к слелующим установлениям:

По пункту первому, который гласит: „*Признание независимых от партии и работодателей свободных профессиональных союзов, вытекающее из ратифицированной ПНР Конвенции №87 Международной Организации Труда, касающейся профсоюзных свобод*", установлено:

1. Деятельность Профессиональных Союзов в ПНР не оправдала надежд и ожиданий работников. Признается целесообразным создание новых самоуправляющихся профессиональных союзов, которые были бы подлинным представителем рабочего класса. Не оспаривается ничье право остаться в прежних профсоюзах, а в будущем можно предположить возможность установления сотрудничества между профсоюзами.

2. Создавая новые, независимые, самоуправляющиеся профсоюзы, МЗК заявляет, что они будут соблюдать принципы, определенные в Конституции ПНР. Новые профессиональные союзы будут защищать социальные и материальные интересы работников и не намерены играть роль политической партии. Они исходят из принципа общественной собственности средств производства, представляющего собой основу существующего в Польше социалистического

строя. Признавая, что ПОРП осуществляет руководящую роль в государстве, а также не подрывая установленной системы международных союзов, они стремятся к тому, чтобы трудящимся были предоставлены соответствующие средства контроля, а также возможность выражать свое мнение и защищать свои интересы. Правительственная Комиссия заявляет, что правительство гарантирует и обеспечит полное уважение независимости и самоуправляемости новых профессиональных союзов, как в отношении их организационной структуры, так и функционирования на всех уровнях их деятельности. Правительство обеспечит новым профессиональным союзам полную возможность осуществления основных функций в области защиты интересов трудящихся, удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей работников. Вместе с этим оно гарантирует, что новые профессиональные союзы не станут объектом никакой дискриминации.

3. Создание и деятельность независимых, самоуправляющихся профсоюзов соответствует ратифицированным Польшей конвенциям Международной Организации Труда №87 о профсоюзных свободах и охране прав профсоюзов и №98 о праве организовываться и коллективных переговорах. Множественность профсоюзных представительств и представительств коллективов работников будет требовать внесения соответствующих изменений в законодательство. В связи с этим Правительство обязуется предпринять законодательные инициативы, относящиеся в особенности к законодательству о профессиональных союзах, законодательству о рабочем самоуправлении, Кодексу законов о труде.

4. Возникшие забастовочные комитеты имеют возможность преобразовываться в местные органы представительства работников – как, например, рабочие комитеты, комитеты работников, рабочие советы или же в Учредительные Комитеты новых самоуправляющихся профессиональных союзов.

Межзаводской Забастовочный Комитет в качестве Учредительного Комитета этих профсоюзов имеет свободу вы-

HSWB - K

бора формы одного профсоюза или объединения в масштабе всего Побережья.

Учредительные Комитеты будут действовать вплоть до выбора новых руководящих органов в соответствии с уставом.

Правительство обязуется создать условия осуществления регистрации новых профессиональных союзов вне реестра ЦСПС.

5. Новые профессиональные союзы должны обладать реальной возможностью публично высказывать свое мнение по всем ключевым решениям, определяющим условия жизни трудящихся: принципов распределения национального дохода на фонд потребления и фонд накопления, распределения фонда общественного потребления на различные цели (здравоохранение, просвещение, культура), основных принципов вознаграждения за труд и направлений политики в области заработной платы, а в особенности прнципов автоматической корректировки заработной платы в условиях инфляции, многолетних хозяйственных планов, направлений капиталовложений, а также изменений цен. Правительство обязуется обеспечить условия для осущетсвления этих функций.

6. Межзаводской Комитет создаст центр социально-профессиональных исследований, задачей которого должен быть объективный анализ положения работников, бытовых условий трудящихся и способов представления интересов работников. Этот центр будет также выполнять экспертизы в области индекса заработной платы и цен, а также предлагать конкретные формы компенсации /роста стоимости жизни/. Этот центр будет также публиковать результаты своих исследований. Помимо этого, новые профессиональные союзы будут располагать своими издательствами.

7. Правительство обеспечит соблюдение в Польше предписаний статьи 1 п. 1 закона о профессиональных союзах от 1949 г., которая гласит, что рабочим и работникам гарантируется право добровольно объединяться в профессиональные союзы. Новые создающиеся профсоюзы не войдут в со-

став объединения, представляемого ЦСПС. Принимается, что новое законодательство сохранит этот принцип. Одновременно будет обеспечено участие представителей МЗК или учредительных комитетов самоуправляющихся профессиональных союзов или иных представительств работников в разработке проекта этого законодательства.

По пункту второму, который гласит: „*Гарантия права на забастовку, а также гарантия безопасности бастующих и содействующих им лиц*", установлено:

Право на забастовку будет гарантировано в подготовляемом законодательстве о профессиональных союзах. Законодательство должно определить условия объявления и организации забастовки, методы решения спорных вопросов и ответственности за нарушение закона. В отношении участников забастовки не могут применяться статьи 52, 64 и 65 Кодекса законов о труде. До момента принятия нового закона Правительство гарантирует бастующим и содействующим им лицам личную безопасность и сохранение прежних условий труда.

По пункту третьему, который гласит: „*Соблюдать гарантированную Конституцией ПНР свободу слова, печати и публикаций, в связи с чем не подвергать преследованиям независимые издательства, а также предоставить доступ к средствам массовой информации представителям всех вероисповеданий*", установлено:

а) Правительство в трехмесячный срок представит на рассмотрение Сейма проект закона о контроле печати, публикаций и зрелищ, основанный на следующих принципах: Цензура должна охранять интересы государства. Это означает охрану государственных, а также экономических тайн, пределы которых более подробно определяются предписаниями закона, вопросов безопасности государства и его важных международных интересов, охрану религиозных чувств, и в то же время чувств неверующих, а также воспрепятствование распространению вредных в моральном от-

ношении материалов. Проект закона должен будет также включать в себя право обжаловать решения органов контроля печати, публикаций и зрелищ путем обращения в Верховный Административный Суд. Это право будет также введено путем внесения соответствующих изменений Административного Процессуального Кодекса.

б) Пользование средствами массовой информации религиозными объединениями в области их религиозной деятельности будет осуществляться путем согласования проблем, касающихся содержания и организационной стороны дела, между государственными органами и заинтересованными религиозными объединениями. Правительство обеспечит трансляцию по радио воскресного богослужения в рамках детального соглашения с Епископатом.

в) Деятельность радио и телевидения, а также печати и издательств должна служить выражению разнородности мыслей, взглядов и суждений. Она должна находиться под общественным контролем.

г) Пресса, так же, как и граждане и их организации, должна пользоваться доступом к публичным документам (актам), в особенности административным, социально-экономическим планам и т. п., публикуемым правительством и подведомственными ему административными органами. Исключения из принципа гласности деятельности администрации будут определены в законодательстве в соответствии с пунктом 1.

По пункту четвертому, который гласит: „*А) Восстановить в правах: лиц, уволенных с работы после забастовок 1970 и 1976 гг., студентов, исключенных из учебных заведений за их убеждения. Б) Освободить всех политических заключенных (в том числе Эдмунда Задрожиньского, Яна Козловского и Марка Козловского). В) Прекратить преследования за убеждения*", установлено:

а) Безотлагательная проверка обоснованности увольнений с работы после забастовок 1970 и 1976 гг. Во всех заявленнных случаях и в случае констатации неправильности

немедленное возвращение на работу, если заинтересованные пожелают этого, с учетом приобретенных за истекшее время квалификаций. Это найдет себе соответствующее применение и в случаях исключенных студентов.

б) Передача дел лиц, упомянутых в пункте Б), на рассмотрение Министру юстиции, который в двухнедельный срок даст делу соответствующий ход: в случаях, когда упомянутые лица лишены свободы – прервание исполнения наказания до времени окончания процесса.

в) Рассмотрение обоснованности временного ареста и освобождение лиц, перечисленных в приложении.

г) Полное соблюдение свободы выражать убеждения в общественной и профессиональной жизни.

По пункту пятому, который гласит: „*Сообщить в средствах массовой информации о создании Межзаводского Забастовочного Комитета и опубликовать его требования*", установлено:

Выполнением этого требования будет являться обнародование в средствах массовой информации, распространяющихся по всей стране, настоящего протокола.

По пункту шестому, который гласит: „*Предпринять конкретные действия, направленные на выведение страны из кризисной ситуации, посредством: а) публичного обнародования полной информации о социально-экономическом положении, б) предоставления возможности участвовать в обсуждении программы реформ всем слоям общества и группам населения*", установлено:

Мы считаем обязательным значительное ускорение работ над экономической реформой. Органы власти определят и в течение ближайших месяцев опубликуют основные положения этой реформы. Следует обеспечить возможности широкого участия в публичном обсуждении этой реформы. Профсоюзы должны участвовать в особенности в разработке законов о социалистических хозяйственных организациях и о рабочем самоуправлении. Экономическая реформа

должна опираться на радикальным образом расширенную самостоятельность предприятий и на подлинное участие рабочего самоуправления в управлении. Соответствующие постановления должны гарантировать осуществление профессиональными союзами функций, определенных в пункте первом настоящего соглашения.

Только знакомое с сутью проблем и хорошо ориентирующееся в действительном положении дел общество может быть инициатором и проводить в жизнь программу упорядочения нашей экономики. Правительство принципиальным образом расширит объем социально-экономической информации, доступной для общественности, профсоюзов, а также хозяйственных и общественных организаций.

Помимо этого, МЗК требует:

– создать прочные перспективы для развития семейного крестьянского хозяйства – основы польского сельского хозяйства,

– уравнять различные секторы сельского хозяйства в праве доступа ко всем средствам производства, с землей включительно,

– создать условия для возрождения сельского самоуправления.

По пункту седьмому, который гласит: „*Выплатить всем участвующим в забастовке работникам вознаграждение за период забастовки как за очередной отпуск из фондов ЦСПС*", установлено:

Устанавливается, что работникам бастующих производственных коллективов выплачивается за период забастовки аванс в размере 40% вознаграждения, а после приступления к работе работникам выплачивается дополнение до 100% вознаграждения, исчисляемого как за период очередного отпуска, на основе 8-часового рабочего дня. МЗК обращается к объединенным в его рамках коллективам, чтобы после окончания забастовки, в сотрудничестве с дирекциями предприятий, они предприняли меры, направленные на повышение производительности труда, экономии материалов и

энергии и добросовестного выполнения своих обязанностей на каждом рабочем месте.

По пункту восьмому, который гласит: „*Повысить основную ставку заработной платы каждого работника на 2000 злотых в месяц в качестве компенсации за рост цен*", установлено:

Будут вводиться постепенные повышения заработной платы всех групп работников, а прежде всего – наиболее низкой заработной платы. Достигнута договоренность, что, в качестве общего принципа, заработная плата будет повышаться на отдельных предприятиях и в отраслевых группах. Повышение осуществляется и будет осуществляться при учете специфики профессий и отраслей в направлении повышения основной ставки на один разряд тарифной сетки, либо же соответствующего увеличения прочих составляющих элементов зарплаты или разряда тарифной сетки. По отношению к работникам умственного труда на предприятиях – повышение заработной платы, соответствующее одному разряду (группе) индивидуальной тарифной сетки. Введение обсуждаемых в настоящее время повышений заработной платы наступит до конца сентября с. г. в соответствии с договоренностями, достигнутыми по отраслям. Правительство после проведения анализа по всем отраслям представит до 31.10.1980 года согласованный с профсоюзами план роста заработной платы с 1.01.1980 г. для лиц с наиболее низким уровнем заработной платы, с уделением особого внимания многодетным семьям.

По пункту девятому, который гласит: „*Гарантировать автоматическое повышение заработной платы с ростом цен и падением покупательной силы денег*", установлено:

Принято считать обязательным /мероприятием/ приостановку роста цен товаров широкого потребления путем усиленного контроля над общественным и частным сектором, и в особенности – прекращение так называемого негласного повышения цен. В соответствии с решением Пра-

вительства будут проводиться исследования структуры прожиточного минимума (стоимости жизни). Эти исследования будут также проводиться профессиональными союзами и научными учреждениями. До конца 1980 года Правительство разработает принципы компенсации роста стоимости жизни, которые будут представлены на публичное обсуждение, а после согласования – введены в действие. Эти принципы должны учесть проблему гарантированного прожиточного минимума.

По пунктам: десятому, который гласит: „*Обеспечить полное снабжение внутреннего рынка продовольственными товарами, а экспортировать только излишки*"; одиннадцатому, который гласит: „*Упразднить коммерческие цены и продажу товаров на валюту в рамках так называемого внутреннего экспорта*"; тринадцатому, который гласит: „*Ввести продовольственные карточки на мясо и мясные изделия вплоть до стабилизации положения на рынке*", установлено:

Установлено, что до 31.12.1980 г. будет улучшено снабжение населения мясом благодаря, в частности: повышению окупаемости сельскохозяйственного производства, ограничению до необходимого минимума экспорта мяса, а также дополнительного импорта мяса. Одновременно в те же самые сроки будет представлен план улучшения снабжения населения мясом с учетом возможности введения карточной системы.

Согласовано, что в магазинах „Певэкс" не будет проводиться продажа дефицитных товаров широкого потребления отечественного производства. О принятых решениях и мероприятиях в области снабжения рынка население будет проинформировано до конца текущего года.

МЗК предлагает осуществить ликвидацию коммерческих магазинов, а также упорядочить и унифицировать цены на мясо и мясные изделия на среднем уровне.

По пункту двенадцатому, который гласит: „*Ввести систему подбора руководящих кадров по принципу квалифи-*

кации, а не партийной принадлежности, а также упразднить привилегии сотрудников милиции, органов госбезопасности и партийного аппарата путем: – уравнивания размера пособий на находящихся на иждивении членов семьи, – ликвидации специальных форм продажи, снабжения и т. п.", установлено:

Принимается требование последовательного применения /принципа/ подбора руководящих кадров на основе принципов квалификации и компетентности, как членов /коммунистической/ партии, /прочих/ политических партий, так и беспартийных. Программа уравнивания пособий на находящихся на иждивении членов семьи для всех профессиональных групп будет представлена Правительством до 31.12.1980 г. Правительственная Комиссия заявляет, что /в качестве форм продажи и снабжения в данном случае/ работают только буфеты и столовые для работников, как и на иных производственных предприятиях или в учреждениях.

По пункту четырнадцатому, который гласит: „*Понизить возраст, дающий право ухода на пенсию по старости, для женщин – до 50 лет, и для мужчин – до 55 лет; или же, при наличии трудового стажа в ПНР для женщин – 30 лет, и для мужчин – 35 лет, независимо от возраста*", установлено:

Правительственная Комиссия считает данное требование невозможным для удовлетворения в настоящий момент, в теперешней экономической и демографической ситуации в стране. Этот вопрос может быть подвергнут обсуждению в будущем.

МЗК предлагает изучить этот вопрос до 31 декабря 1980 г. и учесть возможность перехода на 5 лет раньше на пенсию по старости работников, занятых на работе в трудных условиях (/стаж/ 30 лет для женщин и 35 лет – для мужчин, а в случае особо тяжелой работы – не менее 15 лет). Это должно происходить исключительно по инициативе самого работника.

По пункту пятнадцатому, который гласит: „*Повысить размер пенсий по старости или нетрудоспособности, начисля-*

емых по старой системе, до уровня выплачиваемых в настоящее время по новой системе", установлено:

Правительственная Комиссия заявляет, что повышение наиболее низких пенсий по старости или нетрудоспособности будет осуществляться ежегодно в соответствии с экономическими возможностями страны, а также с учетом повышения наиболее низкой заработной платы. Правительство представит программу осуществления этого мероприятия в срок до 31.12.1980 г. Правительство подготовит предложения, направленные на повышение наиболее низких пенсий по старости и нетрудоспособности до уровня так называемого гарантированного прожиточного минимума, определенного на основе исследований соответствующих институтов, предоставленных для сведения общественности и подвергнутых контролю профессиональных союзов. МЗК подчеркивает чрезвычайную срочность этого вопроса и настаивает на требовании уравнивания размеров пенсий, начисляемых по старой и новой системе, а также учета стоимости жизни.

По пункту шестнадцатому, который гласит: „*Улучшить условия труда работников системы здравоохранения, что обеспечит полноценное медицинское обслуживание всех трудящихся*", установлено:

Признано необходимым немедленное повышение производственных мощностей в области капитального строительства для нужд здравоохранения, улучшение заработной платы всех работников службы здравоохранения (изменение тарифной сетки ставок заработной платы для санитарок и медсестер), а также срочная разработка правительственной и ведомственной программ улучшения состояния здоровья населения. Прочие направления деятельности в этом направлении содержатся в приложении. /.../

По пункту семнадцатому, который гласит: „*Обеспечить необходимое количество мест в яслях и детских садах для детей работающих женщин*", установлено:

Комиссия полностью разделяет содержание этого требо-

вания. Соответствующая программа будет представлена воеводскими властями в срок до 30 ноября 1980 г.

По пункту восемнадцатому, который гласит: „*Ввести оплачиваемый отпуск по материнству сроком на 3 года для воспитания ребенка*", установлено:

В срок до 31 декабря 1980 г. по договоренности с профессиональными союзами будет проведена оценка возможностей народного хозяйства и определен период времени и размер месячного пособия для женщин, пользующихся правом на отпуск по воспитанию ребенка в настоящее время – без сохранения содержания. МЗК предлагает в проведенном анализе учесть введение такого пособия в размере полного ежемесячного вознаграждения в течение первого года после рождения ребенка, и 50 процентов – в течение второго года, в сумме не ниже 2000 злотых в месяц. Это требование должно осуществляться постепенно, начиная с первого полугодия 1981 года.

По пункту девятнадцатому, который гласит: „*Уменьшить срок ожидания в очереди на получение квартиры*", установлено:

До 31 декабря 1980 г. воеводские власти представят программу улучшения жилищной ситуации, имеющую целью сокращение времени ожидания получения квартиры. Эта программа будет подвергнута широкому общественному обсуждению населения воеводства, а также проконсультирована с соответствующими организациями (ОПУ,[1] САП,[2] ГТО[3] и пр.). Программа должна также учитывать использование существующих домостроительных комбинатов, а также дальнейшее развитие производственной базы строительства. Такие же мероприятия будут предприняты во всей стране.

По пункту двадцатому, который гласит: „*Повысить размер командировочных с 40 до 100 злотых в сутки плюс надбавка за пребывание вне дома*", установлено:

Согласовано, что с 1 января 1981 г. будет повышен размер командировочных и надбавки за пребывание вне дома. Предложения по этому вопросу будут представлены Правительством до 31 октября 1980 г.

По пункту двадцать первому, который гласит: „*Объявить все субботы нерабочими днями. Работающим на предприятиях с непрерывным производственным процессом, или же по 4-бригадной системе со скользящим графиком, скомпенсировать отсутствующие выходные субботние дни путем добавления дополнительных дней к очередному отпуску или предоставления других оплачиваемых выходных дней*", установлено:

До 31 декабря 1980 г. будут разработаны и представлены принципы и способ реализации программ введения выходных оплачиваемых субботних дней или другого способа регулирования сокращенного рабочего времени. Эта программа будет учитывать повышение количества выходных оплачиваемых субботних дней уже в 1981 г. Другие направления деятельности в этой области содержатся в приложении, содержащем требования МЗК.

Приложение к пункту 21:

1. Заменить распоряжение Совета Министров по вопросу способов начисления вознаграждения за отпуск и по больничному листу в 4-бригадной системе. В настоящее время применяется средняя зарплата за 30 дней (а люди работают в месяц 22 дня). Такой способ начисления занижает средний дневной заработок при непродолжительных периодах заболевания, а также занижает компенсацию за отпуск.

2. Требуем упорядочения в едином правовом акте (распоряжении Совета Министров) принципов исчисления вознаграждения за период отсутствия на рабочем месте в каждом отдельном случае. Неясность предписаний в данном во-

просе в настоящее время используется против интересов работников.

3. Отсутствие выходных субботних дней для работающих по 4-бригадной системе скомпенсировать дополнительными днями отпуска. Теперешнее большее количество свободных от работы дней в 4-бригадной системе по сравнению с другими системами играет роль периода отдыха после более утомительной работы, а не в действительности выходных дней. Выдвигаемые администрацией аргументы, что подобные компенсации должны предоставляться только после того, как сравняется число часов, проработанных в обеих системах, не представляются обоснованными.

4. Требуем всех выходных субботних дней в месяце, как в других социалистических странах.

5. Требуем отмены статьи 147 КЗоТ, которая допускает удлинение средней нормы проработанного времени до 9 часов в неделю при предоставлении дополнительных выходных дней, а также ст. 148. В настоящее время у нас одна из самых продолжительных норм рабочего времени в Европе.

6. Укрепить значение условных постановлений, относящихся к вознаграждению за работу, путем введения изменений в КЗоТ, а именно: что не только изменение личного разряда тарифной сетки или других составных элементов вознаграждения, но также изменения метода начисления вознаграждения (система повременной оплаты – на сдельщину) требует предварительного расторжения трудового договора работодателем.

Следует также ввести принцип, чтобы ставка, соответствующая личному разряду тарифной сетки, применялась при сдельной оплате в принципе для всех работ, которые выполняет работник. Следует одновременно упорядочить вопрос использования молодых работников в соответствии с их квалификациями, чтобы предыдущее установление не сделалось дополнительным барьером в их профессиональном продвижении.

7. Ввести в посменной системе повышение до 50 процентов надбавки за работу в ночные часы в системе повремен-

ной оплаты, и до 30 процентов истинного заработка – в системе сдельной оплаты. Требуем также введения надбавки за работу в вечернюю смену (как в химической промышленности).

Предлагается, чтобы правительство рассмотрело эти требования до 30 ноября 1980 г.

По совершении вышеприведенных установлений было согласовано следующее:

Правительство обязуется:

– обеспечить личную безопасность и сохранить прежние условия труда для участников настоящей забастовки, равно как и для лиц, содействующих забастовке;

– рассмотреть в рамках ведомственной системы специфические отраслевые проблемы, выдвинутые коллективами всех объединенных в МЗК бастующих предприятий;

– незамедлительно обнародовать в средствах массовой информации, распространяющихся по всей стране (пресса, радио, телевидение), полного текста протокола настоящего соглашения.

Межзаводской Забастовочный Комитет обязуется закончить забастовку с 17.00, 31 августа 1980 г.

Президиум МЗК

Председатель Лех Валенса
Заместитель председателя Анджей Колодзей
Заместитель председателя Богдан Лис

Члены:

Лех Бондковский
Войцех Грушевский
Анджей Гвязда
Стефан Издебский
Ежи Квечик
Здзислав Кобылинский
Хенрика Кшивонос
Стефан Левандовский
Алина Пеньковска
Юзеф Пшибыльский

Ежи Сикорский Тадеуш Станны
Лех Собешек Анна Валентинович
Флориан Вишневский

Правительственная Комиссия

Председатель Мечислав Ягельский, заместитель Председателя Совета Министров ПНР

Члены:
Збигнев Зелинский, член Секретариата ЦК ПОРП
Тадеуш Фишбах, председатель Воеводского Народного Совета в Гданьске
Ежи Колодзейский, гданьский воевода

Ниже приводится первоначальный состав МЗК, Правительственной Комиссии и групп экспертов с обеих сторон.

Межзаводской Забастовочный Комитет (выбран в ночь с 16 на 17 августа 1980 г.)

Лех Валенса (электромонтер, Гданьская судоверфь – „Зремб-Электромонтаж")
Иоанна Дуда-Гвязда (инженер-судостроитель, ЦЕТО)
Богдан Лис (грузчик, „Элмор")
Анна Валентинович (сварщица, Гданьская судоверфь им. Ленина)
Флориан Вишневский (инспектор по охране труда, „Электромонтаж")
Лех Ендрушевский (монтер, судоверфь „Парижская Коммуна")
Стефан Издебский (докер, Управление порта в Гдыне)
Хенрика Кшивонос (водитель трамвая, Воеводское транспортное предприятие)
Тадеуш Станны (техник-химик, нефтеперерабатывающий комбинат)

Стефан Левандовский (крановщик, Управление порта в Гданьске)
Лех Собешек (слесарь-наладчик, „Сяркопол")
Юзеф Пшибыльский (слесарь-наладчик, „Дубимор")
Здзислав Кобылинский (кладовщик, Государственный Автотранспорт, отд. в Гданьске)
Анджей Гвязда (инженер, „Элмор")
Алина Пеньковска (медсестра, поликлиника при Гданьской судоверфи им. Ленина)

Впоследствии вместо Леха Ендрушевского в МЗК вошел Анджей Колодзей (сварщик, судоверфь „Парижская Коммуна")

Четыре дня спустя в МЗК входят представители двух верфей, до этого бастовавших независимо:

Ежи Сикорский (монтер, Ремонтная судоверфь)
Ежи Квечик (сварщик, Северная судоверфь)

МЗК кооптирует в свой состав еще двух членов:

Ежи Бондковский (писатель, Гданьское отделение Союза Польских Писателей)
Войцех Грушевский (кандидат наук, инженер-химик, Гданьский Политехнический институт)

Группа экспертов МЗК

Т. Мазовецкий (главный редактор журнала „Вензь")
Б. Геремек (доцент, историк)
Т. Ковалик (доцент, экономист)
А. Веловейский (публицист)
Я. Станишкис (доктор наук, социолог)
В. Кучиньский (кандидат наук, экономист)
Б. Цывиньский (кандидат наук, историк)
Я. Стшелецкий (профессор, социолог)
Л. Кубицкий (доцент, юрист)

Правительственная Комиссия

Мечислав Ягельский (заместитель Председателя Совета Министров, профессор)
Тадеуш Фишбах (первый секретарь ВК ПОРП в Гданьске, кандидат наук)
Ежи Колодзейский (гданьский воевода, профессор)
Анджей Единак (министр станкостроения и сельскохозяйственного машиностроения)
Збигнев Зелинский (заведующий отделом промышленности и строительства ЦК ПОРП)
Михаил Зубелович (зам. министра администрации, земельных угодий и охраны окружающей среды)
Кшиштоф Кучинский (зам. министра машиностроения)
Тадеуш Зюлковский (зам. министра внешней торговли и морского хозяйства)
Станислав Вылупек (зам. министра связи)
Б. Бельский (зам. министра торговли и услуг)

Группа экспертов Правительственной Комиссии

Юзеф Паестка (профессор, доктор наук, экономист)
Антони Райкевич (профессор, доктор наук, специалист по общественным наукам)
Чеслав Яцковский (профессор, доктор наук, юрист)

ЗЛА В ЛЮДЯХ, МОЖЕТ, И НЕТ...

АННА ВАЛЕНТИНОВИЧ – на вопрос о том, как все началось.

(Нужно, чтобы мы знали все с самого начала, и тогда, может, сумеем понять, что произошло. А именно – что произошло четырнадцатого августа 1980 года, в двенадцать часов с минутами, когда при входе на Гданьскую судоверфь /им. Ленина/ Анна Валентинович увидела стоящих в воротах и ждущих ее женщин с цветами, и услышала, как какие-то люди просят ее подняться на экскаватор и сказать несколько слов).

Мне пятьдесят один год, родилась я на Волыни.

У меня были мать, отец и брат. Когда началась война, отец пошел на фронт, брата забрали и вывезли /на Восток/,[1] а мать умерла от сердечной болезни. Меня приютили чужие люди. Вернувшись в Польшу, я начала ходить по деревням и наниматься на работу: летом – на жатве, осенью – продавать кухонные ножи, которые мои хозяева делали из старых кос, а зимой хозяева самогон гнали, и я ночью следила, чтобы котел не разнесло, а днем носила на спине мешок с бутылками – на продажу. В обмен на ножи и самогон мне давали муку, картошку и керосин, которые я носила обратно к моим хозяевам.

Приехали мы в Гданьск. Хозяева получили от УНРРы[2] кобылу и корову, паничи в школу пошли, а я должна была хозяйством заняться. Я-то в школу не ходила, разве что до войны, тогда я четыре класса кончила, хоть в бумагах и пишу, что семь. Нужно было анкету заполнить, чтоб на курсы сварщиков поступить, и я написала, что четыре, а товарищ один говорит – что ты, Аня, переделай на семерку. Из четверки совсем нетрудно семерочку сделать, ну, так и

осталось, хоть по правде я уж никогда потом не училась, разве что на курсах для неграмотных на верфи да на курсах сварщиков.

Хозяева мои богатели, у них уже и лошади были, и свиньи, и жеребята, пять коров и куры, и они уже работников себе нанимали. Я вставала в четыре утра, чтоб всю живность накормить и приготовить завтрак для работников, а в семь шла в поле работать и коров пасти, возвращалась в семь вечера, доила коров, шла с серпом и тележкой за крапивой для свиней, через соломорезку ее прокручивала, потом в двенадцать ложилась, а в четыре вставала скотину кормить.

Я не к тому все это говорю, чтоб винить кого-то, а чтоб в точности все передать, как оно было.

Однажды заметили мы в кустах перед домом — там самшит рос — какую-то могилку. Решили ее на кладбище перенести, и я начала уже копать, но это не могилка была, а коробка закопанная. Я ее открыла — а там золотые часы, брошки и колечки, а одно особенно красивое было, как змея трижды обвившаяся, с глазом голубым — но тут хозяйка прибежала, все к себе в подол ссыпала и унесла.

В сочельник поставили мне на кухне тарелку и принесли облатку для причастия. Я не хотела одна сидеть и пошла к лошадям, и поделилась своей облаткой с кобылой Злоткой. Уж такая была это кобыла красивая, в приводе по кругу ходила как артистка, не шагала, а танцевала прямо, мышцы все напряжены — вот, так! — и после двух кругов уже вспотеет вся, такая была нежная да деликатная. Я ей пожелала к Рождеству что положено, а она заржала — если такие вещи не нужны, так Вы вычеркните потом, я говорю только, чтоб все в точности было, Вы ведь сами спрашивали.

В середине лета решила я отправиться куда глаза глядят. Шла, шла, да и заснула, дальше иду и думаю что делать. Лучше всего было б жизни себя лишить, но как? Хозяева мои из павшей скотины мыло делали, и я видела, как едкий натр быстро растворяет все-все косточки. Хорошо было б немного этого натра раздобыть, да где? Так я себя жизни не лишила и дальше пошла.

Попала я в пекарню, да так и осталась, потому что стояли там целые корзины с белыми булками, и представьте себе только, что могла я их есть сколько хотела. Как будто так и надо – булки лежат, а я беру и ем. Никто не говорит, что брать нельзя, я и беру – и ем сколько захочется.

Сколько я добрых людей в своей жизни встретила! И тех, что позволили мне белые булки есть, и тех, что задаром отдали под жилье полуподвал, и тех, что печку подарили, чтобы я ее в полуподвал поставила (если что отморозишь, то лучше такой печки не придумаешь, только нужно сначала намазать тело керосином, а потом греть на открытом огне, пока керосин не испарится), но важнее всех был один человек, который сказал – что ты тут сидишь? На верфь иди, получишь специальность и станешь человеком.

Я тогда всю ночь не спала. Молюсь Богоматери Остробрамской, а сердце в груди так и бьется: только бы приняли меня на эту верфь, только бы приняли. Но Матерь Божья меня услышала, и в ноябре 1950 года приняли меня на курсы сварщиков. Восьмого ноября, чтоб совсем точно было, вот тут печать стоит, а рядом – другая, восьмого августа 1980 года, об увольнении. Тридцать лет – совпадение какое, правда?

Год спустя мой снимок в первый раз появился в газете, в статье „Наши передовики", и с того времени появлялся все чаще и чаще – перед Фестивалем Молодежи в Берлине, по случаю Конгресса Профсоюзов (мы тогда втроем поехали – Солдек, Голомбек и я, как делегаты от нашей верфи), а также на Доске Почета, что на площади. Я там в комбинезоне стою, во время работы, в одной руке держу маску, а в другой – сварочную горелку. Рядом со мной стоит Вишьневска Ядвига – двести сорок процентов нормы, и Секула Эмилия – двести десять процентов. У меня были самые высокие показатели – двести семьдесят процентов нормы. Доска Почета стояла перед дирекцией, а над ней красной краской было написано „ПЕРЕДОВЫЕ СВАРЩИЦЫ ИЗ БРИГАДЫ ИМ. РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ".

Самым важным событием в те годы был Фестиваль Молодежи в Берлине в 1951 году. Сначала мы провели две недели

в подготовительном лагере, где нас учили разным вещам: как ходить строевым шагом, уметь петь хором „Эй, вы кони, вы кони стальные", а также отвечать на вопросы агентов империализма. Самое главное – это нельзя было дать себя уговорить остаться /на Западе/, а лучше всего было держаться своей группы и ни на чьи вопросы не отвечать вообще. Помню, один молодой шахтер из Силезии сказал тогда – если б ко мне подошел империалистический провокатор, откуда мне знать, как бы я тогда себя повел? В ответ на что поднялся товарищ из Ольштына, высокий такой блондин, и сказал – если уж сейчас товарищ не знает, как бы он себя повел, то что ж тогда будет в Берлине? И шахтеру пришлось написать заявление, что он неважно себя чувствует со здоровьем, и вернуться к себе в Силезию.

Что до меня, то я сидела тише воды, ниже травы, и повторяла сама про себя, что уж я-то наверняка ни перед каким провокатором даже рта не раскрою.

Восемнадцатого августа у нас в Берлине было первое посещение выставки, чешской. Мы ходили по ней по двое, а при выходе глядим – нет нашего товарища из Ольштына, того высокого, что не был уверен, как поведет себя шахтер. Устраиваем перекличку, считаемся – нету. Идем к себе, где нас разместили, никому ни с кем разговаривать нельзя, а с чужими и подавно... Ну и с тех пор каждый день убывало по одному, по два делегата, только уже без переклички и пересчитывания. Нам только строго-настрого запретили рассказывать, когда вернемся, что произошло, а если кто спросит, то говорить, что, мол, враждебная пропаганда.

Я об этом Фестивале так подробно рассказываю, потому что это было важное событие в моей жизни: впервые я сама столкнулась с ложью, и впервые моя организация велела мне обманывать других.

Седьмого сентября 1952 года родился мой сын. Об отце его рассказывать не буду, потому что не стоит: еще перед свадьбой он показал свое истинное лицо, и я решила не выходить замуж.

Жила я с моим ребеночком какое-то время в Доме матери

HSWB - L

и ребенка, а потом написала письмо Болеславу Беруту, и мне дали квартиру. Вот это и есть та самая квартира, на улице Грюнвальдской, комната и кухня, 53 квадратных метра, летом вся насквозь залитая солнечным светом.

АННА ВАЛЕНТИНОВИЧ в ответ на мое замечание, что ее история — это биография образцового рабочего, как Ванды Гошьчиминьской, или Апрыаса, или братьев Бугдол — при этом, однако, никто из этих людей не стал во главе забастовки. Можно ли вообще указать какой-то определенный день, какое-то событие, которое мы могли бы считать началом того пути, который привел ее к воротам Гданьской судоверфи 14 августа 1980 года?

В коллективе нашего цеха я была представительницей Лиги женщин. Раз в неделю мы собирались и распределяли премии и взыскания. Каждый выдвигал на премии „своих людей", и когда дело доходило до моих женщин, денег уже не было. Я протестовала и говорила, что это несправедливо.

Как-то раз нам выделили три тысячи злотых. Мы собирались их разделить между десятью рабочими, каждому по триста, но оказалось, что денег уже нет: их получили трое членов комитета, каждый по тысяче. Впрочем, двое из них, как люди говорили, все равно были вынуждены отдать эти деньги председателю комитета, который постоянно покупал лотерейные билеты и никак не мог выиграть. Я тогда публично заявила, в первый раз, что у нас забирают деньги, которые полагаются рабочим. На другой день мастер шепотом сообщил мне — пани Аня, звонили насчет вас и велели явиться... если вы оттуда не вернетесь, как быть с ребенком?

Меня спрашивали, не слушаю ли я зарубежные радиостанции. Я сказала, чтобы они не прикидывались, и что дело вовсе не в радио, а во вчерашнем заседании. На работу я вернулась через несколько часов. Вы думаете, что это можно считать началом?

(Нет, наверное, нет. Подобных историй с премиями, заседаний и допросов были тысячи, только вот люди, которых

вызывали „на беседу", обычно потом переставали выступать на собраниях, а Анна Валентинович по-прежнему продолжала говорить об обидах и несправедливости.)

АННА ВАЛЕНТИНОВИЧ – на вопрос, не боялась ли она.

В 1964 году я вышла замуж.

А год спустя заболела раком.

После операции меня облучали радием сто четыре часа, а когда я выходила из больницы, то врач сказал, что у меня еще в лучшем случае пять лет жизни.

Срок, который мне назначили врачи, кончился в 1970 году. Сразу же после этого разразились Декабрьские события– этот вопль, это слепое отчаяние, с которым люди вышли на улицы.

Я подумала – пять лет прошло, а я живу. Если Господь Бог даровал мне жизнь, то ведь верно для того, чтобы я както по-умному с ней поступила. И раздумывала – что бы это такое могло быть.

Я знала, что в одиночку мне с большой неправдой не совладать, так что начала я с мелких дел. Собрала я у людей в цеху карточки на молоко, за которым они ходить должны были в дальнюю столовую, принесла из дому кастрюлю, кипятила это молоко и разносила всем по рабочим местам. То же самое и с супом: уговорилась я с одним человеком, который мне суп в цех привозил, разогревала, а как все поели – мыла посуду. Не за счет работы, конечно, а во время перерывов.

Пришел ко мне мастер и говорит, что я на публику работаю, и что рабочие должны ходить в столовую. Отнесла я посуду обратно и снова раздумывала – что делать. Перед цехом был участок земли, я его вскопала и засеяла цветочками, но тут приходит мастер и говорит – что, неймется себя показать, да? – Я ничего такого, пан мастер, не хочу – отвечаю – хочу только, чтоб цветочки росли, но он снова запретил, и больше я садик не разводила.

Скучала я. На кране у меня работы было на четыре часа,

не больше (я на кран перешла после операции), цветочки сажать нельзя, суп разогревать тоже нельзя, так я сижу наверху и вяжу на спицах. Как-то раз слышу – тишина внизу. Подаю сигнал, гляжу – товарищ по цеху пишет мне на полу – З А Б А С Т О В К А. Я бегом вниз, а там уже толпа стоит, и директор объясняет, что премия разделяется так, как постановил премьер. Я кричу – ведь премьер обещал нам, что систему распределения мы сами разработаем. Как я это крикнула, люди и говорят мне – иди к микрофону! Повторила я снова о премиях, но добавила еще, чтобы сейчас мы все шли работать, а дирекция сообщит нам, что она решила. Люди снова пошли работать, – и только в тот день, 20 мая 1971 года, руководство обратило на меня внимание. Не то, что я людей бастовать звала, а что работать – люди-то меня послушались! Не уговоров начальника, не дирекции, а именно меня – это и заставило мое начальство призадуматься.

АННА ВАЛЕНТИНОВИЧ – на вопрос – снова – о том, не боялась ли она.

В октябре 1971 года умер мой муж, а сын пошел служить в армию. Десятого похороны были, а двадцать пятого сын уехал – осталась я одна.

Чего же мне было бояться, раз я одна осталась?

За мужа бояться не приходилось, потому как самое страшное уже случилось.

За сына тоже, потому что он уже взрослый был.

За себя тоже нет, потому что я знала, что Бог даровал мне жизнь, хоть все еще и не понимала в точности – почему. Так чего же бояться? Нет, страх тут у меня не присутствовал.

К тому же все время у меня занимали работа, кладбище, да поездки к сыну в Устку. Под каждое Рождество брала я в одну руку сумку с могильными лампадками, а в другую – всякую снедь для сына, вначале шла на могилку к мужу и зажигала свечи, а потом ехала к сыну. На могиле я говорила – вот, Казик, как оно все получается. У всех сегодня близкие

вместе с ними, а вы оба каждый в своем мире, и не могу я добраться до вас одновременно. Так и кружу, как космонавт, между вашими мирами – разве это справедливо?

Крест своему мужу я своими руками сделала. Сама его сварила, и оцинковала, и покрасила по белому фону черной краской, как береза получилось. Лампадки я поставила на очень длинные прутья, и иногда двигала ими и чувствовала, как они достают до гроба. Я говорила – Казик, ты меня слышишь? это я. И рассказывала обо всем, что случилось в цеху в этот день. Когда забастовка закончилась, я прямо с верфи побежала на кладбище. Казик – кричу. – Послушай! Мы победили!

АННА ВАЛЕНТИНОВИЧ – на вопрос, когда она поняла, что нужно делать.

После Декабря я думала – теперь-то уж наверняка все переменится, ведь не может же быть, чтобы после этих выстрелов, после этой крови все осталось по-старому, но оказалось – может.

Я помогала тогда двум женщинам, пани Лоде, парализованной в течение двадцати лет, с хроническим полиартритом, и пани Алиции, восьмидесятитрехлетней старушке, у которой не было родных. Мать Терезу из Калькутты однажды спросили, что она может дать человеку за полчаса перед смертью. Она ответила: веру, что он не полностью одинок. Я не могла ничего сделать для многих, для всех обиженных сразу, так что я думала, что помогу хоть пани Алиции.

Два года назад я впервые услышала о свободных профсоюзах. Я не знала, что это такое, но сразу во мне зародилась мысль, что если бы у нас были настоящие профсоюзы, то мы не были бы так беззащитны перед произволом и подлостью. Я начала искать людей, которые могли бы мне это все растолковать. Я удивилась, когда их увидела в первый раз, потому что это были люди из интеллигенции, которые хотели помочь нам, рабочим. Это были хорошие люди, и они дейст-

вительно хотели нам помочь. Я рассказала о них товарищам по цеху и принесла почитать разные вещи о профсоюзах.

После этого у меня начались неприятности. Рабочим запретили со мной разговаривать, а начальник цеха определил мне территорию, по которой я имела право передвигаться: от проходной до раздевалки, и от раздевалки до рабочего места. В цеху у меня был обозначен участок от входа до сетки, а поскольку туалет был уже за этим участком, то для меня специально сделали ключ от другого туалета, в соседнем цеху. Каждый шаг за предназначенную мне территорию считался самовольным уходом с рабочего места.

В сентябре я решила уйти на пенсию. Перед пенсией людям всегда дают более высокий разряд без экзамена, но для меня устроили экзамен. Я сдала его, и тогда начальник цеха сказал рабочим. – Хотите, чтобы она получила разряд? Тогда снимите плакат. Плакат висел с июня, со времени визита Папы, и никто не хотел его снимать, но раз от этого стало зависеть, прибавят ли мне зарплату, люди сказали – ладно, и сняли плакат.

Все это было довольно тяжело выносить, и меня поддерживала только мысль, что я не одна, и что еще могу молиться. Мы молились ежедневно, во второй половине дня, в костеле Пресвятой Девы Марии в Гдыне. Мы по многу раз вслух повторяли молитвы за уволенных с работы, чтобы их приняли обратно; за судей, которые выносят несправедливые приговоры; а прежде всего за то, чтобы у нас всегда хватало смелости стать на защиту другого человека.

В январе меня перевели на работу в другой цех. Там было трое людей, которым дали специальные задания: бригадир обязан был следить, чтобы я не отлучалась, старший группы – чтоб не разговаривала, а пани Ядвига должна была беседовать со мной запросто, по-женски. Перевод этот был незаконный, поскольку в трудовом соглашении это не предусматривалось, и поэтому я обратилась в комиссию по трудовым спорам. Комиссия по трудовым спорам передала дело в апелляционную комиссию, апелляционная комиссия – в суд, суд – в апелляционную комиссию, и через полгода, со-

гласно законному решению суда, меня вернули обратно на прежнюю должность в мой цех. Шли недели, а никто этого решения выполнять не собирался. В связи с этим я сама явилась в свой цех, но начальник стал у меня на дороге и велел уходить. На следующий день в проходной на меня набросились четверо из охраны, схватили за руки, забрали пропуск и затащили в караульное помещение.

Ежедневно я приходила на работу, в согласии с решением суда, но работать мне не позволяли. В какой-то день меня запирали на ключ в раздевалке, на другой охранники задерживали силой в караульном помещении, на третий ничего особенного не происходило, разве что директор заявил, что решение суда ему не указ, и так далее. Девятого июля охранники вызвали машину и отвезли меня в отдел кадров. Здесь, после тридцати лет работы на Гданьской судоверфи, мне вручили справку об увольнении за нарушение трудовой дисциплины, характеристику и дали деньги под расчет. В характеристике было написано – по статье 52, за самовольный уход с работы, хоть я приходила изо дня в день и отмечала табельную карточку.

Служащая, что оформляла мое увольнение, сказала мне – пани Аня, это просто ужасно, что они с Вами делают, мне две таблетки реланиума пришлось принять, иначе я б просто не смогла все это оформить.

Я спросила: – А почему Вы, собственно, это делаете?

– Если не сделаю, уволят – ответила та – а тогда придет кто-нибудь другой и сделает то же самое.

– Так пускай этот другой тоже этого не делает. И еще другой – тоже. Всех ведь не уволят.

Почему люди не понимают такой простой вещи, как Вы думаете?

АННА ВАЛЕНТИНОВИЧ – на вопрос, думает ли она, что люди злые.

Когда началась забастовка, с людьми стало происходить что-то странное. Люди сделались добрыми. Сразу, в один

день. Даже один такой, из самых худших моих гонителей, начал как-то смело говорить в микрофон, но этого уж я не выдержала и рассказала, как он вел себя раньше. Возникла не очень приятная ситуация, так что Лешек /Валенса/ должен был успокоить всех, кто был в зале. – Я прошу, чтоб все сели – сказал – и вели себя достойно, как подобает христианину. Я сам выведу этого человека, чтоб ничего дурного с ним не случилось.

И проводил его до проходной, за проходную даже, через толпу, которая там его ожидала.

Этот человек был тут у меня недавно и просил у меня прощения.

Все у меня теперь просят прощения и все со мной такие милые и добрые. Охранники, что мне руки выкручивали, говорят – добрый день, пани Аня – и даже пропуск не хотят проверять. Мастера, что следили, чтобы я только своим туалетом пользовалась, меня поздравляют, а пани Ядя, что беседовала со мной по-женски, сказала – Я с Вами, пани Аня. Во время забастовки я как-то пошла к ним с журналистом из Англии – и так уж они мне обрадовались! – Мы вынуждены были все это делать, пани Аня, потому что боялись – говорят. – Ну, а теперь уже не боитесь? – спрашиваю. – Нет, теперь нет. И мы кинулись друг другу на шею. Так что, я думаю, зла в людях, может, и нет – только вот боятся они очень.

АННА ВАЛЕНТИНОВИЧ – на вопрос о дне 14 августа.

В то утро я была в нашей поликлинике у врача. Кто-то сказал: забастовка. Я поглядела на подъемные краны за стеной. Они не двигались. На всякий случай я вернулась не к себе домой, а к знакомым, в сороковую квартиру. Около двенадцати прибежала ко мне соседка и говорит – директор за тобой машину прислал. Я сказала, что отсюда не выйду, и пусть подъедут к самому подъезду. Машина подъехала, я в нее вскочила и мы поехали. В двенадцать с минутами я вошла на верфь. При входе стояли какие-то женщины

с цветами, и оказалось, что цветы были для меня. Кто-то сказал, чтоб я поднялась на экскаватор. Я поднялась и увидела огромную толпу людей, как во время визита Папы. Над толпой я заметила транспарант: „ТРЕБУЕМ ВЕРНУТЬ ВАЛЕНТИНОВИЧ".

Я крепилась, чтоб не заплакать.

Потом я сказала – Спасибо вам всем – и спустилась с экскаватора.

Ну, а затем все мы пошли в зал техники безопасности, чтобы посовещаться, а остальное Вы уж наверно и сами знаете, так что нет смысла повторять.

Вопросы задавала Ханна Кралль

„Русская мысль", 13.08.1981

ПРИМЕЧАНИЯ

Краткий календарь событий

1. 1 сентября 1939 г. гитлеровская Германия напала на Польшу, что стало началом 2-ой мировой войны.

Требования бастующих коллективов предприятий

1. Речь идет о лицах, осужденных по сфабрикованным обвинениям за уголовные преступления. В результате требований забастовщиков они были выпущены на свободу.
2. 2000 злотых – около 100 руб. Средняя заработная плата в Польше составляла к тому времени около 3500 злотых в месяц. В результате удовлетворения этого требования зарплата была повышена всем работникам предприятий и учреждений ПНР, зарабатывавшим (в примерном пересчете) менее 400 руб. в месяц. Система распределения общей суммы фонда зарплаты, выделенной предприятию, устанавливалась самими работниками; при этом она либо делилась поровну, либо же преимущество предоставлялось низкооплачиваемым категориям (повышение составляло минимум 1-2 разряда тарифной сетки). Это повышение народ сразу же окрестил „валенсувкой" – в честь Леха Валенсы.
3. По коммерческим (повышенным) ценам некоторые дефицитные товары продавались в сети специальных „коммерческих" магазинов, а за валюту – в магазинах типа „Березка", которые отличаются от советских тем, что не предназначены исключительно для иностранцев, поскольку обладание валютой в Польше законом не преследуется.
4. Это было единственное требование рабочих, выполнение которого власти официально признали невозможным (бастующие не настаивали) ввиду отсутствия в стране соответствующих экономических возможностей.

Магнитофонная запись хода пленарных заседаний МЗК

1. МЗК – Межзаводской Забастовочный комитет
2. Предприятие промышленных установок и оборудования „Инсталь"

3. Речь идет о памятнике рабочим Балтийского побережья, погибшим во время кровавого подавления забастовок и рабочих волнений в декабре 1970 года.
4. ВПВиКР – Воеводское предприятие водопроводных и канализационных работ
5. Речь идет о России, Австрии и Пруссии, разделивших между собой польскую территорию в ходе трех так называемых „разделов Польши", имевших место в 1772, 1793 и 1795 гг. В результате независимое польское государство перестало существовать и возродилось вновь лишь в 1918 году.
6. КОР (Комитет защиты рабочих) – созданная в сентябре 1976 г. неофициальная организация, состоящая из представителей интеллигенции и поставившая себе целью защиту от преследований рабочих, участвовавших в движении протеста в Радоме и Урсусе в июне 1976 г. С осени 1977 г. преобразована в КСС–КОР (Комитет социальной самозащиты КОР). Небольшая, насчитывающая всего несколько десятков членов, организация приобрела широкую известность и моральный авторитет благодаря выступлениям в независимых („самиздатовских") публикациях. При содействии некоторых членов КОР весной 1978 г. были организованы первые Комитеты свободных профсоюзов в Катовице и на Балтийском побережье. В сентябре 1981 г. КОР принял решение о самороспуске в связи с тем, что необходимость в существовании специальной организации для защиты интересов трудящихся отпала, поскольку эту защиту осуществляет Независимое профсоюзное объединение Солидарность.
7. Оппозиционная группировка с некоторым националистическим уклоном. Обладает особенно значительным влиянием на Балтийском побережье.
8. Центральная база нефтяных продуктов
9. Механический завод им. генерала К. Сверчевского в Эльблонге
10. Предприятие монтажных и наладочных работ
11. Сеть магазинов типа „Березка"
12. Имеется в виду новый председатель Правительственной комиссии, вице-премьер-министр М. Ягельский, заменивший 21 августа вице-премьера Т. Пыку. Ягелло – династия польских королей.
13. Завод судового электрооборудования „Элмор"
14. Объединенная крестьянская партия (ОКП) и Демократическая партия (ДП) – в рамках официально существующей в ПНР

трехпартийной системы эти две партии, признающие ведущую роль ПОРП, входят вместе с ней в так называемый Фронт Единства Народа.

15. Производственно-торговое предприятие по переработке и сбыту серы „Сяркопол"
16. Завод электронной аппаратуры „Унимор"
17. Воеводское транспортное предприятие
18. ВПРВиК – Воеводское предприятие водопроводных и канализационных работ
    ВПТСБ – Воеводское предприятие перевозки строительного оборудования
19. Окружное предприятие теплоэнергетики
20. Предприятие монтажа телеэлектронной аппаратуры „Телком-Телмонт"
21. Папа Римский Иоанн-Павел II.
22. Предприятие термоизоляционных и антикоррозионных работ
23. Технологический центр судостроительной промышленности „Промор" (проектно-технологическое учреждение)
24. Воеводское транспортное предприятие „Турус"
25. Городской жилищный кооператив
26. Предприятие по производству бетона для сельскохозяйственного строительства
27. Воеводское предприятие транспорта и оборудования коммунального строительства
28. Объединение по сбыту и обслуживанию легковых автомобилей „Польмозбыт"
29. Гданьское предприятие стальных конструкций и промышленного оборудования
30. Гданьское транспортное предприятие /министерства/ строительства
31. Рабочий издательский кооператив „Рух"
32. Кардинал Стефан Вышинский в течение около четверти века был примасом (высший католический сан) Польши. После его смерти в 1981 году был провозглашен „примасом тысячелетия".
33. ПКВиМ – Предприятие обслуживания водно-мелиорационных сооружений
34. ПСТВиМ – Предприятие технического оборудования водно-мелиорационных сооружений
35. „Водроль" – Предприятие по обеспечению сельского хозяйства водой

36. Анджей Кмичиц, герой романа Г. Сенкевича „Потоп", честный, беззаветно смелый, но неискушенный в политике молодой человек, оказывается втянутым предателями Польши в заговор, имеющий целью подчинить страну захватчикам-шведам, но вовремя прозревает и переходит на сторону истинных патриотов.
37. Предприятия государственного автотранспорта
38. Польские Океанские Линии
39. Во время второй половины встречи 23 августа обсуждалось предварительное условие, выдвинутое МЗК – восстановление телефонной связи и сообщения с остальной частью страны, а также проблема оповещения населения о требованиях бастующих. Затем вице-премьер Ягельский представил позицию правительства относительно остальных 17 пунктов требований МЗК. Вся эта часть записи от 23 августа, а также полный текст переговоров вплоть до их окончания 31 августа 1980 г., были опубликованы в Польше только осенью 1981 г. Мы надеемся, что в ближайшее время станет возможным опубликование русского перевода полного текста этого исторического документа.

Протокол соглашения между Правительственной Комиссией и МЗК

1. Объединение польских урбанистов
2. Союз архитекторов Польши
3. Главная техническая организация

Зла в людях, может, и нет...

1. После 17 сентября 1939 года, когда по соглашению с Гитлером Красная Армия оккупировала восточные области Польши, местное население в массовом порядке вывозили на Восток – в Сибирь и Казахстан.
2. Администрация ООН по вопросам помощи и восстановления; на территории освобожденных из-под оккупации европейских стран действовала до конца 1946 г. – UNRRA.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 5
Краткий календарь событий 9
Требования бастующих коллективов предприятий 26
Магнитофонная запись
хода пленарных заседаний МЗК 29
Тексты выступлений
Л. Валенсы и М. Ягельского 31 августа 1980 г. 158
Протокол соглашения между
Правительственной Комиссией и МЗК в Гданьске. . . . 160
Приложение:
Зла в людях, может, и нет...
(беседа с Анной Валентинович) 178
Примечания 190

Soli